

Н Е М Е Ц К А Я   Л И Т Е Р А Т У Р А

Г Е Н Р И Х   Г Е Й Н Е

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Н. Я. БЕРКОВСКОГО И И. К. ЛУПЦОВА

Т о м   I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Художественная литература»

МОСКВА • 1938

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

Л И Р И К А

РЕДАКЦИЯ И КОММЕНТАРИИ
Н. Я. БЕРКОВСКОГО
ВСТУПАТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ ГЕОРГА ЛУКАЧА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Художественная литература»
МОСКВА • 1938

*Фронтиспис и рисунок
на титульном листе
Л. Р. Мюльгаупта
Переплет и суперобложка
Д. С. Хижинского*

О Т И З Д А Т Е Л Ь С Т В А

В первый том Собрания сочинений входят «Книга песен» и все стихотворения, написанные Гейне до 1827 года включительно, т. е. до года появления «Книги песен».

Издательство стремилось в отличие от прежних русских изданий Гейне объединить перевод «Книги песен» в руках немногих переводчиков, по возможности поручая одному и тому же переводчику перевод отдельных циклов ее. Для сохранения того художественного единства, которым отмечены гейневские циклы, необходимо единство и в передаче их на русский язык.

В русской литературе имеется значительное количество старых переводов Гейне, в частности «Книги песен», — классические переводы отдельных стихотворений из «Книги песен» даются нами в особом приложении.

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

I

Гейне родился в тот период, когда в Германии, вступившей на путь капиталистического развития, были уже налицо экономические предпосылки для широкой литературной деятельности и когда плодovитые и популярные писатели имели возможность существовать, не прибегая к меценатству мелких князей и не делаясь чиновниками.

Гейне бесспорно был наиболее популярным, наиболее читаемым германским писателем своего времени. Его произведения — и стихи и проза — издавались в невиданных до этого тиражах. Издатель Кампе разбогател на его сочинениях. И все же Гейне никогда не мог жить на свои литературные доходы. Все, что он писал, давало ему лишь очень непрочный заработок. Издание каждой книги означало для него унизительнейшую борьбу с издателем, — борьбу не только за получение причитающегося ему гонорара, но и за неискаженный текст, с которым издательство по недостойным соображениям литературной политики отдельных группировок обращалось самым бесцеремонным образом. Гейне неоднократно вынужден был для спасения своей литературной чести апеллировать к общественности и публично разоблачать своего издателя. Эта мелочная борьба проходит через всю жизнь Гейне, и в рамках одной статьи невозможно обрисовать ее сколько-нибудь подробно. Мы ограничимся лишь ссылкой на то, что возражений Гуцкова и его сторонников оказалось достаточно для того, чтобы издание второго собрания стихотворений Гейне было отложено на ряд лет. Та же группа Гуцкова самочинно изменила название книги Гейне о Берне, чтобы затем публично напасть на него за «претенциозное» заглавие.

Невозможность поставить себя в материально независимое положение отразилась роковым образом на всей частной жизни Гейне. Она привела его к унижительной зависимости от богатой родни, от семьи гамбургского архимиллионера Саломона Гейне; уже в ранней молодости Гейне учился на средства своего богатого дяди, однако невозможность существовать на литературный заработок сохранила эту зависимость даже тогда, когда Гейне стал знаменитым поэтом. Мелкобуржуазные моралисты из числа биографов Гейне упрекают его в легкомыслии и расточительности, объявляют его самого виновником этой унижительной зависимости от богатых родственников. Конечно, Гейне никогда не был мелкобуржуазным аскетом. Он родился и вырос в Рейнской области, бывшей тогда наиболее развитой частью Германии, он принадлежал к классу, проявившему огромную энергию в деле завоевания экономической и политической власти. В течение всей своей жизни Гейне был человеком широкого размаха и брызжущей жизнерадостности. Отрицание мелкобуржуазного аскетизма является, как мы увидим позднее, основным, решающим элементом его мировоззрения и его поэтической деятельности. Он должен был по характеру своего дарования вести жизнь на относительно широкой материальной основе. Его литературная деятельность могла бы предоставить ему такую возможность, но этого не позволяли условия капиталистической действительности.

Денежная помощь, которую Гейне получал от своих родных, — очень значительная с точки зрения мелкобуржуазных моралистов, — была по сравнению с состоянием гамбургских миллионеров сущим пустяком, просто жалкой «подачкой». Максимум того, что Гейне получал от своих богатых родственников, была ежегодная рента в 4800 франков. Когда же Саломон Гейне, обещавший поэту закрепить за ним в завещании эту ренту, умер, не сделав этого, то дядюшкин наследник в течение нескольких лет отказывал Гейне в каком бы то ни было денежном пособии. Только в результате ужасающих унижений Гейне добился получения своей ежегодной ренты и закрепления половины ее, после своей смерти, за Матильдой Гейне, женой поэта.

Ценой этого «семейного великодушия» явилось уничтожение меуаров Гейне. Это произведение, которому поэт в течение всей своей жизни придавал величайшее значение, исчезло,

так как родные Гейне боялись разоблачения действительных условий жизни поэта.

Именно эти жизненные условия надо постоянно иметь в виду при оценке публицистической и политической карьеры Гейне. Действительно, в этой карьере мы найдем много печальных срывов, много попыток компромисса с теми самыми силами феодально-абсолютистской Германии, с которыми Гейне так ожесточенно боролся. Еще в молодости он добивался, в качестве популярного писателя, профессуры в Мюнхене и поручал своему издателю Котта тайком сообщить правительству, что, в действительности, Гейне далеко не так радикален, как это может казаться. После Июльской революции он поручает своему другу, Фарнгагену-фон-Энзе, осведомиться в правящих кругах, нельзя ли нащупать для него какой-нибудь *modus vivendi*. Принятие субсидии от правительства Гизо является величайшим политическим провалом в жизни Гейне, но оно далеко не так позорно, как неудавшиеся попытки компромисса с прусским самодержавием. Эти темные тени на портрете Гейне неустраимы. Но чтобы правильно понять их, нужно помнить, в каких материальных условиях проходила литературная деятельность поэта.

...Однако было бы неверно объяснять эти колебания и срывы только шаткостью материального положения. Здесь были причины, так сказать, тактического характера. Сам Гейне довольно хорошо отдавал себе отчет в непоследовательности своей политической линии. Защищая, например, Вольтера против нападок Альфиери, он тем самым довольно прозрачно защищал самого себя от аналогичных упреков: «К Вольтеру однако несправедливы, когда утверждают, что в нем не было такого воодушевления, как в Руссо: он был только немного более умен и ловок. Беспомощность всегда ищет убежища в стоицизме и лаконически негодует при виде чужой ловкости. Альфиери делает Вольтеру упрек, что он как философ писал против знати, а как камергер — нес перед ней светильник. Мрачный пьемонтец не замечал, что Вольтер, так услужливо несший светильник пред великими мира, в то же время освещал их наготу».

Эта форма иронической «тактики», этот прием уничтожения противника при помощи мнимой похвалы, конечно, не могут извинить грубые политические неприличия, которые иногда позволял себе Гейне. Однако необходимо постоянно иметь в виду,

что основная линия литературной деятельности Гейне, несмотря на все его удачные и неудачные попытки компромисса с противником, представляла собой умную и беспощадную борьбу против немецкого абсолютизма и что даже «хвалы», которые он часто расточал Июльской монархии, почти всегда были проникнуты иронией, прикрытой довольно прозрачным покровом. Умный и беспринципный секретарь князя Меттерниха Фридрих Генц всегда понимал это и оказывал неофициальное давление на Котта, настаивая, чтобы тот не печатал в «Аугсбургской всеобщей газете» Гейневских корреспонденций о Франции. Публицистическая деятельность Гейне была непрестанной партизанской борьбой с цензурой за влияние на широкие круги общественности. Гейне всегда презирал небольшие эмигрантские газетки, не имевшие распространения ни в Германии, ни во Франции. Для того чтобы получить возможность говорить с более широкими кругами германского общества, ему необходим был в качестве дымовой завесы особый иронический стиль. Его все возраставшие симпатии к утопическому социализму и усилившееся под влиянием сен-симонизма равнодушие к политическим формам правления буржуазии внушили Гейне его временами сомнительную литературную тактику. Своему другу Лаубе Гейне дает в письме следующий совет: «В политических вопросах вы можете делать сколько вам угодно уступок, ибо политические государственные формы и формы правления являются только средством; монархия или республика, демократические или аристократические учреждения — стоят друг друга, до тех пор пока не решена борьба за самые основные жизненные принципы, за самую идею жизни... Разграничивая так вопрос, можно успокоить бдительность цензуры, ибо нельзя запретить обсуждения вопросов религии и нравственности, не уничтожая тем самым всей протестантской свободы мышления и суждения; в этом пункте мы приобретаем поддержку филистеров... Вы меня понимаете». Насколько далек был Гейне от мыслей о подлинном политическом компромиссе с реакцией, ясно показывает позднейшее письмо Гейне к тому же Лаубе: «Нам необходимо идти рука об руку с «Галльскими ежегодниками» и «Рейнской газетой»: мы нигде не должны скрывать наших политических симпатий и социальных антипатий...»

Поэтому, констатируя факты колебаний и компромиссов Гейне, мы не должны при оценке основной линии его публици-

стической деятельности делать какой бы то ни было уступки современным ему мелкобуржуазным критикам. Последние упрекали Гейне в «индифферентизме», даже в отходе от освободительного движения, монархизме и т. д. Разумеется, в писаниях Гейне имеется множество высказываний, которые, будучи вырваны из контекста, могли бы подтвердить законность подобных обвинений. Но если брать эти высказывания в связи с контекстом, то нетрудно увидеть, что они либо имеют иронический характер, либо же являются выражением вышеочерченной литературной тактики. Так, например, в Париже Гейне часто высказывался за монархию, именно за Июльскую монархию. Однако умные реакционеры всегда лучше знали цену этим «похвалам», чем ограниченные мелкобуржуазные республиканцы. Так Фридрих Генц пишет в упоминавшемся уже письме к Котта по поводу Гейневских корреспонденций из Парижа: «Бог с ними, с дворянством и духовенством, — с ними покончено... Но когда люди вроде Перье и его сторонников, т. е. служащие, банкиры, помещики и лавочники, подвергаются еще большим нападкам, чем прежние князья, графы и бароны, то кому же, в таком случае, остается управлять государством?» И на этом основании он требует от Котта не печатать корреспонденции «возмутительного авантюриста» Гейне. Таким образом, при всех своих иронических и тактических шахматных ходах, Гейне имел право считать себя честным солдатом великой освободительной борьбы.

И если под шерстью овечьей, в тепле,
Любил я порою укрыться, —
Поверьте, я все ж не дошел до того,
Чтоб счастьем овечьим плениться.

Нет, я не сродни ни треске, ни овцам,
Не буду ни псом, ни гофратом;
Я волком остался, волкам по зубам,
Волкам и по сердцу собратом.

Ироническая тактика Гейне в отношении многих политически актуальных вопросов имеет однако еще одно важное объективное основание, теснейшим образом связанное с лучшими качествами Гейне. Более или менее внимательный наблюдатель может заметить в жизни Гейне поразительный парадокс: Гейне был бесспорно наиболее популярным и наиболее читаемым германским писателем своего времени, и все же он провел почти всю свою жизнь в ужасающей изолированности и одиночестве.

Дружеские отношения с большинством близких ему лиц (Фарнгагеном-фон-Энзе, Иммерманом, Лаубе, Мейснером и др.) Гейне удалось сохранить лишь благодаря очень осторожной дипломатии с его стороны. Источником этого одиночества были не какие-нибудь личные психологические особенности поэта и, в частности, не иудаизм Гейне, которому антисемитские критики и сионистские защитники всегда придавали такое большое значение. В противоположность и тем и другим, мы полагаем, что Гейне как поэт и мыслитель теснейшим образом связан с историческим развитием Германии, что его одиночество не имеет никакого отношения к его еврейскому происхождению. Причина этого одиночества — чисто социального порядка. В своем развитии Гейне далеко опередил исторические горизонты буржуазии и радикальной мелкой буржуазии, он пришел к относительно глубокому пониманию исторической миссии, исторической роли пролетариата; однако он не примкнул к революционному пролетариату и поэтому в течение всей своей жизни колебался между буржуазной и пролетарской демократией. Поняв, что партийная борьба и лежащая в основе ее классовая борьба далеко превосходят по своему значению национальные противоречия, он никогда не мог полностью, безоговорочно примкнуть к какому-нибудь классу, какой-нибудь партии. В качестве буржуазного интеллигента Гейне даже иногда очень высоко ценит эту независимость, эту мнимую надпартийность. Он описывает, например, разговор со своей матерью в иронически-хвастливым тоне:

А матушка снова меня начала
Расспрашивать весело, живо
О тысяче разных вещей, и притом —
О том, что весьма щекотливо.

— Дитя мое милое! Как ты теперь?
К политике все еще падаю?
Скажи, по твоим убеждениям, какой
Нужней в госудагстэе порядок?

— Мамаша, вкусны апельсины твои,
И сладостный сон их глотаю
Всегда с наслаждением истинным я,
А корки на землю бросаю.

Но в бурной политической и литературной борьбе, заполнявшей жизнь Гейне, он не мог сохранить эту позицию;

ему нужны были спутники и союзники. И повсюду, где только можно было найти некоторое единодушие в политических, философских и литературных вопросах, Гейне судорожно хватался за него и старался, до тех пор пока было возможно, игнорировать существовавшие и всегда сознававшиеся им расхождения со своими союзниками. Однако в конце концов обнаруживалось, что все это единодушие покоилось на очень шаткой основе. Так Винбарг однажды спросил у Гейне, действительно ли он считает Иммермана таким великим поэтом? Гейне вначале хвалил Иммермана. «После краткого молчания он тихонько прибавил: «Но чего вы хотите, — так ужасно быть совсем одиноким». Так же обстояло дело и с прочими дружескими отношениями Гейне.

Гейне духовно перерос буржуазную демократию; он понял, как никто, кроме него, в Германии до Маркса, историческую роль и значение пролетариата, и все же — он не сделался пролетарским революционером. В этом, а не в чем-либо ином, настоящий ключ к пониманию причин его одиночества, этим объясняется также, почему он как одинокий, предоставленный только самому себе революционер, не имевший возможности опереться в своей борьбе против полицейского государства и буржуазного общества на какую-нибудь партию, должен был пройти через столько колебаний, идти на такое множество компромиссов. Но при всем том Гейне остался верен основному направлению своей жизни. Он мог с полным правом сказать о себе в своих позднейших стихах:

Забывтый часовой в войне свободы,
Я тридцать лет свой пост не покидал;
Победы я не ждал, сражаясь годы;
Что не вернусь, не уцелею — знал.

II

Общественное содержание творчества Гейне определилось его позицией немецкого революционера в период, предшествовавший 1848 г. Июльская революция и переселение в Париж сделали из Гейне революционного публициста с европейским горизонтом и европейским значением. Однако это не уменьшает значения Гейне для идеологической подготовки германской революции. Все более глубокое понимание классово-структурной

общества и роли пролетариата в революции делает из Гейне сознательного и решительного революционера. Правда, как мы сейчас увидим, это углубление взглядов Гейне означает одновременно углубление противоречий, безнадёжно раздирающих его мышление, его жизнь и деятельность.

В «Немецко-французских ежегодниках», возникших в период близкой личной дружбы между Марксом и Гейне, основоположник научного коммунизма даёт глубокий анализ обстановки в Германии, анализ, который очень подходит для объяснения Гейневской публицистики и ее противоречий. Маркс исходит из политико-экономической отсталости Германии, но рассматривает эту отсталость в широкой международной связи и в связи с перспективами грядущей революции. Германия стоит перед буржуазной революцией, но в такой период, когда в более развитых странах, во Франции и Англии, классовая борьба между буржуазией и пролетариатом стала уже центральным вопросом общественного развития. Германские условия являются, таким образом, по словам Маркса, а н а х р о н и з м о м. «Даже отрицание нашей политической современности является уже покрытым пылью фактом в исторической кладовой новых народов... Отрицательно относясь к немецким порядкам 1843 года, я, по французскому летоисчислению, едва нахожусь в 1789 году, тем не менее в самом фокусе современности». Это глубокое понимание национального и международного положения Германии очень скоро приводит Маркса к тактике «Коммунистического манифеста», к пониманию революционной, ведущей роли пролетариата в буржуазной революции, к перспективе перерастания буржуазной революции в пролетарскую. И с этой точки зрения Маркс устанавливает задачи для германского революционного публициста. Во главу угла он ставит критику идеологии, в особенности критику немецкой философии, как бы оправдывая, тем самым, публицистическую деятельность Гейне в 30-х гг.

Противоречия социально-политической обстановки в Германии были определяющим моментом для публицистики Гейне, ещё до его знакомства с Марксом. Публицистика Гейне развивается по двум направлениям. С одной стороны, она является изображением и критикой социального, политического и культурного развития Франции в период Июльской монархии, причем для Гейне в центре внимания все более становится

классовая борьба пролетариата против буржуазии. С другой стороны, — это популярная и сделанная широкими мазками критика развития немецкой идеалистической философии, а также немецкой классической и романтической поэзии. Политическим ядром этой популярной истории идеологии было то положение, что вместе с Гегелевской философией завершается философский цикл борьбы; что идейные предпосылки революции в Германии подготовлены; что в Германии в порядке дня стоит переход от философии к действию, к практической революции.

Публицистика Гейне выражает, таким образом, те же самые мысли, которые были сформулированы Марксом в завершенной теоретической форме и были им положены в основу его революционной тактики. Трагедия Гейне заключается в том, что, в то время как Маркс понял диалектическую связь всех противоречий реальной действительности и установил, что сами эти противоречия являются объективным двигателем революционного развития, Гейне только констатировал эти противоречия рабочего класса и, при всем блеске своего ума, беспомощно метался от одной крайности к другой. Гейне ясно видит необходимость грядущего возвышения пролетариата. В распространении капитализма на весь мир, в росте и усилении он усматривает исторически необходимое явление. Он видит также, как велика разница в развитии между Францией и Англией, с одной стороны, и Германией — с другой. Но Гейне не в состоянии сделать из этого понимания надлежащих конкретных и реальных выводов для перспектив германской революции. Такую же неуверенность он проявляет затем и в оценке развития Франции.

В настоящее время очень нетрудно глядеть свысока на «политическую неопытность» поэта Гейне. Однако рассмотрим политическую публицистику Германии 40-х гг. Даже после выступления Маркса и Энгельса (не говоря уже о 30-х гг.), мы не найдем здесь ни одного публициста, стоявшего на уровне Гейне, при всей его непоследовательности. Несомненно, что Гейне подходит к революционной точке зрения Маркса и Энгельса ближе, чем кто бы то ни было из его современников, за исключением вполне сознательных членов «Союза коммунистов».

Преклонение перед французской революцией проходит через всю молодость Гейне. У Гейне, проведшего детство в оккупиро-

ванном наполеоновскими войсками Дюссельдорфе, это преклонение, особенно вначале, было слито воедино с преклонением перед Наполеоном. Но уже под влиянием публицистической борьбы в Германии перед Июльской революцией, мировоззрение Гейне — правда, через ряд колебаний — все определеннее революционизируется. Еще до переселения в Париж, Гейне заявляет, что он преклоняется перед Наполеоном только до Брюмера, т. е. признает его только душеприказчиком французской революции. Революционность Гейне в дальнейшем приобретает все более усиливающийся демократический акцент. Непосредственно перед своим переселением в Париж он восторженно приветствует Июльскую революцию, выражая это словами одного гелголандского рыбака: «Бедняки победили».

В то время Гейне считал еще тактически правильным, в особенности для Германии, сконцентрировать революционную борьбу исключительно на ликвидации пережитков феодализма. Но он уже знал, что революция должна перерасти эти рамки, и, со своей стороны, приветствовал это перерастание. Перед своим отъездом в Париж он писал Фарнгагену по поводу последнего, вышедшего в Германии тома «Путевых картин»: «Книга сделана односторонней умышленно. Я прекрасно знал, что революция охватывает все социальные отношения и что дворянство и церковь не единственные ее враги. Но для ясности я представил их как единый вражеский союз. Это консолидирует сопротивление. Я лично ненавижу буржуазную аристократию (*aristocratie bourgeoise*) еще сильнее».

Антикапиталистические тенденции Гейне, ярко выраженные уже перед Июльской революцией, развились и укрепились благодаря его наблюдениям над Июльской монархией. Гейне все яснее видит, что в прежних революциях пролетариат, плебеи, народ — были лишь пушечным мясом для буржуазии. Спустя девять лет после Июльской революции, Гейне следующим образом говорит о победе бедняков: «Это уже довольно старая история. Не за себя с незапамятных времен народ истекал кровью и страдал, — не за себя, а за других. В июле 1830 года он добился победы для буржуазии, стоящей того же, что и то дворянство, место которого она заняла, и которое пропитано тем же самым эгоизмом... Народ ничего не добился для себя своей победой, кроме сожалений и еще большей нужды. Но будьте

уверены, когда опять прозвучит набатный колокол и народ снова возьмется за оружие, то на этот раз он будет бороться за себя самого и потребует заслуженного вознаграждения.

Финансовая олигархия дает множество поводов для насыщенной ненавистью иронии Гейне. Он не только наблюдает и издевается над всеобщей продажностью Июльской монархии, железнодорожными спекуляциями и т. д., но и одновременно разоблачает мелочный торгашеский дух французского капитализма, подчиняющего все великие интересы нации биржевым интересам буржуазной аристократии. Он наблюдает так же, как это делал одновременно с ним Бальзак, растущую зависимость литературы и прессы от власти капитала и ее усиливающуюся в связи с этим продажность. Он наблюдает и беспрестанно издевается над вырождением любви, в условиях капитализма превратившейся в различные формы нелегальной проституции. Он наблюдает, как прежних борцов постепенно затягивает грязный поток капитализма, как, например, некогда преследуемые и мужественно страдавшие сен-симонисты стали торгашами и спекулянтами. Он иронически описывает парижскую биржу, «выстроенную в благороднейшем греческом стиле и посвященную гнусному делу — спекуляции государственными бумагами».

Поэт Гейне — как и большинство его великих современников, выдающихся поэтов XIX столетия, — ненавидит капитализм прежде всего за то, что он коренным образом уничтожает или загрязняет всякий героизм, всякое подлинное человеческое величие.

Но ненависть Гейне, направленная против капитализма, против разрушения культуры и человеческого достоинства, не носит романтического характера. Гейне всегда противопоставляет убожеству капиталистического мира революционный подъем «героического периода» буржуазии и перспективу грядущих революций, а не заплесневелую идиллию примитивных докапиталистических отношений. Уже в «Путевых картинах» он, говоря о спокойном счастье средневековья, об огромном расцвете искусства в прошлом, замечает, что дух человеческий перешагнул через эту эпоху — и безвозвратно.

Позднее Гейне ставит этот вопрос гораздо более материалистически. Он понимает, что развитие промышленности подрывает основу феодализма и его идеологию, в особенности религию.

При всей остроте своей критики капитализма, он признает неизбежность этого развития. Гейне называет однажды Ротшильдов самыми могучими пособниками революции.

Критика капиталистического общества и его культуры все более перерастает у Гейне в уверенность, что дни капиталистического общества сочтены. «Новое буржуазное общество, вкусивши земных наслаждений, хочет как можно быстрее осушить последний кубок, подобно старому дворянскому обществу перед 1789 годом... И оно слышит уже в коридоре тяжелые шаги новых богов, которые войдут в банкетную залу, не постучавшись предварительно, и опрокинут столы».

Вместе с тем, Гейне недооценивает силу сопротивления буржуазии революционному пролетариату. Буржуазии, по мнению Гейне, недостает веры в свое право, ей нехватает самоуважения, — буржуазное общество легко развалится.

Эта недооценка трудности свержения буржуазии вытекает у Гейне не только из его вполне обоснованного презрения к представителям торгашеского мира, которых он мог наблюдать очень близко, но одновременно также из его преклонения перед единственными подлинными героями этого периода, перед демократическими и пролетарскими революционерами. Так защита монастыря Сен-Мери является в глазах Гейне единственным по-настоящему героическим поступком его времени. Позднее он так же преклоняется перед восстанием силезских ткачей, а в пору своего величайшего разочарования в Февральской революции он снова и снова подчеркивает героизм рабочих. Он видит в этих героях достойных наследников великих людей первой французской революции.

Однако здоровый исторический инстинкт, тонкое поэтическое чутье заставляют его настороженно относиться к попыткам буржуазно-демократических революционеров возродить героический период Конвента. Он инстинктивно чувствует, что якобинцы Июльской монархии являются «плагиаторами прошлого». В начале 30-х гг. Гейне присутствует на докладе революционера Бланки и полностью с ним соглашается. Но свое впечатление от этого доклада он резюмирует следующим образом: «От собрания пахло совсем как от зачитанного, липкого экземпляра «Moniteur'a» 1793 года».

Однако Гейне знает, что «Moniteur» 1793 г., над которым издаются в Париже, является знаменем революции для Германии.

«В нем есть такие слова заклинания, — слова, которыми мертвых вызывают из их могил, а живых посылают на смерть; слова, которые обращают карликов в великанов, а великанов повергают в прах; которые рассекают все наше могущество, как топор гильотины рассекает королевские шеи».

Точно так же понимает Гейне неизбежность национального характера грядущей германской революции. Он неустанно издевается над барбароссовской романтикой, над романтическими грезами возрождения старой Германии и ее черно-красно-желтого национального флага. Но в предисловии к «Германии», где его ирония особенно горька и глубока, он пишет по этому поводу: «Я буду чтить и уважать ваши цвета, когда они будут того заслуживать, когда они перестанут быть забавой людей праздных или холопов. Водрузите черно-красно-золотое знамя на вершине немецкой мысли, сделайте его стягом свободного человечества, и я отдам за него лучшую кровь моего сердца».

Он объясняет немцам, что они сумеют вернуть себе Эльзас-Лотарингию только в том случае, если с помощью германской революции смогут предложить эльзасцам большую свободу, чем Франция. Это более широкое и более глубокое, чем у большинства его современников, понимание содержания германской революции обнаруживается везде, где Гейне расходится с Берне и другими ограниченными вульгарными демократами. Гейне понимает, что центральным вопросом германской революции является восстановление единства. Он так же, как и Берне, издевается над сервилизмом так называемой «Освободительной войны», но одновременно понимает, что представители немецкого национализма в период реставрации должны были прикинуть, чего требовала известная политическая необходимость, к либеральному движению и что они должны были отколоться от либералов лишь по прошествии долгого времени и в результате дифференциации, вызванной поражениями. «Да, армия немецких революционеров кишела прежними тевтономанами, которые кисло лепетали современные лозунги и даже пели «Марсельезу»... Но все же дело шло об общей борьбе за общие интересы, за единство Германии... Наше поражение — пожалуй, счастье»...

Поэтому Берне осуждает Менцеля как ренегата исключительно с моральной точки зрения, в то время как Гейне, расправляющийся с ним при помощи уничтожающей иронии, видит

также и те социально-политические причины, результатом которых является ренегатство Менцеля.

Отношение Гейне к республике также отличается значительно большей глубиной, чем отношение большинства его современников, в частности вульгарных демократов. Он прекрасно понимает, что буржуазии нужна не республика сама по себе, а такой государственный строй, который бы обеспечивал ее господство. «Да, республики прежнего качества не испугали бы французскую буржуазию, которая легко примирилась бы с этой формой правления и спокойно стояла бы на часах, охраняя Тюильри, независимо от того, была бы здесь резиденция Луи-Филиппа или Comité du Salut public, потому что буржуазия прежде всего желает порядка и защиты существующего права собственности, стремление к которому республика может так же удовлетворить, как и монархия. Но, как я сказал, эти лавочники инстинктивно чувствуют, что республика теперь не могла бы уже отстаивать принципа девяностых годов, что она явилась бы только формой, в которую вылилось бы неслыханное господство пролетариата со всеми догматами материального равенства. Они — консерваторы в силу внешней необходимости, а не в силу внутреннего побуждения, и страх здесь служит опорой всему». В связи с этим, Гейне рассматривает значение Луи-Филиппа как «великого пожарного, тушащего пламя и охраняющего от всеобщего мирового пожара».

Таким образом, у Гейне вопрос о республике теснейшим образом связан с тем «вторым актом» революции, который должен привести пролетариат к власти. Однако именно в этом вопросе наиболее ярко проявляется противоречивость всего мировоззрения Гейне.

Жалкий исход Февральской революции был одним из глубочайших разочарований в жизни Гейне. Он осыпает вождей ее, Луи-Бланов, Ламартинов и других, горькими насмешками. Но, несмотря на это, он горюет не только потому, что в июльской бойне рушились его ожидания «второго акта» революции; он испытывает в то же время страх, что эти ожидания все же м о г л и осуществиться. Окончательную победу пролетариата Гейне считает неизбежной необходимостью, но в то же время он дрожит перед этой победой, сулящей, по мнению поэта, гибель культуре, хотя, как мы уже видели, Гейне не сомневается в том, что именно при капитализме ежедневно и ежечасно разрушается культура.

Он видит, что пролетарская революция с исторической необходимостью неизбежно вырастает из всего капиталистического развития, и понимает также причины и обусловленность этой революции. Он отлично понимает, что никакая декларация прав в духе буржуазной демократии — как бы радикально-якобински она ни проводилась — не может удовлетворить священнейшего человеческого права — права на хлеб. Неопровержимость коммунизма, по мнению Гейне, заключается именно в том, что это право существует. В своем позднейшем стихотворении «Страствующие крысы» Гейне издевается над страхом филистеров перед пролетарской революцией и их иллюзиями, что с нею можно справиться аргументами или силой оружия:

Тщетны все усилия, бедненькие дети!
Ах, ни эти пушки, ни молитвы эти,
Ни указы мудрых городских властей
Не спасут нас нынче от таких гостей.

Не спасут и фразы, доводы рассудка —
На манер старинный новая погудка...
Крысу не поймает в тонкий силлогизм,
Крыса перепрыгнет чрез любой софизм.

Ах, в желудке тощем понимание тупо:
Признает он только аргументы супа,
Подчиниться может логике одной —
Мяса с геттингенской сочной колбасой.

Но Гейне не останавливается только на признании этой материальной необходимости и возможности осуществления требований пролетариата. Он понимает также и необходимость связи между пролетарским движением и стоящими особняком от него утопическими теориями и очень рано предсказывает, что пролетарское движение и социалистическая теория должны объединиться друг с другом и что в этом соединении должны раствориться все утопические секты. Поэтому главным героем его парижских корреспонденций, в особенности в начале 40-х гг., является пролетариат. В одном из своих писем по поводу книги «Лютетия» Гейне говорит, что подлинным героем ее является социальное движение, в то время как король Луи-Филипп фигурирует в ней лишь как статист. В другом письме он иронически описывает свое положение в качестве корреспондента. Оно похоже на положение корреспондента в древнем Риме, который пишет не о великих государственных интригах при римском импера-

торском дворе, а о невежественной и преследуемой кучке первых христиан. И он выдвигает при этом коммунистов как «единственную во Франции партию, заслуживающую серьезного внимания».

И несмотря на такое сравнительно глубокое понимание революционного движения, Гейне боится мировой катастрофы, в случае победы пролетарской революции. Он с большой тонкостью наблюдает факты и тенденции развития буржуазного общества, выводя из этого необходимость социалистического переворота. Но этот переворот предстает в его воображении — независимо от того, приветствует ли он его или содрогается от него — как фантастические сумерки буржуазного общества. В этой картине ему недостает всех конкретных посредствующих звеньев; он не приемлет социалистическую революцию как конкретный исторический акт, как процесс революционного преобразования всего общества пролетариатом, пришедшим к власти. И при всем своем сочувствии социалистической революции, при всем преклонении перед героизмом борющихся рабочих, Гейне не мог понять созидательной роли пролетариата в построении нового общества и потому боялся грядущей революции.

Было бы однако грубым упрощенчеством видеть в этом только интеллектуальный «аристократизм» поэта Гейне. Наоборот, чтобы правильно понять двойственность Гейне в вопросе об отношении к революции, надо принять во внимание объективные противоречия современной ему стадии революционного движения рабочего класса. Рабочее движение было тогда накануне преодоления примитивного мелкобуржуазного аскетизма, свойственного ему вначале, причем это преодоление было сложнейшим и полным противоречий процессом. (Надо только вспомнить о борьбе Энгельса в Париже против примитивной «грубоватости» ремесленного коммунизма.) Гейне идейно перерос этот примитивный аскетизм. «Мы содействуем благосостоянию матери, материальному счастью народа не потому, что, подобно материалистам, презираем дух, но потому, что нам известно, что божественность человека обнаруживается и в его телесном существовании, а бедствия и страдания разрушают или уничтожают тело, созданное по образу божью, через что погибает и дух... Мы сражаемся не за человеческие права народа, а за божеские права человека. Этим и еще многим другим мы отличаемся от людей революции. Мы не хотим быть ни санкюлотами, ни скромно живущими гражданами, ни дешевыми президентами,

мы основываем демократию одинаково радостных, одинаково счастливых, одинаково неприкосновенных людей. Вы требуете простых одежд, нравственного воздержания и не приправленных никакими пряностями наслаждений; мы, напротив того, требуем нектара и амброзии, пурпурных мантий, драгоценных благоуханий, неги и роскоши, веселой пляски нимф, музыки и сценических представлений... Поэтому не гневайтесь, вы, добродетельные республиканцы! На ваши цензорские упреки мы ответим вам возражением, которое сделал уже шут у Шекспира: «По твоему мнению, из-за того, что ты добродетелен, на земле не должно быть ни вкусных пирожных, ни сладкого вина?»

При всей пантеистически-религиозной расплывчатости этих формулировок, в них мы находим идейное преодоление всех уравнилельных или казарменных концепций примитивного социализма.

Поэтому противоречивость отношения Гейне к социализму не должна заслонять от нас того факта, что он во многом прав, полемизируя против примитивного аскетизма старых якобинцев и против аскетизма первоначального периода рабочего движения с его мелкобуржуазно-уравнилельными тенденциями. Он безусловно прав в своей страстной защите великого буржуазного наследия (Гете, Гегель) от нападок Берне. Не случайно поэтому, что молодой Маркс намеревался публично выступить с защитой Гейне в его полемике с Берне. Трагедия Гейне заключается однако в том что, критикуя первоначальный период рабочего движения, он сам не в состоянии подняться до понимания марксовой теории научного социализма.

Отсюда идут и колебания Гейне между преклонением перед социализмом и боязливым отвращением к пролетарской революции. Начинаяющееся нарастание революции в 40-х гг. подводит Гейне совсем близко к признанию социализма. Книга против Берне, «Германия» и др. являются публицистическим и поэтическим выражением этого. Эта эволюция Гейне достигает кульминационного пункта в период его дружбы с Марксом во время пребывания последнего в Париже (1843—1844) и затем вплоть до революции 1848 г. Годы знакомства, а затем и дружбы с Марксом оказали огромное влияние на творческое развитие Гейне. Под непосредственным влиянием Маркса, Гейне всю силу своего таланта отдает революционной борьбе и создает ряд произведений, выдвинувших его как крупнейшего политиче-

ского поэта своего времени. В эти годы создается поэма «Германия», «Песнь ткачей» и ряд замечательных политических стихотворений, входящих в цикл «Современные стихотворения».

Однако после Февральской революции высказывания Гейне принимают совершенно иной, мрачный и пессимистический характер. Смертельно больной, прикованный к постели, отрезанный от внешнего мира, Гейне мучительно переживал разочарование в Февральской революции, поражение пролетариата в июльской бойне, крушение революций в Германии, Австрии и Венгрии, весь период реакций после 1848 г. Не понимающий неизбежности нового революционного подъема, Гейне не мог побороть в себе охватившего его отчаяния.

В одиночестве своей «матрачной могилы», в удушающей атмосфере бонапартистской реакции Гейне теряет веру в культурный подъем человечества через социализм, в чувственно-земной рай максимального физического и духовного развития личности при социализме. В предисловии к французскому изданию «Лютеции», за несколько месяцев перед своей смертью, Гейне с ужасом отворачивается от созданной его же воображением картины будущего. «Они (коммунисты. *Г. Л.*) уничтожат мои лавровые рощи и станут сажать там картофель... Розы, эти праздные невесты соловьев, подвергнутся такой же участи; соловьи, эти бесполезные певцы, будут изгнаны, и — увы! — из моей «Книги песен» бакалейный торговец будет делать фунтики и всыпать в них кофе или нюхательный табак для старух будущего».

Но при всех отталкивающих сторонах, рисовавшихся больному воображению Гейне, коммунизм все еще имеет над его душою неотразимую власть. Гейне приводит два аргумента, которым он, по его словам, не может противостоять. Первый из них — это голос логики. «Дьявол — логик», — говорит Данте. Страшный силлогизм околдовал меня, и если я не в состоянии опровергнуть посылку, что «все люди имеют право есть», я вынужден подчиниться и всем выводам, вытекающим из нее... И я восклицаю: «Приговор давно уже произнесен; оно обречено, это старое общество. Да свершится правосудие! Да будет он разрушен, этот старый мир, где невинность погибала, где эгоизм благоденствовал, где люди эксплуатировали друг друга! И да будет благоденствует тот бакалейный торговец, который будет некогда извлекать пакетики из моих стихотворений и всыпать в них кофе и

табак для бедных старушек, которым в нашем теперешнем мире несправедливости, может быть, приходилось отказывать себе в подобных удовольствиях... *Vivat justitia, pereat mundus!* *

Второй аргумент, пожалуй, еще лучше и конкретнее раскрывает перед нами Гейне как революционера. Он высказывает сочувствие коммунистам за то, что они являются врагами его врагов — немецких христианских националистов. «Я всегда чувствовал ненависть и всегда боролся с ними; и теперь, когда меч падает из моих рук — рук умирающего, я утешен сознанием, что коммунизм, которому они первые попадутся на дороге, нанесет им последний удар; и конечно, не ударом палицы уничтожит их гигант, — нет, он просто раздавит их ногой, как давят жабу». Гейне высказывает свои симпатии к коммунизму как представитель идеи интернационализма в противоположность ограниченному буржуазно-реакционному национализму.

Это с необходимостью приводило Гейне к признанию грядущей победы коммунизма. Но этого было недостаточно для того, чтобы, несмотря на всю ожесточенность его критики существующего порядка вещей, до конца и органически связать его с новым революционным классом, с пролетариатом.

III

Значение Гейне в подготовке революционной идеологии в Германии является для немецких историков литературы книгой за семью печатями. Так как они не знают или не понимают значения разложения гегельянства и революционного превращения Марксом идеалистической диалектики Гегеля в диалектику материалистическую, то весь этот чрезвычайно важный идеологический переход остается для них невыясненным. Энгельс с большой исторической справедливостью указал на действительное место Гейне в процессе этого развития. Изображая парадоксальность положения, при котором немецкая реакция долгое время могла считать Гегелевскую философию своим собственным мировоззрением и при котором партия либералов видела в Гегеле простого реакционера, Энгельс замечает, что «то, чего не замечали ни правительство ни либералы, видел уже в 1833 году, по крайней мере, один человек; правда, он назывался Генрих Гейне». **

* Да здравствует справедливость, да погибнет мир!

** Ф. Энгельс. II. Фейербах. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 635.

Значение Гегеля для развития Гейне настолько велико, что его нельзя переоценить. Вся историческая концепция Гейне (его взгляды на греков и христианство, на историческое значение Возрождения, Реформации, Французской революции, Наполеона и т. д.), вся Гейневская теория искусства (противоположность между античностью и современностью, понимание романтизма и т. д.) определялись Гегелем. Игнорирование всего этого немецкой историей литературы объясняется в значительной мере полнейшим невежеством господ историков литературы в области философии. Непосредственные, правда скудные, ссылки Гейне могли бы служить указанием как относительно того, чем Гейне обязан Гегелю, личным учеником которого он был, так и относительно того, как Гейне пытался преодолеть Гегеля, интерпретируя его. В этом последнем отношении Гейне является одним из передовых предшественников радикального младогегельянства. Правда, Гейне так и не дошел до материалистической перестройки идеалистической диалектики Гегеля. Несмотря на свою близкую дружбу в Париже с Марксом, он никогда не понимал философского значения работ Маркса, печатавшихся в «Немецко-французских ежегодниках». Подобно тому как политически Гейне остановился на пороге раскола между буржуазной и пролетарской демократией, точно так же, превратив консервативные элементы Гегелевской философии в социальный и философский радикализм, он не сумел довести до конца этот преобразовательный процесс, остановившись на пороге его завершения. Оба эти процесса являются у Гейне — как это легко понять — идеологическими отражениями его социальной двойственности.

Центральным вопросом критики Гегелевской философии было преодоление ее консервативного характера, ее прославления существующего. Гейне открыто нападает на эту сторону Гегелевской философии. Но основная его линия совпадает с линией общерадикального младогегельянства: он видит в консервативном характере Гегелевской философии продиктованную обстоятельствами «маскировку» и объявляет революционный характер этой философии эзотерическим учением самого Гегеля. («Трубный глас страшного суда» Бруно Бауэра, в подготовке которого принимал участие и молодой Маркс, был кульминационным пунктом этой формы радикальной интерпретации Гегеля.) Гейне приводит один свой разговор

с Гегелем, в котором чрезвычайно ярко выразилось отношение Гейне к взглядам Гегеля на политику и религию. «Когда я однажды выразил свое неудовольствие по поводу формулы «Все существующее разумно», он как-то особенно усмехнулся и заметил: «Можно было бы также сказать: «Все, что разумно, должно существовать»... Только позднее я понял смысл подобных выражений. Точно так же я только позднее понял, почему он утверждает в истории философии, что христианство уже по одному тому прогрессивно, что проповедует учение о боге, который умер, между тем как языческие боги ничего не знали о смерти. Но в таком случае, какой бы это был прогресс, если бы бога вообще не существовало!» Таким образом, Гейне интерпретирует Гегелевскую философию в смысле пантеистически завуалированного атеизма. «Я никогда не был отвлеченным мыслителем, — пишет Гейне, — и принимал синтез Гегелевского учения на веру, так как его выводы льстили моему тщеславию. Я был молод и горд, и мое самолюбие было удовлетворено, когда я узнал от Гегеля, что господь бог — я сам на земле, а не тот, кто обитает на небесах, как полагала моя бабушка».

Высказывая подобным образом «школьный секрет» Гегелевской философии, Гейне отдает себе ясный отчет в политических выводах интерпретируемой таким образом Гегелевской философии. В дополнение к вышеприведенному разговору с Гегелем, Гейне пишет: «Уничтожение веры в небо имеет не только моральное, но и политическое значение: массы не переносят больше с христианским терпением свою нищету в этом мире, а жаждут счастья на земле. Коммунизм является естественным результатом этого изменившегося мировоззрения, и он распространяется по всей Германии. Столь же естественно и то, что пролетарии, в своей борьбе против существующего строя, имеют своими вожжами самые передовые умы, философов великой школы; они переходят от теории к действию».

Синтез истолкованной таким образом Гегелевской философии с сен-симонизмом был лишь дальнейшим шагом на пути к радикализации взглядов Гейне, шагом, давшим ему возможность разглядеть в перспективе пролетарской революции продвижение в жизнь Гегелевского «разума».

Основная тенденция этого синтуирования Гегеля и Сен-Симона бесспорно антирелигиозная. Гейне рассматривает всю всемирную историю как борьбу между эллинами и назарей-

пами (под которыми он объединяет вместе евреев и христиан), он видит во всей духовной и политической истории нового времени борьбу спиритуализма с сенсуализмом. Он рассматривает, как, впрочем, и Людвиг Фейербах, революции, исторические перевороты как перевороты в мировоззрении, в философии и в религии. При этом он правильно замечает материалистически-сенсуалистические элементы во всех предшествовавших революционных движениях (например, в крестьянской войне); он видит духовное и политическое превосходство Возрождения над Реформацией. Оба эти явления представляют собой, по мнению Гейне, начало разложения средневековья. «Лев Х, пышный Медичи, был таким же ревностным протестантом, как и Лютер; и как в Виттемберге протестовали латинской прозой, так в Риме языком протеста были мрамор и *ottave rime*... Итальянские художники полемизировали с поповством, пожалуй, гораздо успешнее, чем саксонские теологи. Цветущее тело на картинах Тициана — все это сплошной протестантизм. Бедра его Венер — тезисы, гораздо более убедительные, чем те, которые были прибиты немецким монахом на дверях Виттембергской церкви».

Вся эта полемика против христианства является, по мнению Гейне, предпосылкой социальной революции. Социальная революция осуществляет в этом мире то, что религия обещает на том свете. Поэтому Гейне делает вывод: «Может быть, человечество осуждено на вечное страдание; может быть, народы осуждены на то, чтобы во веки веков их попирали деспоты, эксплуатировали их клеветы и поносили их лакеи. Ах, в таком случае следовало бы стремиться к сохранению христианства, даже видя в нем только заблуждение... Таким образом, конечная судьба христианства зависит от того, нужно ли оно еще нам».

Ответ Гейне на этот вопрос не нуждается ни в каких комментариях. И если он видит в христианстве необходимую идеологию поработанного человечества, а в пантеистическом атеизме укрепляющее мировоззрение, то совершенно понятны его горькие насмешки над Берне, примкнувшим в Париже к «христианскому социализму» Ламене.

Но в то же время сен-симонизм содействовал сохранению и дальнейшему развитию религиозных пережитков у Гейне. Хотя пантеизм Гейне является лишь завуалированным атеизмом, но, тем не менее, в нем остается неустраненная религиозная основа. Гейне противопоставляет религиозной потусторонности

земную революционную посюсторонность, но это противопоставление происходит на основе религиозного обожествления посюсторонности. Гейне — опять-таки по образцу Гегеля — считает философский материализм мировоззрением буржуазной французской революции. И поэтому, когда он хочет изобразить выход пролетарской революции за пределы революции буржуазной, то он неизбежно чувствует стремление выйти за пределы старого материалистического мировоззрения. Но так как он не в состоянии преодолеть механический материализм путем материализма диалектического, то вынужден придать пролетарской революции некое идеалистически-религиозное освещение. «Великое изречение революции, произнесенное Сен-Жюстом: *«Le pain est le droit du peuple»*¹ у нас видоизменено в *«Le pain est le droit divin de l'homme»*². Мы сражаемся не за человеческие права народа, но за божественные права человека. В этом и еще во многом другом мы отличаемся от мужей революции».

Нетрудно заметить слабые стороны философской позиции Гейне. Противоположность между материализмом и идеализмом, правомерность которой он формально признает, заменяется им противоположностью между сенсуализмом и спиритуализмом. Попытка примирения диалектики с материализмом не есть просто личная философская тенденция Гейне; она представляет необходимую составную часть общеидейного брожения той эпохи, завершением и самым зрелым плодом которой явился впоследствии диалектический материализм Маркса. Пока Гейне жил радостными надеждами на революцию, пока жизнерадостность и тяга к революции были двумя основными стимулами его жизни, до тех пор он считал сенсуалистический пантеизм безрелигиозной атеистической религией будущей мировой эпохи; он считал его мировоззрением, объединяющим положительные стороны старого материализма и ставшего революционным гегельянства, мировоззрением, преодолевающим недостатки и ограниченность обоих.

Однако в своих писаниях после 1848 г. Гейне возвещает о своем «обращении», о радикальном разрыве со своим прошлым. Правда, в послесловии к «Романцero» Гейне сам протестует против того, будто он из-за своей болезни обратился к богу, будто он вернулся к какой-то церкви — христианской или еврейской. Для характе-

¹ Хлеб — это право народа.

² Хлеб — это божественное право человека.

ристики Гейне чрезвычайно важно точно установить, в чем именно состояло его «обращение». Прежде всего было бы неверно, вопреки уверениям Гейне, совершенно исключить в этом вопросе значение болезни и других неблагоприятных обстоятельств личной жизни Гейне. В своих «Признаниях» Гейне следующим образом высказывается по этому вопросу: «Но расходы на представительство божества, которое не хочет скупиться и не жалеет ни себя, ни своего кошелька, огромны; чтобы прилично играть такую роль, необходимы, главным образом, две вещи: много денег и много здоровья. К сожалению, случилось, что в один прекрасный день — в феврале 1848 г. — обе эти принадлежности истощились у меня, и моя божественность через это забастовала».

Таким образом, необходимость личного бога вытекает для Гейне из этого материального краха его собственной «божественности». «Я просто бедный человек, который, сверх того, еще не совсем здоров и даже очень болен. В этом состоянии для меня является истинным благодеянием то, что в небе есть некто, перед кем я могу постоянно изливаться в бесконечных жалобах на свои страдания, в особенности после полуночи, когда Матильда предается отдыху, в чем она часто сильно нуждается. Слава богу, в эти часы я не один и могу, не стесняясь, молиться и хныкать сколько угодно, и могу изливать душу перед всевышним и поверять ему многое такое, что мы обыкновенно не говорим даже собственной жене».

Еще откровеннее и циничнее Гейне высказывается в своих разговорах с друзьями. Так, в одном разговоре с Адольфом Штаром и Фанни Левальд он однажды заявляет: «Но я тоже имею свою веру. Не думайте только, что я человек без религии. Опиум это тоже религия. Когда мои ужасно болящие раны слегка посыпают этим серым порошком и тотчас же вслед за этим боль стихает, то как же, в таком случае, не говорить, что здесь действует та же целительная сила, которая имеется и в религии? Между опиумом и религией больше сходства, чем это представляет себе большинство людей... Когда я не могу больше выносить своей боли, я принимаю морфий, когда я не могу поразить насмерть своих врагов, я отдаю их на волю божью, когда я не могу больше улаживать своих дел, я передаю их господу богу — и только, — прибавил он улыбаясь, после небольшой паузы, — только мои денежные дела я все еще предпочитаю устраивать

сам». Так в одном разговоре с Альфредом Мейснером Гейне заявляет, что если бы он мог подняться на костылях, то пошел бы в церковь. Увидев изумление Мейснера, Гейне воскликнул: «Нет! Нет, нет, конечно! В церковь! А куда же иначе идти на костылях? Конечно, если б я мог выйти без костылей, то я предпочел бы гулять по смеющимся бульварам и веселился бы на балу Мабиль».

Гейневское «обращение», как мы видим, не слишком серьезно, и молитвы, с которыми он обращается к своему вновь обретенному богу, носят далеко не религиозный характер:

Нет, лучше на земле, о боже,
Позволь мне продолжать мой путь;
Лишь возврати здоровье телу,
Да и о деньгах не забудь.

Или в другом стихотворении, более серьезном, более обвиняющем, более ироническом:

О, судьба! Позволь мне сделать
Замечание одно:
Так, как ты, распоряжаться
Нелогично и смешно.

Ну, возможно ли в поэта
Дух веселости вселить
И потом его внезапно
Всей веселости лишить?

Но смеяться разучился,
Я печален как мертвец,
И в католика, пожалуй,
Обращусь я наконец.

И тогда завою громно,
Как чистейший пиетист:
Погибает
Самый лучший юморист!

Таким образом, Гейне постоянно отдает себе ясный отчет в том, что религия не есть для него нечто серьезное в области мировоззрения, что она является, в действительности, лишь анестезирующим средством против его страданий, опиумом против его все нарастающего мрачного отчаяния. Но из того, что этот опиум нельзя серьезно принимать за мировоззрение и что он и самим Гейне никогда не принимался действительно

всерьез, отнюдь еще не следует, что само это отчаяние не было серьезным, глубоким и искренним. И если таким было отчаяние по поводу его собственной ужасающей личной судьбы, то еще более глубоким было оно по поводу судьбы человечества. Глубокая ирония, ирония отчаяния скрыта в его словах, обращенных к Мейснеру: «Я опять верю в личного бога! К этому мы приходим, когда мы больны, смертельно больны и разбиты! Не вменяйте мне этого в преступление! Приемлет же немецкий народ в своей нужде прусского короля, — почему же мне не принимать личного бога?»

В другом разговоре с Мейснером Гейне читал ему, как он выражается, религиозные стихи:

Брось свои иносказанья
И гипотезы пустые!
На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые!

Отчего под ношей крестной,
Весь в крови, влачитсЯ правый?
Отчего везде бесчестный
Встречен почестью и славой?

Кто виной? Иль силе правды
На земле не все доступно?
Иль она играет нами?
Это подло и преступно!

Так мы спрашиваем жадно
Целый век, пока безмолвно
Не забудут нам рта землею...
Да ответ ли это, полно?

На изумленное восклицание Мейснера: «Вы это называете религиозным? Я это называю атеистическим», Гейне отвечает смеясь: «Нет, нет, религиозным, богохульственно-религиозным». Нет никаких сомнений, что Гейне, в этом отношении, лучше понимал себя, чем его ничтожные и пошлые поклонники.

Безусловно, эти стихи Гейне не лишены религиозного оттенка, несмотря на то, что любая религия не могла бы и не должна была поздравлять себя с подобного рода «верующим». Гейне ошибается только в том, что он иногда переоценивает и стилизует религиозный характер своего «обращения», слишком резко противопоставляя его своему более раннему, якобы нерелигиозному, эллинскому, пантеистическому периоду развития.

Анализируя этот период, мы указали уже на религиозные элементы, скрывавшиеся за пантеистической посюсторонностью Гейне. Эти религиозные элементы побеждают в период после 1848 г., в период упадка революционного движения, когда больной и одинокий Гейне не в состоянии был заметить хотя бы зародыши тенденции к новому подъему. Отчаяние Гейне, принимающее в его последнем собрании стихов — в «Романцero» — такой трогательный характер, является, таким образом, не личным отчаянием по поводу отдельной человеческой судьбы или, по крайней мере, не только личным отчаянием. Это — отчаяние по поводу мирового хода вещей, по поводу развития человечества, по поводу судеб разума и справедливости, по поводу поражения революции. Лейтмотив почти всех романсов и историй «Романцero» — это скорбь о том, что в окружающем Гейне мире зло всегда и повсюду торжествует над добром; это — отчаянное искание какого-нибудь луча надежды, какой-нибудь светлой перспективы, отчаянные попытки ухватиться за любую иллюзию и, в конце концов, разумное и ироническое разрушение иллюзий, которые он сам себе создал и в которые он никогда полностью не верил. Поэт нигде не видит просвета, он нигде не видит людей, к которым он хотел бы примкнуть, нигде не находит страны, в которой мог бы жить. В стихотворении «Теперь куда?» Гейне заставляет пройти перед своим духовным взором все страны и нигде не находит себе родину. Отчаяние заставляет искать себе бога для личного употребления, причем Гейне сам прекрасно понимает, что этот бог — только лобрякушка.

Но несмотря на внутреннюю связь между более ранним и позднейшим периодом развития мировоззрения Гейне, его «обращение» все же есть катастрофа. Именно судьба Гейне показывает, что последовательный атеизм неизбежно связан с революционным движением пролетариата.

Атеизм Гейне был связан с рисовавшейся ему перспективой пролетарской революции; отсутствие у него ясного понимания этой перспективы сохранило в его мировоззрении наряду с атеистической посюсторонностью некий религиозный туман; потеря же перспективы привела этот атеизм к краху. И это было несомненно катастрофой, несмотря на то, что обретенная им вера никуда не годилась как вера и что субъективно это не было настоящим возвратом к религии.

Вот почему поздний Гейне является идеологическим предшественником доведенных до отчаяния, «трагических», мелкобуржуазных атеистов второй половины XIX века. Они живут в мире, потерявшем для них смысл, и достаточно честны, чтобы отказаться от старого хлама прежних религий. Но атеизм не может оказать им никакой поддержки, не может явиться опорой для их мировоззрения. Надламывается ли якобсеновский Нильс Люне у смертного одра своего ребенка и, подобно Гейне, молит о помощи бога, в которого он не верит, или же на собственном смертном одре он мужественно сохраняет верность атеизму, — и в том и другом случае это не выход из безнадежности его положения в жизни. Поэтому в мировоззрении всех этих сомневающихся и отчаявшихся атеистов, сознательно или бессознательно, сохраняется религиозный элемент. «Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой» (Маркс) *.

IV

Гейне называет себя в своих «Признаниях» последним романтическим поэтом Германии. «Мною оканчивается старая лирическая школа немцев и в то же время мною же открывается новая школа, новая немецкая лирика». Эта характеристика своего собственного места в истории литературы как границы, как моста между двумя периодами, правильна лишь с известной оговоркой. Немецкая поэзия пошла по совершенно иному пути, чем мог предполагать Гейне: она развивалась в соответствии с тем социально-политическим развитием, трагическое влияние которого на мировоззрение Гейне мы проследили в этой статье.

Основная историко-литературная концепция Гейне исходит из идеи завершения «периода искусства». «Мое давнишнее пророчество о том, что «период искусства», который начался с колыбели Гете, окончится у его могилы, повидимому, скоро сбудется. Нынешнее искусство должно погибнуть, потому что его принцип коренится еще в отжившем старом порядке, в прошедшем священ-

---

* К. Маркс. «Капитал», т. I, стр. 37, Госиздат, Москва — Ленинград, 1933.

ной римской империи. Поэтому, как и все увядшие остатки этого прошедшего, оно находится в самом плачевном противоречии с настоящим. Это противоречие, а не само современное движение, так вредно для искусства; напротив, это движение должно было бы быть ему благоприятно, подобно тому как это было в Афинах и во Флоренции».

Далее Гейне пишет о том, что связанность с партийной борьбой, с повседневной политикой была основой подъема искусства в прошлом. Намечая перспективу нового периода развития искусства в Германии, он продолжает: «Но новое время породит и новое искусство, которое будет с ним во вдохновенной гармонии, которое не найдет нужным заимствовать от поблекшего прошлого свою символику и принесет с собою даже новую технику, отличную от нынешней. А покамест пускай себе высказывается и в красках, и в звуках упоенная собою субъективность, разнузданная индивидуальность, божественно свободная личность со всей ее жаждою жизни; это все-таки плодотворнее, чем мертвая иллюзорная жизнь прежнего искусства».

Таким образом, Гейне считает представляемый им самим период литературного стиля переходным. В прошлом он больше всего преклоняется перед великими эпическими и драматическими фигурами, перед Сервантесом и Шекспиром, в лирическом складе Гете и в его объективизме он видит результат исторического развития Германии. Точно так же Гейне считает свой собственный субъективизм необходимым переходом к какому-то новому искусству. Ясно, что перспективы этого нового искусства теснейшим образом связаны у Гейне с социально-политическими перспективами нового периода в развитии человечества.

Из этой позиции Гейне неизбежно следует, что центром его литературной деятельности является борьба против литературы прошлого периода, против немецкого классицизма и в особенности против романтизма.

Критика романтизма — центральный вопрос литературно-критической деятельности Гейне — неотделима от его политической критики исторического развития Германии. В борьбе за национальное объединение поэт справедливо видит центральную проблему подготовляющейся буржуазной революции в Германии. Он видит, что в новейшее время этот вопрос впервые поставлен был в порядок дня так называемыми «осво-

бодительными войнами против Наполеона». Романтическое литературное движение — в особенности те романтические течения, которые господствовали в реакционных идеологиях в период до 1848 г., а в 40-х годах переживали еще особый расцвет — уходит своими корнями именно в «освободительные войны». Поэтому Гейне направляет свою критическую иронию на разоблачение и развенчивание идеологии «освободительных войн». В этой борьбе Гейне нападает, главным образом, на обнаружившийся тогда немецкий сервилизм. Когда Наполеон потерпел поражение в России, то, по словам Гейне, «немцы получили высочайший приказ освободиться от чужеземного ига, и мы вспыхнули мужественным гневом к нашему долготерпению и рабству и, воодушевшись под влиянием прекрасных мелодий и плохих стихов Кернеровских песен, мы отвоевали свободу, ибо мы делаем все, что приказано нам государями». Этот сервилизм, говорит Гейне, порождает ограниченную националистическую узость, политическую и общественную реакционность романтизма — господствующей идеологии данного периода. Романтизм хотел бы увековечить жалкое поработщенное положение Германии, раздробленной на отдельные маленькие государства. Его преклонение перед германской историей — это преклонение перед убожеством германского исторического развития.

В этом подчеркивании реакционного характера немецкого романтизма Гейне сходится с большинством прогрессивных критиков. Но он превосходит их в двух отношениях: в о п е р ы х, Гейне в Германии был первым и долгое время единственным критиком, понявшим буржуазный характер романтического движения; он первый разоблачил реакционные черты тех поздних романтиков, которые политически примыкали к либеральному крылу буржуазии. Эта прозорливая критика, направленная, главным образом, на борьбу со «швабской поэтической школой» и поднимавшаяся временами до предвидения будущей измены либералов буржуазной революции, долгое время оставалась совершенно непонятой в Германии. Но в критическом анализе буржуазного характера романтизма Гейне не ограничивался критикой поэзии либеральной буржуазии и либеральной мелкой буржуазии. В своей сатирической борьбе с реакцией в царствование Фридриха-Вильгельма IV, Гейне направляет свои удары против романтического прусского короля, показывая, что его кокетничание со средне-

вековьем есть не что иное, как буржуазно-реакционная пародия на средневековье. В своей «Германии» Гейне иронически увещевал императора Барбароссу, этого легендарного, романтического святого немецкого национализма, восстановить подлинное средневековье, ибо:

Всю тяжесть ушедших веков старины,
В обрядах и пытках тяжелых,
Снесу, все снесу я: избавь только нас
От этих существ двоешолых —

От рыцарей этих штиблетных избавь.
Противная смесь! Тут сплелась
С готическим бредом новейшая ложь;
Те люди — ни рыба, ни мясо.

Толпу комедьянтов от нас прогони,
Разбей ты и сцену, с которой
В пародиях глухих дают старину!..
О кесарь! Придешь ли ты скоро?..

Во-вторых, Гейне гораздо яснее, чем все другие его современники в Германии, видел внутреннюю связь романтизма с современным литературным движением. В этом отношении, Гейне также находится под влиянием гегелевской исторической концепции. Так, например, Гейне — один из немногих, понявших идеологическое и методологическое значение немецкой натурфилософии. Он понимает также, что возврат к наивности, несмотря на все содержащиеся в романтизме реакционные тенденции, был неизбежным этапом в развитии современной литературы и культуры в Германии.

Наконец, Гейне использует и основной прием немецких романтиков — романтическую иронию. Он освобождает понятие иронии и ее применение от характера чистой игры, который ирония приобрела у самих романтиков, в особенности у Тика, и делает иронию центральным пунктом критического и художественного освоения современной действительности. Ирония становится у Гейне принципом разрушения фальшивой гармонии, принципом разрушения буржуазных иллюзий «гармонической действительности».

Ироническое разрушение всякой фальшивой гармонии является для Гейне частью его борьбы за ликвидацию пережитков средневековья. Гейневская ирония направлена вместе с тем

на разрушение всех лживых представлений буржуазии, которая создает себе мир фальшивой гармонии из феодальных и буржуазных идеологических элементов. Молодой Энгельс совершенно правильно характеризует Гейневский стиль иронии в следующих словах: «У Гейне мечты буржуа намеренно взвинчены, чтобы затем упасть до уровня действительности».

Поэтому, говорит Энгельс, при чтении Гейне буржуа возмущается, хотя игривая ирония других поэтов успокаивает его и усиливает его иллюзии. Сам Гейне также отдает себе отчет в этом апологетическом характере чисто формальной, аристократически игривой иронии, и всегда обрушивается на нее с самыми едкими сатирическими нападками.

Гейневская ирония выходит, таким образом, далеко за пределы обычной практики романтизма, и то, что Гейне прибегает к ней, отнюдь не вызвано каким-то антикварным интересом: напротив, — это следствие актуальной необходимости, порожденной глубочайшими противоречиями классовой борьбы в Германии. Гейне уже сравнительно рано высказывает свой взгляд на романтическую иронию. Так, в одном письме по поводу романтической комедии Людвиг Рoberта, поэт четко формулирует свою точку зрения. Он осуждает комедию за то, что ей недостает «величественного мировоззрения, которое всегда трагично», осуждает за то, что это — «не трагедия». Это неслыханное требование, чтобы комедия была трагедией, Гейне предъявляет не к обычной комедии французского типа, а именно лишь к романтической комедии. При этом он хвалит другую — неизвестную нам — романтическую комедию того же автора «Павиан» и пишет по этому поводу: «Как ни смеялся над Павианом, увидев его в первый раз на сцене горько жалующимся на угнетение и оскорбления со стороны привилегированных особ, но все же, когда лучше ознакомишься с комедией, то вас невольно осеняет ужасная истина, что эти жалобы, собственно говоря, справедливы. Это именно и есть ирония, являвшаяся всегда главным элементом трагедии. Если не хотят, чтобы самое чудовищное, самое отвратительное, самое ужасное стало непоэтичным, то его нужно одевать ради этого в пестрые одеяния смешного...»

Такое поэтическое оживление и углубление романтической иронии, конечно, не есть марксистское ее преодоление, и мы уже знаем из предыдущего изложения, почему Гейне не мог

дорости до такого преодоления. Несомненно, что Гейневская ирония была величайшим философско-поэтическим достижением Германии рассматриваемого периода. Это была последняя форма буржуазного, но все же общесоциального синтеза всех противоречий развития Германии. То, что этот синтез должен был преподноситься в парадоксальной, иронической форме, было следствием особенностей развития капитализма в Германии, и Гейне, именно благодаря своему ироническому стилю, на который его реакционные критики нападают как на «не немецкий», является самым немецким поэтом XIX столетия. Вообще же характеристика творчества Гейне как «не немецкого» есть литературно-историческая форма проявления тех реакционных тенденций, которые достигают своего кульминационного пункта в фашизме и которые вычеркивают все революционное из германской истории, для того чтобы иметь возможность преклоняться перед самыми убогими сторонами ее.

Гейне ищет красоты в движении противоречий, в страдании, в скорби, в надежде, в неизбежно возникающих и неизбежно погибающих иллюзиях. Крупный немецкий драматург и современник Гейне, Фридрих Геббель, совершенно правильно характеризует искусство Гейне в следующих словах: «Гейне нашел в лирике форму, в которой гармонически сливаются самые несогласные между собой звуки — выражения бьющегося в судорогах мира — и создают чарующую музыку; собрание его стихов напоминает легендарного медного быка Фалариса, который, согласно сказанию, был так устроен, что вопль отчаяния раба, принявшего смерть в его раскаленном чреве, звучал пленительной гармонией для улады короля; эта улада тем уместнее здесь (в творчестве Гейне. *Г. Л.*), что мученик и мучитель слиты в одном и том же лице». Живая подвижность противоречий отличает лирику Гейне от позднейшей буржуазной лирики. Эта подвижность оплодотворяется перспективой революции как освобождения человечества от существующих страданий. И если, в последний период своей жизни Гейне почти утратил эту революционную перспективу, то все же она сохраняется в его творчестве как отрицательный элемент, как движущий стимул беспокойства, конкретного социального возмущения.

По мере роста своих творческих сил, Гейне все сознательнее прибегал к лирико-иронической форме как в поэзии, так и в прозе. То, что он решительно отказывался от эпического и

драматического реализма в классическом смысле, несмотря на свое преклонение перед великими представителями его, — имеет глубокие общественно-исторические причины. Гейне ищет такой формы поэзии, в которой глубочайшие противоречия времени были бы изображены на самом высоком идеологическом уровне этой эпохи. Реалистическое изображение подлинных событий общественной жизни позволило Бальзаку во Франции и, в меньшей степени, Диккенсу в Англии решить эту задачу в области литературной прозы. Отсталость условий делает в этот период невозможным немецкий реализм крупного стиля. Творчество немецких реалистов неизбежно остается на почве убожества социально-политического развития Германии (таков, например, Иммерман). Желая дать образную критику немецких условий, на высоте, соответствовавшей эпохе, Гейне не мог, находясь на немецкой почве, найти сюжет, который сделал бы эту критику полнокровной и реалистически-наглядной. Поэтому, если он избрал для своих крупнейших поэтических изображений Германии лирико-критическую, фантастическую, ироническую, крайне субъективную форму, то это не было ни показателем поэтической слабости Гейне, ни его личной причудой. Он избрал единственно возможную в то время в Германии форму самого высокого поэтического выражения общественных противоречий.

Важнейшим элементом романтического наследия, которым завладел Гейне, был народный характер романтизма. Действительно, при всем преобладании реакционных моментов в национальном движении против наполеоновского угнетения, оно все же было национальным движением, которое, впервые за тысячелетия, глубочайшим образом всколыхнуло широкие народные массы. И несмотря на реакционное использование этих тенденций (историческая школа права и т. д.), оно все же раскрепощало народные элементы, заставляя искать в области поэзии оживления подлинно народных традиций (песни, сказки, народные сказания и т. д.). Гейне примыкает именно к этим народным элементам исторического развития Германии. Для него как критика и историка литературы необычайно характерна та решительность, с которой он берет под свою защиту более близких к народу немецких поэтов — Фосса против Менцеля, Бюргера против А.-В. Шлегеля.

Поэтическая практика Гейне исходит из романтической традиции немецкой народной песни. Однако Гейневская лирика выходит за пределы этой сферы. В своем письме к Вильгельму Мюллеру, Гейне приносит ему благодарность за поэтический толчок, данный ему Мюллеровскими стихами, и подчеркивает в то же время свое глубокое отличие от него: «Как чисты и прозрачны ваши песни, и все же они — народные песни. В моих же стихах, наоборот, только форма до некоторой степени народная, содержание же заимствовано из условий жизни нашего общества».

Это отношение к романтическому наследию бросает правильный свет на литературно-критические выступления Гейне, огромное принципиальное значение которых понято лишь очень немногими из его биографов. Гейне в течение всей своей жизни вел в литературе двойную борьбу. С одной стороны эта борьба была направлена против ограниченного мелкобуржуазного романтизма, против идеологической реакции, заключавшейся в идиллическом прославлении немецкого убожества. С другой стороны, Гейне борется со всяким ложным и мертвым классицизмом в немецкой лирике.

Критика классицизма начинается с уничтожающе резкой полемики против Платена и заканчивается едкой критикой тенденциозной лирики 40-х годов. Основным литературным содержанием этой борьбы является отрицание абстрактной узости «классической» лирики и наряду с этим — критика ненародного характера ее поэтической формы. Гейне постоянно издевается над «метрическим мастерством» Платена. Гейне — принципиальный враг всякой искусственной виртуозности, с помощью которой Платен пытался навязать немецкому языку античные размеры. Гейне считает эту тенденцию принципиально неправильной, в корне противоречащей сущности немецкого языка, немецкого стиля, народности немецкого стиха. При всем ироническом разрушении романтического содержания, при всей сложности содержания своей лирики, Гейне хочет сохранить легкую, «стихийную» форму народной песни и всякие метрические ухищрения считает вредными и опасными для немецкого языка. Развитие немецкой литературы после 1848 года безусловно оправдало опасения Гейне: у буржуазии, ставшей окончательно реакционной, восторжествовало платеновское направление. И разумеется, неслучайно, что среди идеологических представителей демократического движения в Германии люди, вроде Руге и Лассалы,

были величайшими почитателями этого направления в немецкой лирике, и только Маркс и Энгельс считали Гейне и его еще более народного последователя Георга Веерта стоящими на правильном пути развития лирики.

Но литературно-народное направление Гейне теснейшим образом связано с его более широким, более диалектическим, менее сектантским пониманием революционных задач поэзии. Здесь мы подходим к политическому содержанию Гейневской полемики против тенденциозных лириков. Гейне борется с их пустым и абстрактным пафосом, с их пренебрежительным отношением к конкретной действительности, к конкретному врагу и к реальной борьбе за его уничтожение.

Разумеется, отношение Гейне к тенденциозной поэзии отнюдь не исчерпывается полемикой с нею одной. Поверить ироническим заверениям Гейне, что «Атта Троль» направлен против тенденциозной поэзии и написан в защиту самовозвеличения, прославления и самостоятельности поэзии, значило бы совершенно не понять этого произведения. В «Атта Троль» содержится двойная полемика: Гейне издевается как над ограниченной тенденциозной поэзией, так и над теми социальными и идейными принципами, с которыми она борется. Гейне издевается над тенденциозной поэзией за то, что она не обладает способностью видеть вещи во всей их сложности, во всем их разнообразии, в их движении, а не за то, что она содержит определенную политическую тенденцию. Трудно представить себе произведение менее политически тенденциозное, чем последовавшая вслед за «Атта Троль» «Германия». И несмотря на это, Гейне говорит об этом произведении: «Оно — политически-романтическое и, надо надеяться, нанесет смертельный удар прозаически-напыщенной тенденциозной поэзии». Таким образом, Гейневская борьба — это разведка в направлении настоящей, подлинной и глубокой политической поэзии, — поэзии, в которой тенденция сама органически вырастает из содержания, а не механически приклеивается к нему.

Защита самостоятельности поэзии отнюдь не противоречит этому ее боевому характеру. Высказывания Гейне в пользу такой самостоятельности поэзии не имеют ничего общего с какой бы то ни было разновидностью лозунга «искусство для искусства». Они являются выражением своеобразного политического одиночества Гейне в партийной борьбе в Германии 30-х и 40-х годов,

Гейне хочет бороться, но он не может и не хочет примкнуть к ограниченному политическим и поэтическим представителям демократического движения, так же как он не хочет делать каких бы то ни было идеологических уступок реакционерам. В своей книге против Людвиг Берне Гейне издевается над тем, что оба лагеря признают его только как поэта. «Да, я, так сказать, получил свою политическую отставку и был тотчас же отправлен в запас на Парнас. Тому, кому знакомы обе упомянутые партии, нетрудно оценить великодушие, с которым они предоставили мне титул поэта. Одни видят в поэте не что иное, как мечтательного царедворца, обуреваемого пустыми идеалами. Другие вообще ничего не видят в поэте; в их трезвой пустоте поэзия не находит даже самого ничтожного отклика». Таким образом, Гейневская защита самостоятельности поэзии есть защита прав большой поэзии против суживания круга ее действия со стороны реакционеров и ограниченных демократов.

Гейне хочет в этой борьбе против обеих крайностей добиться высокой цели — создания народной поэзии, содержанием которой являлись бы глубочайшие проблемы эпохи. Он отлично знает цену и значение объективной поэзии прошлых времен. Правильно критикуя отдельные филистерские черты Гете, Гейне отводит ему такое же центральное место в литературе, как Гегелю в философии, как Наполеону в истории буржуазного общества. Но в то же время он видит, что гетеанский период для Германии исторически миновал, что подлинная, соответствующая духу времени поэзия, как она ему представляется, может быть осуществлена только с помощью совершенно иного творческого метода.

Гейне всегда стоит перед угрозой превращения своего подлинного, глубокого лирического чувства в манерную сентиментальность. Он чувствует эту опасность и чаще всего устраняет фальшивую сентиментальность удачными ироническими остротами. Но ирония, уничтожающая чувство, только в том случае есть глубокая и потому оправданная ирония, если само чувство поэта было подлинным. Ироническое уничтожение ненастоящего чувства остается пустым остроумием. (Конечно, совсем другое дело издевательства, которыми Гейне осыпает фальшиво-сентиментальные чувства мещан.) Однако когда изредка Гейне бывает фальшиво-сентиментален, то на это имеется серьезная причина: его неспособность диалектически осмыслить процесс обще-

ственного развития. В понимании материальных основ общественного развития, Гейне чаще всего стоит на точке зрения механического материализма. И так как он чувствует, что у него получается негибкое и недостаточное объяснение движения, так как он не в состоянии открыть подлинные движущие силы его, то он «дополняет» механическое объяснение сентиментально-эмоциональными приправами. Гейне сам отлично понимал эту ограниченность механического материализма: «Сентиментальность есть отчаяние материи, которая не удовлетворяется сама собою и мечтательно, с неопределенным чувством стремится к чему-то лучшему». Именно отсюда проистекают элементы фальшивой сентиментальности и манерности в творчестве Гейне.

Конечно, вся основная линия Гейневской поэзии проходит далеко в стороне от этой литературной манерности, в направлении творчества народного, глубокого, охватывающего все важные вопросы эпохи.

Глубина Гейневской поэзии вытекает из исторически правильного постижения современной ему действительности и основных тенденций ее развития, из правильного понимания неизбежной победы капитализма со всей его прозой и со всеми его отрицательными чертами над выродившейся, ложной идиллической поэзией средневековья и его пережитков; это же правильное понимание исторического развития влечет за собой резкую критику капитализма и его культуры.

Великим поэтам периода до 1848 года, и среди них Гейне, выпало на долю большое историческое счастье: они могли еще изображать капитализм в процессе его возникновения, а не как нечто уже возникшее, а поэзию прошлых эпох — как нечто погибающее, а не как нечто уже уничтоженное и погибшее. Благодаря этому творчество Гейне представляет собой исторически-закономерное продолжение романтической народной поэзии, которую он использует как правомерное поэтическое средство.

Основным содержанием романтической лирики в Германии являлся вопрос о слиянии человека с природой, о бегстве человека к природе перед лицом буржуазной прозы и разрушения всех идеалов. Внутренняя диалектика романтической лирики заключается в скрытом сознании, что это слияние человека с природой есть лишь перенесение на природу субъективных желаний и надежд, что за этим вожделенным слиянием человека

с природой в действительности скрывается жестокое равнодушие природы к человеческой тоске, человеческим стремлениям. Подчеркивание этого жестокого равнодушия, в свою очередь, есть бессознательное перенесение на природу бесчеловечности законов капитализма. Победа зла, как лейтмотив лирики «Романцеров», у Гейне есть лишь крайне пессимистическая высшая точка этой линии развития. Зародыши ее нужно искать не только у молодого Гейне, но и во всей романтической лирике.

Конечно, для мировоззрения пролетариата объективная независимость законов природы от человеческого сознания не представляется как «жестокое равнодушие». Для пролетариата возможность сентиментального слияния с природой не стоит и не может стоять как проблема. Это стремление к уходу от общества, к слиянию с природой характерно для периода раннего капитализма. Чем больше развивается капитализм, тем яснее становится пустота подобного стремления.

Гейне вполне сознательно и беспощадно разрушает эти стремления и в то же время использует их в качестве элемента поэзии. В своих «Признаниях» он рассказывает об одном очень интересном своем разговоре с Гегелем: «Я стал в мечтательном тоне говорить о звездах и называл их местопребыванием блаженных душ. Но учитель пробормотал себе под нос: «Звезды, гм-гм! Звезды не более как светящаяся сыпь на небе». — «Но бога ради! — вскричал я, — стало быть, там наверху нет счастливой местности, где добродетель получила бы награду после смерти?» Но он, пристально глядя на меня своими бледными глазами, резко сказал: «А вы хотите еще получить на водку за то, что ухаживали за вашей больной матерью и не отравили своего брата?»».

В дальнейшем Гейне продолжает развиваться в направлении того же поэтического изображения романтических настроений, исторически неизбежных иллюзий и их иронического разрушения. Он открывает все новые и все более прекрасные элементы эмоционального очарования природы: так, например, он первый в Германии открыл монументальную поэзию моря, — но в то же время он наносит все более мощные удары фальшивой романтической гармонии, разрушая мнимое единство человека с природой.

Само собой разумеется, Гейне написал много стихов, в которых он попросту осмеивал пошло-сентиментальные, смешные

мещанские иллюзии. Но самые глубокие его стихотворения возникли на почве диалектики исторически неизбежного появления и разрушения иллюзий. Лирическая правомерность, неподражаемое очарование его стиха объясняются именно тем, что сам Гейне находился в плену тех поэтических иллюзий, которые он беспощадно разрушал. Вместе с ростом Гейне, вместе с углублением его понимания общественных отношений, эти иллюзии все более тускнеют, поэт все более утрачивает веру в них, но все же их никогда нельзя полностью вырвать из сердца Гейне. Своеобразие последнего периода творчества Гейне заключается именно в том, что, в результате политического и идейного кризиса, обе эти противоречащие друг другу тенденции усиливаются; иллюзии еще более тускнеют, они еще более переживаются как пустые иллюзии, и несмотря на это, доведенный до отчаяния поэт цепляется за них, хотя он в них больше не верит, хотя они были внутренне разрушены еще до того, как подверглись сознательному поэтическому разрушению. Благодаря этому, ироническое разрушение иллюзий приобретает у Гейне особую углубленность. Разрушение не нуждается более в особо остроумной форме, как это имеет место у молодого Гейне, — оно содержится в самом изображении иллюзии, в скорбном, лишенном веры этого изображения. Это придает поздним стихам Гейне совершенно особый неподражаемый оттенок, который, пожалуй, наиболее четко выражен в поэме «Бимини»:

Бимини! При слове этом
Вновь мое трепещет сердце,
Вновь из-под венков поблекших
Грезы юности угасшей

На меня печально смотрят,
И умолкшие навеки
Соловьи с былым надрывом
Печные выводят трели...

Тут рванулся я в испуге,
Двинув членами большими
Так, что треснули мгновенно
Швы моей дурацкой куртки...

Здесь совершенно ясно обнаруживается характер творчества Гейне, которое было водоразделом между периодом идеологического подъема и упадка буржуазии. Действительно, благо-

даря такому способу изображения иллюзий, — в которые Гейне не верит или верит только наполовину, — он оказал большое влияние на сознательно антиромантическую поэзию позднейшей буржуазной эпохи. Таким образом, становится понятным, почему так сильно и прочно было влияние Гейне на буржуазную литературу, почему, например, Рихард Вагнер мог заимствовать у Гейне тему и сюжет «Летучего голландца», «Тангейзера» и т. д.

Это последующее и, так сказать, подспудное, косвенное влияние Гейне продолжалось вплоть до самого конца XIX века. Еще в образе «венка из виноградных листьев» в Ибсеновской «Гедде Габлер» сказывается манера позднего Гейне, манера изображать иллюзии, лишённые веры и погибшие в момент их появления. Таким образом, в этом отношении Гейне действительно первым современный поэт, — по крайней мере, один из первых, — хотя последующее развитие поэзии протекает не так, как это представлял себе Гейне в качестве предшественника нового времени.

Но было бы неправильным видеть только эту сторону в использовании Гейне романтического наследия. Прекрасно владея формой народной песни, Гейне дал великолепные образцы подлинно революционной поэзии. В своей непревзойденной «Песне ткачей» и во многих частях «Германии» он превращает демократически-плебейский тон романтической народной поэзии в революционный обвинительный акт или в победную песнь революции. Да и в позднейшей Гейневской поэзии имеется масса примеров использования им народной песни либо непосредственно, либо в иронически видоизмененной форме для революционных целей, для бичующих обвинений против убожества социальной действительности.

Лучше всего, пожалуй, это выражено в позднейшем стихотворении Гейне, «Карл I»:

Угрюмый, сидит король в лесу,
В избе дровосека дальней,
Качает чужого ребенка он,
Качает, поет печально:

«Спи, мальчик! Кто там в соломе шуршит?
Овечки заблели где-то.
Недобрый знак на лбу твоём,
И страшно смеешься во сне ты.

Спи, мальчик милый! Кота уже нет,
Ты мечен пророческим знаком;

Вот подрастешь, возьмешь топор, —
Деревья охвачены страхом.

Уж прежней веры в народе нет,
Не верят простые дети —
Спи, мальчик! — ни в бога, ни в короля
И ни во что на свете.

Кота уже нет. Раздолье мышам.
Насмешкой для черни сонной
Мы стали — спи, мальчик! — на небе бог,
Здесь — я, король ваш законный.

Мой дух угас, на сердце боль,
И жизнь подходит к краю.
Спи! сын дровосека, будьешь ты
Моим палачом, — я знаю.

В твоей колыбельной я смерть пою.
Спи, мальчик мой! Не жалея,
Седые ты волосы срежешь мне,
Топор приподняв над шеей.

Спи, мальчик! Кто там в соломе шуршит?
Наследник леса и пашен,
Ты голову мне снесешь долой,
А мертвый кот не страшен.

Спи, мальчик мой! Кто там в соломе шуршит?
То овцы блеют спросонок.
Кота уже нет, раздолье мышам.
Спи крепко, мой палачонок!

В своей революционной поэзии Гейне действительно является, как он сам выражается, последним романтическим поэтом и в то же время первым поэтом современности. Но именно в этом отношении Гейне не имел никакой смены. Только один Георг Веерт, менее отягощенный буржуазно-романтическим прошлым, продолжал демократическую линию Гейне в более здоровой, более чувственной, более народной форме. Но, разумеется, дарование Веерта несравнимо с гением одного из величайших немецких поэтов — Генриха Гейне.

Пролетарская поэзия получила от Гейне огромное, драгоценное наследство, которое начали по-настоящему открывать и оценивать только после того, как пролетариат, построивший социалистическое общество на одной шестой части земного шара, освободил культуру от формалистических пред-

рассудков и стилистических форм буржуазной поэзии империалистической эпохи.

Германская реакция всегда инстинктивно чувствовала все революционное величие Гейне и всегда прилагала величайшие усилия, чтобы вычеркнуть это имя из немецкой литературы. Не случайно, что один только Гейне — несмотря на всю свою популярность — никогда не мог заслужить себе официального памятника в Германии, которая известна всему миру своей манией ставить памятники. Реакционная история литературы всегда старалась низвести величайшего со времени Гете немецкого поэта до роли таких пигмеев, как, например, Мерики.

Германский фашизм понимает, что убийственная сатира на пародию средневековья, созданная Гейне, была бы еще более убийственной для Третьей Империи, чем для Пруссии перед революцией 1848 года. Реакционная буржуазия хочет совершенно вытравить Гейне из сознания немецкого народа. Фашизм это самое ужасное и жалкое воплощение тех темных сил, с которыми всегда боролся Гейне, и поэтому ненависть, которую питают к нему палачи немецкого народа, вполне объяснима: она является лучшим доказательством того, что Гейне принадлежит трудовому народу. И народ этот, освободив свою родину от кровавых палачей, воздаст должное своему великому национальному поэту.

Георг Лукач.

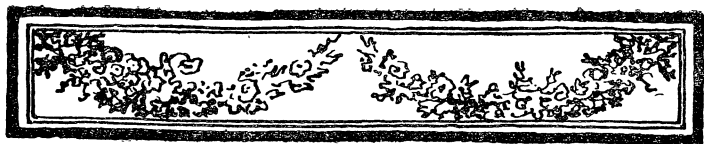

КНИГА ПЕСЕН

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Я в старом сказочном лесу!
Как пахнет липовым цветом!
Чарует месяц душу мне
Каким-то странным светом.

Иду, иду, — и с вышины
Ко мне несется пенье.
То соловей поет любовь,
Поет любви мученье.

Любовь, мучение любви,
В той песне смех и слезы,
И радость печальна, и скорбь светла,
Проснулись забытые грезы.

Иду, иду, — широкий луг
Открылся предо мною,
И замок высится на нем
Огромною стеною.

Закрыты окна, и везде
Могильное молчанье;
Так тихо, будто вселилась смерть
В заброшенное зданье.

И у ворот разлегся Сфинкс,
Смесь вождельенья и гнева,
И тело и лапы как у льва,
Лицом и грудью — дева.

Прекрасный образ! Пламенел
Безумьем взор бесцветный;
Манил извив застывших губ
Улыбкой едва заметной.

Пел соловей — и у меня
К борьбе не стало силы,
И я безвозвратно погиб в тот миг,
Целуя образ милый.

Холодный мрамор стал живым,
Проникся стоном камень, —
Он с жадной алчностью впивал
Моих лобзаний пламень.

Он чуть не вышил душу мне, —
Насытись до предела,
Меня он обнял, и когти льва
Вонзились в бедное тело.

Блаженная пытка и сладкая боль!
Та боль, как страсть, беспредельна!
Пока в поцелуях блаженствует рот,
Те когти изранят смертельно.

Пел соловей: «Прекрасный Сфинкс!
Любовь! О любовь! За что ты
Мешаешь с пыткой огневой,
Всегда твои щедроты?

О, разреши, прекрасный Сфинкс,
Мне тайну загадки этой!
Я думал много тысяч лет
И не нашел ответа».

Это все я мог бы очень хорошо рассказать хорошей прозой... Но когда снова перечитываешь старые стихи, чтобы, по случаю нового их издания, кое-что в них подправить, тобою вдруг, подкравшись незначай, за-владевает звонкая привычка к рифме и ритму, и вот

стихами начинаю я третье издание «Книги песен». О Феб-Аполлон! Если стихи эти дурны, ты ведь легко простишь меня... Ты же — всеведущий бог, и ты знаешь очень хорошо, почему я вот уже так много лет лишен возможности заниматься больше всего размером и созвучиями слов... Ты знаешь, почему пламя, когда-то сверкающим фейерверком тешившее мир, пришлось вдруг употребить для более серьезных пожаров... Ты знаешь, почему его безмолвное пылание ныне пожирает мое сердце... Ты понимаешь меня, великий, прекрасный бог, — ты, подобно мне, сменявший подчас золотую лиру на тугой лук и смертоносные стрелы... Ты ведь не забыл еще Марсия, с которого заживо содрал кожу? Это случилось уже давно, и опять явилась нужда в подобном примере... Ты улыбаешься, о мой вечный отец!

Писано в Париже, 20 февраля 1839.

Генрих Гейне.

СТРАДАНИЯ ЮНОСТИ

СНОВИДЕНИЯ

1

Мне снился пыл томлений и измен,
И резеда, и локоны, и встречи,
И уст сладчайших горестные речи,
И сумрачных напевов томный плен.

Поблекли сны, развеялись виденья,
И образ твой, любимая, поблек!
Осталось то, что воплотить я мог,
Давно когда-то, в звуки песнопенья

Осталась песнь! Лети же ей вослед,
Исчезнувшей давно, неуловимой,
Сыщи ее и передай любимой
И призрачной мой призрачный привет.

2

Зловещий грезился мне сон,
И люб и страшен был мне он:
И долго образами сна
Душа, смутясь, была полна.

В цветущем — снилось мне — саду
Аллеей пышной я иду.
Головки нежные клоня,
Цветы приветствуют меня.

Веселых пташек голоса
Поют любовь, а небеса
Горят и льют румяный свет
На каждый лист, на каждый цвет.

От трав исходит аромат;
Теплом и негой дышит сад;
И все сияет, все цветет,
Все светлой радостью живет.

В цветах и в зелени кругом,
В саду прозрачный водоем.
Склонилась девушка над ним
И что-то моет. Неземным

Казалось все: и стан, и взгляд,
И рост, и поступь, и наряд.
И мнилось, будто мне она
И незнакома и родна.

Она и моет и поет —
И песней за сердце берет:
«Ты плечи, волна, плечи!
Холст мой белый полощи!»

К ней подошел и молвил я:
«Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты, и кто,
И здесь зачем, и моешь что?»

Она в ответ мне: «Будь готов!
Я мою смертный твой покров». —
И только молвила — как дым
Исчезло все. Я недвижим

Стою в лесу. Дремучий лес
Коснулся, кажется, небес
Верхами темными дубов;
Он дик, и мрачен, и суров.

В смущенье мысли потекли...
Но — чу! топор стучит вдали;
Бегу заросшею тропой —
И вот поляна предо мной.

Могучий дуб на ней стоит.
Смотрю — и тот же чудный вид:
В руках у девушки топор,
И рубит ствол она в упор.

Она и рубит и поет —
И песней за сердце берет:
«Ты руби, мой топорок!
Наруби ты мне досок!»

К ней подошел и молвил я:
«Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты, и кто,
И рубишь дерево на что?»

Она в ответ мне: «Близок срок!
Тебе на гроб рублю досок».
И только молвила — как дым
Исчезло все. Тоской томим,

Гляжу — чернеет степь кругом,
Как опаленная огнем,
Мертва, бесплодна. Я не знал,
Что ждет меня, но весь дрожал.

Иду. Как облачный туман,
Мелькнул вдали мне чей-то стан.
Я подбежал. Опять она!
Стоит печальна и бледна,

С тяжелым заступом в руках —
И роет им. Могильный страх
Меня объял. О, как она
Была прекрасна и страшна!

Она и роет и поет —
И скорбной песнью сердце рвет:
«Заступ, заступ, глубже рой:
Надо в сажень глубиной!»

К ней подошел и молвил я:
«Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты, и кто,
И здесь зачем, и роешь что?»

Она в ответ мне: «Для тебя
Могилу рою я»... Скорбя
И содрогаясь, ныла грудь;
Но мне хотелось заглянуть

В свою могилу. Я взглянул.
В ушах раздался страшный гул,
В очах померкло... Тяжкий стон, —
И я проснулся; — то был сон.

3

Манжеты, бант, нарядный черный фрак —
Таким во сне увидел сам себя я
На торжестве. И предо мной бывая
Моя любовь. Я подступил на шаг

И произнес: «Невеста вы? Так, так!
Позвольте вас поздравить, дорогая!»
Но эта фраза, светская, пустая,
В душе моей усилила лишь мрак.

И слезы вдруг с неудержимой силой
Глаза ее прелестные застлали
И облаком сокрыли образ милой.

О звезды-очи, светочи святыни,
Хотя и в жизни так же вы мне лгали,
Как и во сне, — я верю вам донине.

4

Спесив, надут, торжественен и важен,
Мне человек привиделся во сне;
Он был и груб и грязен в глубине,
Хоть с виду чист, завит и напомажен.

Он внешне был прилизан и приглажен,
Но внутренне — ничтожество вполне;
Держался он со светом наравне,
Отважен был и даже авантажен.

И демон сна меня окинул взглядом:
«Ты хочешь знать, кто он? Взгляни сюда!»
И показал мне зеркало, в котором

Любимую я с ним увидел рядом,
Пред алтарем. Сказали оба «Да!»,
И ад, смеясь, «Аминь!» — пропел им хором.

5

Вся кровь взметнулася во мне,
И сердце в яростном огне!
Кипит неистовая кровь,
Пылает сердце вновь и вновь.

В крови кипенье, гул и звон;
Я нынче видел страшный сон:
Ко мне сошел властитель тьмы,
И с ним вдвоем умчались мы.

И вот, горит огнями дом,
Внутри веселье, дым столбом,
И звуки арф, и шумный бал;
И я вступил в блестящий зал.

Я вижу свадебный обряд, —
Гостей теснится шумный ряд,
И я в невесте узнаю —
О горе! — милую мою!

Она, что так была светла,
Другому руку отдала;
Другой, другой — ее жених,
И я застыл, недвижим, тих.

Кругом веселье, блеск и шум,
Но я стою за ней, угрюм.
Невеста радостью цветет,
Жених ей руку нежно жмет.

Жених в бокал налил вина,
Пригубил, ей дает; она
С улыбкой пьет. — Я слезы лью.
Ты пьешь — о горе! — кровь мою.

Невеста яблоко берет
И жениху передает.
Тот режет яблоко. О дрожь!
В мое вонзил он сердце нож.

Пылают негой взоры их,
К себе привлек ее жених,
Целует, вижу я. Конец! —
Меня поцеловал мертвец!

Железом скован мой язык,
В немом молчанье я поник.
И снова танцы, гул и звон,
И в первой паре с нею он.

Стою я, бледен, недвижим,
Она кружит, обнявшись с ним;
Жених ей что-то говорит,
Она краснеет, но молчит.

6

В глухую ночь, в блаженном сне,
Сошла любимая ко мне;
Волшебной силой, колдовской,
Ко мне явилась, в мой покой.

Она, прелестная, она!
Улыбка кроткая ясна;
Гляжу, и сердце рвется ввысь,
Слова потоком полились:

«Возьми, что хочешь, не жалея,
Я все отдам, лишь будь моей,
Всю ночь моею, напролет, —
Пока петух не пропоет».

Она глядит с такой тоской,
Так кротко, с нежностью такой,
И дивный голос слышу я:
«Ценой блаженства — я твоя!»

«И жизнь цветущую и кровь
Отдам тебе, моя любовь,
Я все отдам, я все стерплю, —
Но нет — души не погублю».

Еще слова мои звучат,
Но все нежнее кроткий взгляд,
И тот же голос слышу я:
«Ценой блаженства — я твоя!»

Призывом страстным полон слух,
Зажегся пламенем мой дух
В последней, темной глубине;
Дышать так трудно, трудно мне.

Доныне реял, как оплот,
Рой светлых ангелов, но вот
Из преисподней дико взмыл
Клубок отвратных, темных сил.

И стало ангелам невмочь.
Их оттеснила злая ночь;
И, наконец, нечистых тьма
Во мгле рассеялась сама.

А я блаженством исхожу —
В объятьях милую держу;
Она ко мне, как серна, льнет,
Но горько, горько слезы льет.

Рыдает милая моя;
Ее уста целую я:
«Не надо слез, с тоской порви,
Отдайся пламенной любви!

Отдайся пламенной любви...»
И вдруг — озноб в моей крови:
Под гул и треск покров земной
Разверзся — пропасть предо мной.

Из черной пропасти возник
Рой черных духов в тот же миг;
Сокрыв он милую мою;
Один, как прежде, я стою.

Стою, и черный рой ведет
Вокруг меня свой хоровод,
Все ближе, ближе, все тесней,
И громкий хохот все гнусней.

Вот-вот сомкнется узкий круг,
В ушах все тот же страшный звук:
«Блаженство ты отверг, презрел,
Проклятье — вечный твой удел».

7

Я выплатил выкуп, чего же ты ждешь?
Ты видишь, я весь — нетерпенье и дрожь.
Кровавый сообщник, меня не морочь:
Невесты все нет, а уж близится ночь.

От кладбища веют, летят холодки; —
Невесту мою не встречали ль, дружки?
И вижу, как призраков бледных орда
Кивает в ответ, ухмыляется: «Да!»

Выкладывай, с чем ты пришел ко мне,
Ливрейный верзила, в дыму и огне?
«В драконьей запряжке мои господа
Прикатят — недолго их ждать — сюда».

Ты маленький, низенький, в сером весь,
Мой мертвый магистр, зачем ты здесь?
Безмолвно ко мне обращает он взгляд,
Трясет головой и уходит назад.

Косматый мой пес, ты скулишь неспроста!
Как ярко сверкают зрачки у кота!
К чему это женщины подняли вой?
О чем это нянька поет надо мной?

Нет, нянюшка, песенкам прежним конец,
Я нынче, ты знаешь, иду под венец;
Баюкать меня теперь ни к чему, —
Смотри-ка, и гости, — один к одному!

Друзья, как любезно, не ждал никогда б! —
В руках у вас головы вместо шляп.
И вы, дрыгоножки, вы тоже пришли;
Что поздно сегодня сорвались с петли?

А вот на метле и старушка-карга.
Благослови же родного сынка!
И ведьма, трясясь, выступает вперед;
«Аминь!» — произносит морщинистый рот.

Идут музыканты — к скелету скелет,
Слепая скрипачка пиликает вслед;
Явился паяц, размалеванный впрах,
С могильщиком на худых плечах.

Двенадцать монахинь ведут хоровод,
И сводня косая им тон задает,
Двенадцать попов похотливых свистят
И гнусность поют на церковный лад.

А ты, старьевщик, надрываешься зря,
На что в преисподней мне шуба твоя!
Там есть чем топить до скончанья веков, —
Останками смертных — царей, бедняков.

Несносен горбатых цветочниц вой —
Знай, по полу носятся вниз головой.
Вы, рожи совиные, — без затей!
Оставьте! К чему этот хруст костей!

Поистине, с цепи сорвался ад.
Их больше и больше, визжат и гудят;
Вот вальс преисподней... Потише вы, эй!
Сейчас я увижусь с подругой моей.

Потише вы, сброд, или попросту прочь!
Себя самого мне расслышать невмочь.
Как будто подъехали к дому теперь?
Кухарочка! Что же! Открой им дверь!

Привет, дорогая! О, что за честь!
И пастор тут! Не угодно ли сесть?
Хоть вы с лошадиным копытом, с хвостом,
Я ваш, преподобный отец, целиком!

Любимая, что ты бледна, как мертвец?
Нас пастор сейчас поведет под венец;
Я кровью ему заплатил, это так,
Но плата, в сравнение с тобою, пустяк.

Колени склони, дорогая, со мной! —
Она на коленях — о миг неземной!
Прижалась ко мне — там, где сердце мое,
И в жутком восторге я обнял ее.

Я волнами локонов нежно обвит,
И сердце у сердца любимой стучит.
Стучат от блаженства и боли сердца
И к небу стремятся, к престолу творца.

Восторгом сердца беспредельным зажглись
И рвутся туда, где священная высь;
Но здесь, на земле, торжествует зло:
Нам ад возложил свою длань на чело.

Гнетущего мрака угрюмый сын
Свершает над нами венчания чин;
Кровавую книгу он держит в руках,
В молитве — кощунство, проклятье — в словах

И вой, и шипенье, и свист кругом,
Как грохот прибоя, как дальний гром...
Тут вспыхнул огонь, ослепительно синь,
И шамкает старая ведьма: «Аминь!»

8

Покинув в полночь госпожу,
Безумьем и страхом объятый, брожу
И вижу: на кладбище что-то блестит,
Зовет и манит от могильных плит.

Зовет и манит от плиты одной,
Где спит музыкант под полной луной.
И слышится шопот: «Я выйду, вот-вот!»
И бледное что-то в тумане встает.

То был музыкант, из могилы он встал,
Уселся в надгробье и цитру взял.

Buch der Lieder

von

H. Heine.

H a m b u r g
bei Hoffmann und Campe.
1827.

Титульный лист первого издания
«Книги Песен» 1827 года.

Он бьет по струнам проворной рукой,
И голос доносится, хриплый, глухой:

«Вы, струны, помните еще
Напев старинный, горячо
Вещавший нам о чуде?
Зовут его ангелы сладостным сном,
Зовут его демоны адским огнем,
Любовью зовут его люди!»

И чуть лишь замер песенки звук,
Как все могилы раскрылись вдруг;
И призраков бледных мятущийся рой
Певца обступил под напев хоровой:

«О любовь, любовь, любовь!
Ты смирила нашу кровь,
Смертный нам сплела покров,
Что же ты нас будишь вновь?»

Кружатся и стонут на всяческий лад,
Хохочут, грохочут, скрежещут, хрипят:
Певца обступили со всех сторон,
И вновь по струнам ударяет он:

«Браво! Браво! Веселей!
Звуку слова
Колдовского
Ты послушна, рать теней!
Да и верно, что за прок
Спать, забившись в уголок;
Поразвлечься вышел срок!
Спору нет, —
Нас сейчас не слышит свет —
Всю-то жизнь, тоской томимы,
Дураками провели мы
И в плену любовных бед.
Нынче скука нас не свяжет,
Нынче каждый пусть расскажет,
Как сюда он угодил,

Как томил
И травил
Нас любовный, дикий пыл».

Окончил певец, расступился кружок,
Выходит на тощих ногах паренек:

«Я был подмастерьем портновским
С булавками и иглой;
Работал с усердьем чертовским
Булавками и иглой;
Явилась хозяйская дочка
С булавками и иглой
И сердце пронзила мне — точно
Булавками и иглой».

Хочочет, беснуется призраков рой;
Серьезен и тих, выступает второй:

«Мне Ринальдо Ринальдини,
Шиндерханно, Орландини
И в особенности Моор
Были близки с давних пор.

И влюбился я, — не скрою, —
Как и следует герою,
С сердцем, отданным мечтам
О прекраснейшей из дам.

Изводился в злой разлуке,
Изливался в страстной муке
И совал, любовью пьян,
Руку ближнему в карман.

Осердились как-то власти,
Что решил я слезы страсти,
Подступившие, как ком,
Осушить чужим платком.

И меня — святой обычай —
С соблюденьем всех приличий

Посадили под замок,
Чтоб раскаяться я мог.

Там, любовьию сгорая,
Дни корпел и вечера я,
Но Ринальдо мне предстал
И с собой во тьму умчал.

Хохочет, беснуется призраков рой;
И третий выходит, обличем герой:

«Я был королем артистов
И знал лишь любовника роль;
«О боги!» — рычал я, неистов,
И — «Ах!», когда чувствовал боль.

Играл я с Мариєю вместе,
Я Мортимер был хоть куда!
Но как ни искусен я в жесте,
Она оставалась тверда.

Однажды, упав на колени,
«Святая!» — я громко вскричал
И глубже, чем нужно по сцене,
Вонзил себе в грудь кинжал».

Хохочет, беснуется призраков рой;
Четвертый выходит, покинув строй:

«Болтал профессор красноречивый,
А я кивал головой во сне,
Но, правда, с дочкой его красивой
Много приятней было мне.

Переглянусь, бывало, с нею,
С цветком прелестным, с юной весной!
Но эту весну объявил своею
Сухарь-филистер с тугой мошной.

Проклятьями я всех женщин осыпал,
И адского зелья подлил в вино,

И смерть позвал, и «на ты» с нею выпил,
И смерть мне сказала: «Ты мой, решено!»

Хохочет, беснуется призраков рой;
И пятый выходит, опутан петлей:

«Хвалился граф за бокалом вина:
«Красавица-дочь у меня — и казна!»
Сиятельный граф, на что мне казна?
Вот дочка твоя, мне по вкусу она.

И дочь и казну он держал под замком,
У графа служителей полон дом.
Что значат служители и замки? —
Подняться по лестнице — мне с руки.

Поднялся, к окошечку милой приник,
Вдруг слышу внизу проклятья крик:
«Полегче, любезный, — и я примкну,
И я погляжу на свою казну».

И граф, издеваясь, схватил меня;
Сбежались служители — шум и возня.
Эй, к дьяволу, челядь! Я вовсе не вор,
Хотел я с любимой вступить в разговор

Что толку, не верят пустой болтовне,
Веревку на шею накиннули мне;
И солнце дивилось, поутру взойдя:
Меж двух столбов качался я».

Хохочет, беснуется призраков рой;
Выходит — в руках голова — шестой:

«Томим тоской, с ружьем в руках,
Я дичь отслеживал в кустах.
И слышу вдруг зловещий крик,
И ворон каркает: «Погиб!»

Когда б голубку мне найти
И в дом любимой принести!

Так я мечтал и ждал чудес,
С ружьем обшаривая лес.

Кто там воркует средь кустов?
Конечно, пара голубков.
Курок взведен, подкрался я
И вижу — милая моя!

Голубка, та, что так нежна,
В чужих объятиях она. —
Не оплошай, стрелок лихой!
И в луже крови тот, другой.

И вскоре лесом мрачный ход
Зловеще тронулся вперед,
На суд и казнь. В деревьях хрип,
И ворон каркнул мне: «Погиб!»

Хочет, беснуется призраков рой;
Бьет музыкант по струнам рукой:

«Чудесно прежде певалось,
Но кончена, видно, игра.
Коль сердце в груди порвалось,
По домам и песням пора!»

И неистовый смех раздается опять,
И беснуется бледных призраков рать.
Тут с башни послышался хриплый бой,
И тени скрылись под грохот и вой.

9

Забылись муки в тишине,
В оковах легких сна;
И вот, она явилась мне,
Прекрасна и бледна.

Глядит так дивно и светло,
В ресницах жемчуг слез;

Как мрамор, холодно чело
Под прядями волос.

Она сошла ко мне во тьму,
Как мрамор холодна,
И никнет к сердцу моему,
Как мрамор холодна.

Готов я страстью изойти,
И боль мне душу жжет,
Но сердце у нее в груди
Холодное, как лед.

«Не бьется сердце здесь, в груди,
В нем холод ледяной;
Но знай, и мне дано цвести
Любовию земной.

Устам румянца не вернуть,
Застыла в сердце кровь,
Но ты забудь тоску и жуть,
Во мне — одна любовь».

И крепко-крепко обняла —
От боли замер дух —
И в ночь туманную ушла,
Едва пропел петух.

10

Вот вызвал я силою слова
Бесплотных призраков рать:
Во мглу забвенья былого
Уж им не вернуться опять.

Заклятья волшебного строки
Забыл я, охвачен тоской,
И духи во мрак свой глубокий
Влекут меня за собой,

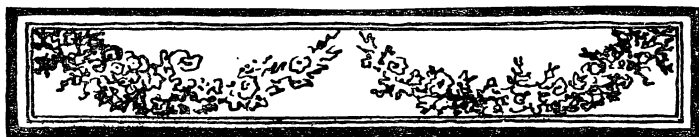
Прочь, темные силы, не надо!
Оставьте, духи, меня!
Земная мила мне услада
В сиянье алого дня.

Ищу неизменно, всегда я
Прелестного цветка;
На что мне и жизнь молодая,
Когда любовь далека?

Хоть раз забыться в алканье,
Прижать ее к пылкой груди!
Хоть раз, в едином лобзанье
Блаженную боль обрести!

Пусть только подаст устами
Любви и нежности знак —
И тут же готов я за вами
Последовать, духи, во мрак.

И, жуткий страх навевая,
Кивает толпа теней.
Ну вот, я пришел, дорогая; —
Ну, любишь? Скажи скорей!

ПЕСНИ

1

Утром я встаю, гадаю:
Можно ль нынче ждать?
Вечером томлюсь, вздыхаю:
Не пришла опять!

Сна не шлет душе усталой
Долгой ночи тень;
Греза, полусонный, вялый,
Я брожу весь день.

2

Покоя нет и нигде не найти!
Час-другой, и увижусь я с нею,
С той, что прекраснее всех и нежнее;
Что ж ты колотишься, сердце, в груди?

Ох уж часы, ленивый народ!
Тащатся еле-еле,
Тяжко зевая, к цели; —
Ну же, ленивый народ!

Гонка, и спешка, и жар в крови! —
Видно, любовь ненавистна Орам:
Тайным глумленьем, коварным измором
Хочется взять им твердыню любви.

3

Бродил я под тенью деревьев,
Один, со своею тоской;
И снова старая греза
Впилась мне в сердце змеей.

Певицы воздушные! Где вы
Подслушали песнь мою?
Заслышу ее — и снова
Отраву смертельную пью.

«Гуляла девица и пела
Ту песню не раз и не раз;
У ней мы подслушали песню,
Она осталась у нас».

Молчите, лукавые птицы!
Я знаю, хочется вам
Тоску мою похитить...
Да я-то ее не отдам.

4

Положи мне руку на сердце, друг,
Ты слышишь в комнатке громкий стук?
Там мастер хитрый и злой сидит
И день и ночь мой гроб мастерит.

Стучит и колотит всю ночь напролет,
И больше сон ко мне не придет.
Ах, мастер, оставьте, дайте вздохнуть, —
Я так устал, хочу уснуть.

5

Колыбель моей печали,
Склеп моих спокойных снов, —

Город грез, в чужие дали
Ухожу я, — будь здоров!

Ах, прощай, прощай, священный
Дом ее, дверей порог
И заветный, незабвенный
Первой встречи уголок!

Если б нас, о дорогая,
Не свела судьба тогда, —
Тихо жил бы я, не зная
Мук сердечных никогда!

Это сердце не дерзало
О любви тебе шептать:
Только там, где ты дышала, —
Там хотелось мне дышать.

Но меня неожиданно гонит
Строгий, горький твой упрек!
Сердце раненое стонет,
Ум смятенный изнемог.

И, усталый и унылый,
Я, как странник, вдаль иду
Без надежд, — пока могилы
На чужбине не найду.

6

Подожди, моряк суровый:
В гавань я иду с тобой,
Лишь с Европой дай проститься
И с подругой дорогой.

Ключ кровавый, брызни, брызни
Из груди и из очей!
Записать мои мученья
Должен кровью я своей.

Вижу, ты теперь боишься
Крови, милая? Постой!
Сколько лет с кровавым сердцем
Я стоял перед тобой?

Ты знакома с ветхой притчей
Про коварную змею,
Ту, что яблоком сгубила
Прародителей в раю?

Этот плод — всех зол причина:
Ева в мир внесла с ним смерть,
Эрис — пламя в Трою, ты же
Вместе с пламенем — и смерть!

7

Гор и замков вереницы
Отразились в глади вод;
Мой кораблик резво мчится,
Рейн сверкает, даль зовет.

Блещут искры золотые,
И слежу я за волной;
Чувства прежние, бывшие
Вновь проснулись, вновь со мной.

Знаю, лаской и приветом
Ободряет дивный вид;
Тот поток, что дышит светом,
Гибель темную таит.

Сверху гладь, коварство в недрах —
Ты, поток, ее портрет:
И в ее улыбках щедрых
Та же нега, тот же свет.

8

Сник сперва я в тайной дрожи,
Думал: вечно будет мрак;
А потом стерпелся все же, —
Но не спрашивайте: как?

9

О, пусть бы розы и кипарис
Над книгою этой нежно сплелись,
Шнуром увитые золотым, —
Чтоб стать ей гробницею песням моим.

Когда б и любовь схоронить я мог,
Чтоб цвел на могиле покоя цветок!
Но нет, не раскрыться ему, не цвести, —
И мне самому в могилу сойти.

Так вот они, песни, что к небу, ввысь,
Как лава из Этны, когда-то неслись
И, вызваны к свету глубинным огнем,
Пожар расточали и искры кругом!

Теперь они немы, в них жизни нет,
И холоден их безмолвный привет.
Но прежний огонь оживит их вновь,
Едва их дыханьем коснется любовь.

И чайньем смутным полнится грудь:
Любовь их согреет когда-нибудь.
И книга песен в чужом краю
Разыщет милую мою.

И чары волшебные отпадут,
И бледные буквы опять оживут,
В глаза тебе глянут со скорбной мольбой
И станут любовно шептаться с тобой,

РОМАНСЫ

1

УНЫЛЫЙ

Этот мальчик, бледный с вида,
Больно трогает сердца,
Скорбь и тяжкая обида
Помрачили свет лица.

Ветерок к нему стремится —
Лоб горячий освежить;
Неприступная девица
Хочет лаской подарить.

Он покинул город душный,
Чтоб в лесу найти приют,
Где листва шумит радушно,
Птицы весело поют.

Но конец приходит хорам,
И роняет лист слезу,
Лишь унылый с грустным взором
Появляется в лесу.

2

ГОРНЫЙ ГОЛОС

В долине всадник, между гор;
Конь замедляет шаг.

«Ах, ждет ли меня любовь моя,
Или тяжкий могильный мрак?»
Ответил голос так:
«Могильный мрак!»

И всадник едет вперед, вперед
И говорит с тоской:
«Мне рано судьба судила смерть,
Ну, что же, в земле — покой».
И голос за горой:
«В земле — покой!»

Слеза бежит по его лицу,
И на сердце грусть, тоска:
«Что же, если в земле лишь найду покой,
То, значит, земля легка».
В ответ, издалека:
«Земля легка!»

3

ДВА БРАТА

На вершине каменистой
Замок, в сумрак погружен,
А в долине блещут искры,
Светлой стали слышен звон.

Это братьев кровных злоба
Грудь о грудь свела в ночи;
Почему же бьются оба,
Обнажив свои мечи?

То Лаура страстью взора
Разожгла пожар в крови.
Оба знатные синьора
Полны пламенной любви.

Но кому из них обоих
Суждено ее привлечь?

Примирит кровавый бой их,
Разрешит их распря меч.

Оба бьются, дики, яры,
Искры блещут, сталь звенит.
Берегитесь! Злые чары
Мгла полночная таит!

Горе вам, кровавым братьям!
Горе! Горе! Кровь ключом!
Оба падают с проклятьем,
Пораженные мечом.

Век за веком, поколенья
Исчезают в бездне мглы;
Старый замок в запустенье
Смотрит сверху, со скалы.

Но в долине, под горою,
Неспокойно, говорят:
Там полночною порою
Насмерть с братом бьется брат.

4

БЕДНЫЙ ПЕТЕР

I

И Ганс, да и Грета в круге идут,
Ликуют от счастья смело,
А бедный Петер тоже тут,
И сам — белее мела.

И Ганс, да и Грета — с невестой жених,
И в свадебном блещут наряде.
Кусает ногти Петер, затих,
Стоит совсем не в параде.

И молвит тихонько про себя,
На пару глядя с тоскою:

«Не будь таким рассудительным я,
Сыграл бы что с тобою!

II

В своей груди я боль держу,
И грудь от боли стонет.
Где ни стою я, где ни сижу,
Она все с места гонит.

И к милой гонит все моей,
Как будто помощь в Грете,
Но лишь взгляну в глаза я ей, —
Покину места и эти.

На гор вершину я взойду...
Один — и то удача,
И вот, когда я там стою, —
Стою я, тихо плача».

III

И Петер ослабел вконец,
Он робок, бледен, как мертвец,
То ступит шаг, то вновь стоит,
И на него народ глядит.

И хор девичий зашептал:
«Не из могилы ли он встал?» —
«Нет, барышни, он не таков:
Не встал, а лечь в нее готов.

Он потерял заветный клад
И гробу был бы только рад.
Всего спокойней лечь туда
И спать до страшного суда».

5

ПЕСНЯ УЗНИКА

Как сглазила бабушка Лизу, решил
Народ ее сжечь в наказание;

Deutsche Dichtung.

II. Band. 5. Heft.

Herausgeber: Karl Emil Franzos.

1. Juni 1887.

Г. Г В Й Н Е

С гравюры Карла Герста по рисунку Франца Брандта
1820-х годов.

Судья хоть и много потратил чернил,
Но не добился сознания.

И бросили бабку в котел, и со дна
Проклятья слышались, стоны;
Когда же дым повалил, то она
Исчезла в виде вороны.

Бабуся пернатая, черная, знай —
Я в башне томлюсь в заключение:
Ты к внучку слети поскорей, подай
В решетку сыру, печенья.

Бабуся пернатая, черная, тут
Должна уж ты постараться:
Пусть сестры твои мне глаза не склюют,
Как в петле я буду качаться.

6

ГРЕНАДЕРЫ

Во Францию два гренадера брели
Обратно из русской неволи.
И лишь до немецкой квартиры дошли,
Не взвидели света от боли.

Они услышали печальную весть,
Что Франция в горестной доле,
Разгромлено войско, поругана честь,
И — увы! — император в неволе.

Заплакали вместе тогда друзья,
Поняв, что весть без обмана.
Один сказал: «Как страдаю я,
Как жжет меня старая рана!»

Другой ему ответил: «Да,
Мне жизнь самому постыла,
Жена и дети — вот беда,
Им без меня — могила».

«Да что мне дети, да что мне жена!
На сердце теперь — до того ли?
Пусть просит милостыню она, —
Ведь — увы! — император в неволе!

Исполни просьбу, брат дорогой, —
Если здесь глаза я закрою,
Во Францию прах мой возьми с собой,
Засыпь французской землею.

И орден положи на грудь —
Солдатом и в гроб я лягу.
И дать ружье не позабудь,
И повяжи мне шпагу.

Так буду в гробу я, как часовой,
Лежать и дремать в ожиданье,
Пока не услышу пушечный вой,
И конский топот, и ржанье.

Император подъедет к могиле моей,
Мечи зазвонят, блистая,
И я встану тогда из могилы моей,
Императора защищая!»

7

ГОНЕЦ

Слуга! Вставай, возьми коня,
В седло скорей садись
И через лес, через поля
К Дункану в замок мчись.

Конюшего ты подзовешь
И порасспросишь так:
«Скажи, какая из принцесс
Вступает нынче в брак?»

Коль «Черноокая», то ты
Мне привезешь ответ,

Коль «Златокудрая», то здесь
Такой уж спешки нет.

Тогда веревку для меня
У мастера сыщи
И с ней вернись, не торопясь,
И мне без слов вручи.

8

ПОХИЩЕНИЕ

Один не уйду я, любовь моя!
Со мною пойдешь ты
В дом мой темный, старинный, унылый,
В дом укромный, пустынный, милый,
Где мать моя на пороге сидит,
И сына ждет, и вдаль глядит.

*Оставь меня, страшный человек!
Оставь, незванный!
Твой грозен вид, как лед рука,
Твой взор горит, как мел щека, —
Я здесь останусь, ждут меня
Дыханье роз, сиянье дня».

Забудь про розы, про день забудь,
Моя дорогая!
Укройся к ночи фатою белой,
По струнам громче — рукою смелой,
И песню венчальную мне спой —
Подхватит ветер ее ночной.

9

ДОН РАМИРО

«Донна Клара! Донна Клара!
Радость пламенного сердца!
Обрекла меня на гибель,
Обрекла без сожаленья.

Донна Клара! Донна Клара!
Дивно сладок жребий жизни!
А внизу, в могиле темной,
Жутко, холодно и сыро.

Донна Клара! Завтра утром
Дон Фернандо перед богом
Назовет тебя супругой —
Позовешь меня на свадьбу? —

«Дон Рамиро! Дон Рамиро!
Речь твоя мне ранит сердце,
Ранит сердце мне больнее,
Чем укор светил небесных.

Дон Рамиро! Дон Рамиро!
Отгони свое унынье;
Много девушек на свете —
Нам господь судил разлуку.

Дон Рамиро, ты, что мавров
Поборол с такой отвагой,
Побори свое упорство —
Приходи ко мне на свадьбу». —

«Донна Клара! Донна Клара!
Да, клянусь тебе, приду я.
Приглашу тебя на танец, —
Я приду, спокойной ночи!

Спи спокойно!» Дверь закрылась;
Под окном стоит Рамиро,
И вздыхает, каменея,
И потом уходит в сумрак.

Наконец, в борьбе упорной,
День сменяет мглу ночную;
Словно сад, лежит Толедо,
Сад, пестреющий цветами.

На дворцах и пышных зданьях
Солнца отсветы играют,
Купола церквей высоких
Пламенеют позолотой.

И гудит пчелиным роем
Перезвон на колокольнях,
И несутся песнопенья
К небесам из божьих храмов.

А внизу, внизу, смотрите! —
Там из рыночной часовни
Люди праздничным потоком
Выливаются на площадь.

Блещут рыцари и дамы,
Свита золотом сияет,
И со звоном колокольным
Гул сливается органа.

Но почтительно и скромно
Уступают все дорогу
Юной паре новобрачных —
Донне Кларе и Фернандо.

До ворот дворца Фернандо
Зыбь людская докатилась;
Там свершится брачный праздник
По старинному обряду.

Игры трапезу сменяют
В ликование беспрерывном;
Время мчится незаметно,
Ночь спускается на землю.

Гости званные средь зала
Собираются для танцев;
В блеске свеч сверкают ярче
Драгоценные наряды,

На особом возвышенье
Сел жених и с ним невеста;
Донна Клара, дон Фернандо
Нежно шепчутся друг с другом.

И поток людской шумнее
Разливается по залу,
И гремят победно трубы,
И грохочут в такт литавры.

«Но скажи, зачем ты взоры,
Повелительница сердца,
Устремила в угол зала?» —
Удивленно молвит рыцарь.

«Иль не видишь ты, Фернандо,
Человека в черном платье?»
И смеется нежно рыцарь:
«Ах! То тень лишь человека!»

И, однако, тень подходит —
Человек подходит в черном,
И тотчас, узнав Рамиро,
Клара кланяется робко.

В это время бал в разгаре,
Все неистовее в вальсе
Гости парами кружатся,
Пол грохочет, сотрясаясь.

«Я охотно, дон Рамиро,
Танцовать пойду с тобою,
Но зачем ты появился
В этом мрачном одеянье?»

И пронизывает взором
Дон Рамиро донну Клару;
Охватив ее, он шепчет:
«Ты велела мне явиться!»

И в толпе других танцоров
Оба мчатся в вальсе диком,
И гремят победно трубы,
И грохочут в такт литавры.

«Ты лицом белее снега!» —
Шепчет Клара с тайным страхом.
«Ты велела мне явиться!» —
Глухо ей в ответ Рамиро.

Ярче вспыхивают свечи,
И поток людской теснится,
И гремят победно трубы,
И грохочут в такт литавры.

«Словно лед, твое пожатье!» —
Шепчет Клара, содрогаясь.
«Ты велела мне явиться!»
И они стремятся дальше.

«Ах, оставь меня, Рамиро!
Смерти тлен в твоём дыханье!»
Он в ответ, все так же мрачно:
«Ты велела мне явиться!»

Пол дымится, накаляясь,
И ликуют альт и скрипка;
Словно в чарах смутной сказки,
Все кружится в светлом зале.

«Ах, оставь меня, Рамиро!» —
Не смолкает женский ропот.
И Рамиро, неизменно:
«Ты велела мне явиться!»

«Если так, иди же с богом!» —
Клара вымолвила твердо,
И, едва она сказала,
Без следа исчез Рамиро.

Клара стынет, смерть во взгляде,
На душе могильный холод;
Мысли в трепетном бессилье
Погрузились в царство мрака.

Наконец туман редет,
Раскрываются ресницы;
Но теперь от изумленья
Вновь хотят сомкнуться очи:

С той поры, как бал начался,
Клара с места не сходила;
Рядом с нею дон Фернандо,
Он участливо ей шепчет:

«Отчего ты побледнела?
Отчего твой взор так мрачен?» —
«А Рамиро?» — шепчет Клара,
Цепenea в тайном страхе.

И суровые морщины
Бороздят чело супруга:
«Госпожа, к чему — о крови?
В полдень умер дон Рамиро».

10

ВАЛТАСАР

Уж час полночный наступал,
Весь Вавилон молчал и спал.

Лишь окна царского дворца
Сияют: пир и пир без конца.

В блестящей зале стол накрыт;
Царь Валтасар за ним сидит.

С царем пирует множество слуг;
Не молкнет чаш говорливый стук.

Все шумно: раб за чашею смел.
И царь строптивый повеселел.

В лице румянец горит огнем;
Впивает дерзость он с вином.

И слово грешное его
Хулит высокое божество.

Безмерно буен царя язык.
И рабских хвал неистов клик.

Сверкая взором, пьяный царь
Рабов ограбить шлет алтарь.

И вот несут, склоня главы,
Всю утварь из храма Иеговы.

И царь, преступною рукой
Наполнив, поднял сосуд святой.

Его он яростно осушил
И с пеной у рта возгласил:

«Плюю я, бог, на твой алтарь!
Я — Вавилона всесильный царь!»

Еще не смолк греховный крик,
Как трепет в царскую грудь проник.

Мгновенно замер безумный смех,
И мертвый холод обнял всех.

И вдруг, о ужас! На стене
Рука является в огне

И пишет. Буквы под перстом
Горят, одна за другой, огнем.

Недвижим царь и взором дик;
Дрожат колени, мертвенен лик,

Рабов сковал могильный страх,
И слово замерло на устах.

И ни единый маг не смог
Истолковать тех пламенных строк.

И в ту же ночь — не взошла заря —
Рабы зарезали царя.

11

МИННЕЗИНГЕРЫ

Миннезингеры в молчанье
На турнир текут толпой;
То-то будет состязанье,
То-то будет славный бой.

Пыл неистового чувства
Миннезингеру, как конь;
Щит ему — его искусство,
Меч — фантазии огонь.

С золоченой галлерей
Смотрят дамы — пышный цвет;
Нет лишь той, что всех нежнее,
Лавра истинного нет.

Полон сил, к барьеру скачет
Рыцарь — славу обрести,
А певец от мира прячет
Рану смертную в груди.

И когда он кровью-песней,
Всех обильней, изойдет,
То уста, что всех прелестней,
Изрекнут ему почет!

12

ПОД ОКНОМ

Шел Генрих, бледный и худой;
Склоняясь на подоконник,
Гедвига молвит: «Боже мой,
Как бледен — совсем покойник!»

Он кверху возвел пылающий взор,
Взглянул на ее подоконник,
И вот от любви и она с тех пор
Совсем бледна — как покойник.

Она с него днем не сводит глаз,
Усевшись на подоконник,
А ночью в объятьях его — в тот час,
Когда нас пугает покойник.

13

РАНЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Мне повесть старинная снится,
Печальна она и грустна:
Любовью измучен рыцарь,
Но милая неверна.

И должен он поневоле
Презреньем любимой платить
И муку собственной боли
Как низкий позор ощутить.

Он мог бы к бранной потехе
Призвать весь рыцарский стан:
Пускай облечется в доспехи,
Кто в милой видит изъян!

И всех бы мог он заставить
Молчать — но не чувство свое;
И в сердце пришлось бы направить,
В свое же сердце копьё.

14

ОТПЛЫТИЕ

Стоял я, к мачте прислонясь,
Следя валы глазами.
Прости, родимая страна!
Мой челн под парусами!

Вот милый дом на берегу,
На стеклах ответ солнца;
Гляжу я долго, но никто
Не машет из оконца.

Не лейтесь, слезы, — вы глаза
Туманом мне застлали!
Больное сердце, не порвись
От горя и печали!

15

ПЕСЕНКА О РАСКАЯНЬЕ

Граф Ульрих едет в лесу густом,
Смеются тихо клены,
Он видит: девушка с милым лицом
Таится в листве зеленой.

И думает он: «Как знаю я
Этот облик — цветущий, веселый!
Он так неотступно манит меня
В толпу, в охотничьи долы.

Как розы, дышат ее уста
И свежестью и любовью,
Но речь их лукава, и пуста,
И отдана суесловью.

И можно сравнить этот милый рот
С прекрасным розовым садом,
Где змей ядовитых семья живет,
Листы отравляя ядом,

На свежих щечках, что ярче дня,
Мне ямочек видно дрожанье,
Но это — бездна, куда меня
Безумно влекло желанье.

Волна ее локонов так пышна
И нежно на плечи ложится,
Но это — сеть, что сплел сатана,
Чтоб мне с душою проститься.

В глазах ее нежная радость живет,
Волны голубая прохлада,
Я думал — буду у райских ворот,
А встретил преддверие ада».

Граф Ульрих едет в лесу густом,
А клены шумят по дороге,
И призрак другой — с омраченным лицом
Глядит в тоске и тревоге.

И думает всадник: «То мать моя,
Она беззаветно любила,
Но делом и словом печалил я
Всю жизнь ее до могилы.

О, если б мне слезы ее осушить
Всем горем своим и любовью,
О, если бы щеки ее оживить
Всей, взятой из сердца, кровью!»

И едет он дальше в густые леса,
Вокруг начинается смеркаться,
И в зарослях странные голоса
Под ветром стали шептаться.

И слушает Ульрих свои же слова,
В лесу повторенные эхом.
То полнится шепчущая листва
Чириканьем птичьим и смехом.

Граф Ульрих прекрасную песню поет,
Раскаяньем песнь зовется.
Когда он ее до конца доведет,
То сызнова песнь начнется.

16

ПЕВИЦЕ,
спевшей старинный романс

Я помню, как она, чаруя,
Предстала взору в первый раз.
Звенел волшеббно голос сладкий,
И сердце билось в лихорадке,
И слезы тихие украдкой
Невольно полились из глаз.

Я был объят очарованьем;
Вернулись снова детства сны:
Мерцает лампа еле-еле,
И я, усевшись на постели,
Под шум и свист ночной мятели
Читаю сказки старины.

И сказки дивно оживают,
Из гроба рыцари встают;
Турнир сегодня в Ронсевале,
Роланд спешит в броне из стали,
Герои в свите прискакали,
И Ганелон меж ними, плут.

Он гнусно предал господина;
Роланд в крови, насмерть сражен;
Он рог берет, слабея, в руки,
И Карл Великий слышит звуки;
Бледнеет рыцарь в смертной муке —
И вместе с ним бледнеет сон.

Громовый гул рукоплесканий
Меня вернул из царства сна;

Померкла дней волшебных слава,
В ладоши бьет людская лава,
Шум без конца и крики «браво!»
И — всех благодарит она.

17

ПЕСНЯ О ЧЕРВОНЦАХ

Мои светлые червонцы,
Где блесните вы? На солнце?

Иль у рыбок золотистых,
Беззаботной неги полных,
Кувыркающихся в волнах?

У цветочков золотистых,
Что сверкают в свежих росах
Рано утром на покосах? ‘

Иль у птичек золотистых,
Что парят над перелеском,
Ослепляя нежным блеском?

Не у звезд ли золотистых,
Что, качаясь в тверди зыбкой,
Светят ночью нам с улыбкой?

Вы, червонцы золотые,
Не ныряете в волнах,
Не сверкаете в траве,
Не парите в синеве,
Не смеетесь в небесах —
Цепко держит вас рука
Моего ростовщика.

18

РАЗГОВОР НА ПАДЕРБОРНСКОМ ЛУГУ

Слышишь звуки — что-то вроде
Контрабаса или скрипки?

Там, в воздушном хороводе,
Вьется стан девичий гибкий.

«Полно, друг мой, всё иначе,
Тут не скрипки, а другое:
Визг я слышу поросячий,
Слышу хрюканье свиное».

Слышишь рог, вперед зовущий?
То охоты резвой трели,
То пастух, ягнят пасущий,
Им играет на свирели.

«Полно, друг мой, нет там рога,
И свирель отнюдь не стонет;
Свинопас идет дорогой
И свиной в закуту гонит».

Слышишь хоров светлых пенье
Там, где рощи и лесочки?
Им внимая, в восхищенье
Бьют крылами ангелочки.

«То не песня хоровая,
Милый друг, и нет там хора;
Гонит к дому, распевая,
Гусенят мальчишек свора».

Слышишь, сладостный и томный,
Колокольный звон струится?
И бредет к часовне скромной
Богомольцев вереница.

«Полно, друг, мечтать не надо,
То бредут не богомольцы,
То пылит, понурясь, стадо,
И бряцают колокольцы».

Видишь, вот стоит, кивая,
Машет легким покрывалом?

То подруга дорогая,
Скорбь в лице ее усталом.

«Полно, друг мой, что такое!
Это бабка-попрошайка,
Злая, тощая, с клюкою,
Ковыляет по лужайке».

Так-то, друг любезный. Что же,
Поглумись над фантазером!
Мой восторг душевный тоже
Ты сплошным объявишь вздором?

19

НАПУТСТВИЕ

(В альбом)

Большая дорога — земной наш шар,
И странники мы на свете.
Торопимся, словно бы на пожар,
Кто пеший, а кто и в карете.

Мы машем платком, повстречавшись в пути,
И мчимся, как от погони;
Мы рады б друг друга прижать к груди,
Но рвутся горячие кони.

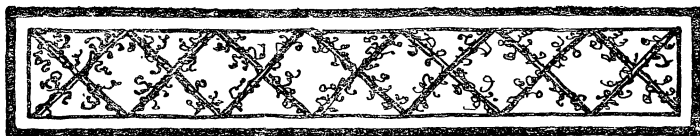
Едва лишь тебя на скрещенье дорог
Успел, о принц, полюбить я,
Как снова трубит почтальонский рожек, —
Обоим трубит отбытье.

20

ПОИСТИНЕ

Когда солнце светит ранней весной,
Распускаются пышно кругом цветы;
Когда месяц плывет дорогой ночной,

Выплывают и звезды, прозрачны, чисты;
Когда ясные глазки видит поэт,
Он песнею славит их сладостный цвет. —
Но и песни, и звезды, и луна,
И глазки, и солнечный свет, и весна,
Как бы ими ни наполнилась грудь,
В этом мире — не вся еще суть.

СОНЕТЫ

А.-В. ШЛЕГЕЛЮ

В роброне пышном, вышитом богато,
И в туфельках с острейшими носками,
Вся в мушках, с набеленными щеками
И талией, корсетом туго сжатой, —

Такой тебе явилася когда-то
Лжемуза, обольщая похвалами;
Но ты пошел не торными путями,
В туманное наитье веря свято.

И замок ты обрел в своем скитанье,
И там, недвижна, словно изваянье,
В волшебном сне красавица лежала.

И в чаянье желанного союза
В твои объятия подлинная Муза,
Восстав от сна, с улыбкою упала.

МОЕЙ МАТЕРИ Б. ГЕЙНЕ
(урожденной ф.-Гельдерн)

I

Привык я жить, другим не угождая,
И неспособен гнуть покорно спину;
Предстань я королю и властелину —
И смело посмотрю ему в глаза я.

Но, мать, тебе признаюсь, дорогая:
Гордыня не приличествует сыну;
В твоей священной близости я стыну,
Смирение бывшее обретая.

Не твой ли дух с душой моей роднится,
Высокий дух, что в глубь вещей глядится
И к небесам на крыльях светлых мчится?

Не потому ли жизнь моя уныла,
Что скорбью сердце матери мрачила?
Родное сердце, то, что так любило!

II

В плену мечты, готов был мир попать я
И молодость провел с тобой в разлуке,
Искал любви, чтобы в любовной муке
Любовно заключить любовь в объятья.

Любви искал я всюду без изъятья,
И к каждой двери простирали руки,
Стучал, как нищий, — и на эти стучи
Вражда была ответом и проклятья.

Повсюду я любви искал, повсюду
Искал любви — но не свершиться чуду,
И я домой вернулся, одинокий.

И ты навстречу руки протянула,
И — ах! — слеза в глазах твоих блеснула —
Любовью долгожданной и высокой.

Г. III.

Едва твой труд успел открыться взору,
Как уж душа знакомыми объята
Картинами, которыми когда-то
Я любовался, в отрочества пору.

И вновь влекусь я мыслию к собору,
Что к небу взмыл торжественно и свято.
Повлю я звук органного раската
И внемлю томно-сладостному хору.

Я вижу, правда, как бесстыдно-грубо
Ничтожества святыню облепляют
И резьбу драгоценную ломают.

Но пусть глупцы листву срывают с дуба,
Пусть лучшего лишают украшенья, —
Придет весна, и с ней придет цветенье.

ФРЕСКО-СОНЕТЫ ХРИСТИАНУ З.

I

Я не клонюсь во прах пред пустотою
Кумиров, позолоченных извне;
Не жму руки, что льстиво тянет мне
Наглец, опасный тайной клеветой.

Я не пленюсь бесстыдною красою,
По сходной отдающейся цене;
И не пушусь я, с чернью наравне,
Вослед за колесницей золотою.

Мне ведомо, — и спорить я не стану, —
Что рухнет дуб, противясь урагану,
И устоит податливый тростник.

Но многого ли этим он достиг? —
В руках у франта тростью стал он, или
Орудьем выколачиванья пыли.

II

Дай маску мне, презренное обличье
Приму я, с тем, чтоб гнусная орава,
Носящая личины величаво,
Не мнила, что и я хочу величья.

Дай мне повадки грубые, мужичьи,
Я покажу открыто низость нрава,
Отвергну все, что ум дает и слава,
О чем мечтает пошлое приличье.

И так я в пляс пушусь на маскараде,
На зло князьям, монахам, паладинам,
Приветствуем одним лишь арлекином.

И пусть меня колотят. Шутки ради
Я все стерплю. Мне маску сбросить стоит, —
И этот сброд от страха тут же взвоет.

III

Смешон мне пошлый дурень, что открыто
Таращит на меня глаза бараньи;
Смешон и плут, что в тайном зложеланье
Спешит меня обнюхать деловито.

Смешон мне тот, чье имя знаменито
И кто вещает мысли обезьяньи;
Смешон злодей трусливый, в чьем молчанье
Оружие отравленное скрыто.

Пусть волей рокового самовластья
Погибло все, что нам сулило счастье,
Пусть отнята последняя утеха;

Пусть наше сердце, страстное когда-то,
Истерзано, исколото и смято, —
Он с нами, дар пронзительного смеха.

IV

Все думаю о сказочке одной,
В ту сказочку и песня вплетена,
И в песне той любимая, она,
Цветет и дышит дивною весной.

Сердечко есть у девушки у той,
Но вот, любовь сердечку не дана,

И глубь его надменностью полна,
И холодом, и гордостью пустой.

Мой друг, ты слышишь сказки старой звуки?
И как напев гудит сурово, властно?
Как девушка смеется жутко-жутко?

Боюсь, что лопнет мозг от тяжелой муки,
И — ах! — ведь это было бы ужасно —
Лишиться напоследок и рассудка.

V

В вечерний час, и тихий и печальный,
Ко мне слетают призраки бывшего,
И по щекам катятся слезы снова,
И тяжело душе многострадальной.

И словно в глади зеркала хрустальной,
Черты лица я вижу дорогого:
Сидит с иглой и не промолвит слова,
Овеянная тишью изначальной.

И вдруг встает со стула, и срезает
Чудесный локон из волнистой пряди,
И мне дает, — о, как я рад награде!

Но дьявол мне испортил всю забаву:
Из тех волос он свил канат на славу
И много лет на нем меня таскает.

VI

«В последний раз, когда мы повстречались,
Ты поцелуя не дала в залог», —
Так молвил я, и нежен был упрек,
И алые уста ко мне прижались.

И от цветов, что в вазе распускались,
Ты отделила миртовый росток:
«Возьми с собой, и посади в горшок,
И под стеклом держи». И мы расстались,

Давным-давно увял непрочный всход,
Ее давным-давно я не встречал,
Но поцелуй донине душу жжет.

И как-то вновь в то место повлекло
Меня. Всю ночь у дома я стоял
И прочь ушел, когда уж рассвело.

VII

Страшны, о друг мой, дьявольские рожи,
Но ангельские рожицы страшнее;
Я знал одну, в любовь играл я с нею,
Но коготки почувствовал на коже.

И кошки старые опасны тоже,
Но молодые, друг мой, много злее;
Одна из них — едва ль найдешь нежнее —
Мне сердце исцарапала до дрожи.

О рожица, как ты была смазлива!
Как мог в твоих я глазках ошибиться?
Возможно ли — когтями в сердце впитаться?

О лапка, лапка мягкая надиво!
Прижать бы мне к устам ее с любовью,
И пусть исходит сердце алой кровью!

VIII

Ты наблюдал, как я сражался с хором
Крикливых сов и пуделей ученых,
Бесстыдной клеветой вооруженных,
Вещавших мне о поражение скором.

Ты наблюдал педантов исступленных,
Шутов, хотевших взять меня измором,
Ты видел сердце пылкое, в котором
Клубок свивался гадов обозленных.

Но ты стоял, подобен башне прочной,
И маяком служил мне в час полночный,
И гаванью твое мне сердце было.

Пусть гавань та — вдали, за морем строгим,
И пусть дано войти в нее немногим,
Но, кто вошел, того она укрыла.

IX

О, как бы я рыдал, когда бы мог!
О, как бы к небу я хотел подняться!
Но нет, внизу я должен пресмыкаться,
Где свист и шип, где вьется змей клубок.

Хотел бы я лететь на огонек,
Вокруг любимой нежно увиваться,
Ее дыханьем сладким упиваться,
Но нет — увы! — я сердцем изнемог.

И чувствую, как кровь моя сочится
Из сердца, подгибаются колени,
И тьма кругом, и взор темнеет тоже.

И я влекусь, в какой-то тайной дрожи,
В обитель снов, где сумрачные тени
В объятии со мной готовы слиться.

ЛИРИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

ПРОЛОГ

Жил рыцарь на свете, угрюм, молчалив,
С лицом поблекшим и впалым;
Ходил он шатаясь, глаза опустив,
Мечтам предаваясь вялым.
Он был неловок, суров, нелюдим,
Цветы и красотки смеялись над ним,
Когда брел он шагом усталым.

Почасту он дома сидел в уголке,
Боясь любопытного взора.
Он руки тогда простирает в тоске,
Ни с кем не вел разговора.
Когда ж наступала ночная пора,
Там слышалось странное пенье, игра,
И у двери дрожали затворы.

И милая входит в его уголок
В одежде, как волны, пенной,
Цветет, горит, словно вся — цветок,
Сверкает покров драгоценный.
И золотом кудри спадают вдоль плеч,
И взоры блещут, и сладостна речь —
В объятьях рыцарь блаженный.

Рукою ее обвивает он,
Недвижный, теперь пламенеет;
И бледный сновидец от сна пробужден,

И робкое сердце смелеет.
Она, забавляясь лукавой игрой,
Тихонько покрыла его с головой
Покрывалом снега белее.

И рыцарь в подводном дворце голубом,
Он замкнут в волшебном круге.
Он смотрит на блеск и на пышность кругом
И слепнет в невольном испуге.
В руках его держит русалка своих,
Русалка — невеста, а рыцарь — жених,
На цитрах играют подруги.

Поют и играют; и множество пар
В неистовом танце кружатся,
И смертный объемлет рыцаря жар,
Спешит он к милой прижаться. —

Тут гаснет разом слепительный свет,
Сидит в одиночестве рыцарь-поэт
В каморке своей угрюмой.

1

Чудесным светлым майским днем,
Когда весь мир в цветенье,
В душе моей раскрылась
Любовь в одно мгновенье.

Чудесным светлым майским днем,
Под гул и птичек пенье
Поведал я любимой
О муке и томленье.

2

Из слез моих расцветает
Цветов душистый ковер,
И вздохи мои и стенанья —
Ночной соловьиный хор.

И если ты любишь, цветами
Тебя осыплю я,
И пусть под твоим окошком
Раздастся песнь соловья.

3

Голубка и роза, заря и лилея, —
Я прежде любил их, пылая и млея,
Теперь не люблю, и мила мне иная,
Иная, родная, моя неземная;
Ее одну я в сердце лелею,
Голубку и розу, зарю и лилею.

4

Когда гляжу тебе в глаза,
Стихает на сердце гроза;
Когда в уста тебя целую,
Душою верю в жизнь иную.

Когда склонюсь на грудь твою,
Не на земле я, а в раю.
Скажи «люблю» — и сам не знаю,
О чем я горько зарыдаю.

5

Твой образ кроткий, неземной
Во сне витает надо мной;
Как тихий ангел, ты нежна,
Но как бледна, — о, как бледна!

Лишь ярк пурпур губ твоих, —
Смерть зацелует вскоре их.
Погаснет райский ток лучей,
Что льется из святых очей.

6

Прильни щекою к моей щеке,
Мы слезы сольем воедино!
И сердцем к сердцу прижмись тесней —
Единым огнем изойти нам!

И в миг, когда слезы единой струей
Вольются в пламень огромный,
Я, крепко тебя охватив рукой,
Умру от тоски истомной.

7

Я в чашу лилии белой
Всю душу свою волью,
Чтоб песенка прозвенела
Про милую мою.

И будет песня крылата,
И трепетна, и нежна,
Как тот поцелуй, что когда-то
Подарила, ласкаясь, она.

8

Недвижны в небе звезды;
Века, века подряд
С любовью друг на друга,
С тоской они глядят.

И речь ведут чудесным,
Богатым языком,
Тем самым, что и лучшим
Филологам незнаком.

Но мне их речь понятна,
Ее я быстро постиг:
Грамматикой был мне
Моей возлюбленной лик.

9

Умчу тебя, дорогая,
На крыльях песни моей
Туда, где Ганг, сверкая,
Струится средь полей.

Там сад я знаю в цветенье
Под тихую луной,
Там лотосы ждут в нетерпенье
Желанной встречи с сестрой.

Фиалки, смешливым кругом
Сомкнувшись, в небо глядят,
И розы тайком друг с другом
О дивах ночных говорят.

Приходят слушать газели,
Умны, проворны, легки,
И, слышно, шумят еле-еле
Струи священной реки.

Туда бы нам обоим,
Под пальмы, в густую траву —
Любовью дышать и покоем
И грезить наяву.

10

Нимфея стан свой клонит
Над лоном сонных вод,
От солнца прячется робко
И ночи мечтательно ждет.

Нимфею будит месяц,
Он в сердце ее проник;
Ему открыть она рада
Свой скромный, девственный лик.

Цветя, дрожа, пылая,
Глядит на небо она,
И плачет, и благоухает,
Любовной тоски полна.

11

В волнах прекрасных Рейна,
Как в зеркале, видит взор
Венец чудесный Кельна —
Великий, дивный собор.

Есть образ в том соборе
На золототканной парче;
В пустынном жизненном море
Приветно сиял он мне.

Вокруг Мадонны — цветочки,
Крылатый рой детей...
Глаза, и губы, и щеки —
Совсем как у милой моей.

12

Не любишь ты, не любишь ты,
Но я и не горюю —
Увижу милые черты
И вновь, как царь, ликую.

В тебе лишь ненависть — твердит
Твой ротик нежноалый;
Пусть он лобзаньем подарит —
Утешусь я, пожалуй.

13

Целуй меня и не клянись,
Мне клятвы дорого дались!
И как ни сладок слова звук,
Лобзанье слаще, милый друг!
Пускай к устам прильнут уста,
А слово — тлен и пустота.

* * *

Клянись, любимая моя,
Готов поверить слову я!
Тебя я крепко обниму —
Я верю счастью своему,
Я верю верности твоей
На век и много, много дней.

14

На глазки возлюбленной моей
Создал я чудо-канцоны;
На ротик, что так хорош у ней,
Создал живые терцины;

Г. ГЕЙНЕ

С офорта Л.-Э. Гримма 1827 года.

На щечки, что свежих роз свежей,
Создал роскошные стансы.
Как жаль, что у милой сердечка нет, —
Не то я славный сложил бы сонет.

15

Свет близорук, свет недалек,
И с каждым днем пошлее!
Представь, прелестный мой дружок:
Бранить твой характер он смеет!

Свет близорук, свет недалек!
Он глупо тебя отвергает:
Что твой поцелуй так блаженно-глубок,
Так сладостно-жгуч, — он не знает!

16

Дорогая, что же это:
Не пустой ли призрак ты,
Что возник в мозгу поэта
В пору летней духоты?

Нет! Такой улыбки чистой,
Глаз, такой струящих свет,
Красоты такой лучистой
Не придумает поэт.

Василисков, скорпионов
И вампиров злую рать —
Этих сказочных драконов
Он способен воссоздать.

Но таких, лицом красивых
И душой коварных, — нет! —
Глаз таких, блаженно-лживых,
Не придумает поэт.

17

Как из пены воссиявшая,
Лучезарной красотой
Ты блистаешь, ныне ставшая
Не моею, а чужой.

Сердце, мукою томимое,
Об измене не грусти,
Будь покорно и любимую,
Неразумную прости.

18

Я не рошщу — пусть сердце и в огне:
Навек погибшая, роптать — не мне!
Как ни сияй в алмазах для очей,
А ни луча во мгле души твоей.

Я это знал: ведь ты же снилась мне!
Я видел ночь души твоей на дне,
Я видел змей в груди твоей больной,
Я видел, как несчастна ты, друг мой.

19

Да, ты несчастна, — и мой гнев угас.
Мой друг, обоим нам судьба — страдать.
Пока больное сердце бьется в нас,
Мой друг, обоим нам судьба — страдать.

Пусть явный вызов на устах твоих,
И взор горит, насмешки не тая.
Пусть гордо грудь трепещет в этот миг,
Ты все несчастна, как несчастен я:

Улыбка — горем озарится вдруг;
Огонь очей — слеза зальет опять;

В груди надменной — язва тайных мук...
Мой друг, обоим нам судьба — страдать.

20

Ликуют флейты и скрипки,
И вторят волторны им;
Любимая в пляске зыбкой
Кружится, венчаясь с другим.

Раздолье нынче тромбонам,
Литаврам звонким простор;
И тут же плачем и стоном
Исходит ангелов хор.

21

Вконец, вконец тобой забыто,
Что сердце твое было мне открыто,
Что, нежным и лживым, я им обладал
И что нежнее и лживей не знал.

Забыла ты о любви и печали,
Что грудь мою непрестанно сжимали.
Была ли любовь огромней тоски?
Не знаю — но обе были велики.

22

Когда б цветы узнали,
Как ранено сердце мое,
Со мной они плакать бы стали,
Шепча утешенье свое.

Узнай соловьи, как мне трудно,
Какой я болью томим, —
О, как утешили б чудно
Они меня пеньем своим!

Узнай мое злосчастье
Звезды в небесной дали, —
Они со слезами участья
Ко мне б радушно сошли.

Узнать мое горе им трудно,
И знает его лишь одна:
Мне сердце так безрассудно
Сама ж и разбила она.

23

Почему так бледны на вид
Розы, скажи, мой друг?
Почему фиалка таит
Во взоре немой испуг?

Почему, в облаках пропав,
Так скорбно звенят стрижи?
Почему в аромате трав
Тлен и смерть, о друг мой, скажи?

Почему под солнцем поля
Угрюмы и холодны?
Почему так пустынна земля
И могильные реют сны?

Почему так печален я,
Изнемог и брожу, больной?
О, скажи, дорогая моя,
Почему я покинут тобой?

24

Они наплели немало
Тебе и вкривь и вкось;
О том, что мне душу терзало,
Им все ж умолчать пришлось.

Они головой качали,
Мои разбирая черты,
И «злым» меня назвали, —
Всему поверила ты.

А худшего, к тому же,
Никто из них и не знал:
Что было глупей и хуже
Всего, — то в груди я скрывал.

25

Пел соловей, и липа цвела,
Приветно смеялось светило дня;
И ты с поцелуем меня привлекла
К себе на грудь, обняла меня.

Угрюмо туманился солнечный лик,
Листы опадали, под хрип ворон;
И холоден был расставанья миг,
И ты мне отвесила светский поклон.

26

Хоть чувство друг к другу бывало у нас,
Отлично все-таки мы уживались,
В жену и мужа играли не раз
И никогда при этом не дрались.
Делили дружно веселье, и смех,
И радости любовных утех;
В конце концов, по-детски резвясь,
Мы прятки затеяли в лесу и в поле,
И так нам игра по вкусу пришлась,
Что мы не сыскали друг друга боле.

27

Была ты из самых верных,
Всегда за меня стояла,

Утехой мне бывала
В моих невзгодах безмерных.

Взаймы мне давала помногу,
Поила и кормила,
Бельем бескорыстно снабдила
И паспортом на дорогу.

Храни тебя бог, мое счастье,
От засухи, от замерзанья, —
Не дай лишь тебе воздаянья
За это ко мне участие!

28

Так долго стужа нас томила,
Но май явился adorable, *
И все довольны, смеются мило, —
А я смеяться отнюдь не capable. **

Цветут цветы, ликуют хоры,
Болтают птицы — совсем как в fable, ***
Но скука — птичьи разговоры,
Все это крайне misérable. ****

И люди зря лишь меня волнуют,
И даже друг, вообще passable: *****
Все дело в том, что «madame» именуют
Любовь мою, что так aimable. *****

29

И вот, пока я зевал да зевал,
Мечтал и в чужих краях проживал,

* чудесный
** способен
*** в басне
**** жалко
***** сносный
***** любезна

Ей срок показался длинноват,
Она себе сшила венчальный наряд
И нежности отдала излишек
Глупейшему из глупых мальчишек.

Любимая так хороша и нежна,
Доныне в мечтах со мною она;
Фиалки глазок и розы щек
Цветут и пылают — любви залог.
Что я от нее отступился заране —
Глупее всех глупых моих начинаний.

30

Фиалки синих-синих глаз,
И розы щек ее, как атлас,
И лилии рук и посейчас
Цветут, но сердце — вот оно
Увяло, высохло давно.

31

Прекрасна земля, как сапфир небеса,
И овеяны ласковым ветром леса,
И мелькают всюду цветов глаза,
И искрится поутру роса,
И веселы людей голоса,
И все-таки брежу я могилой —
Лежать бы, обнявшись с моею милой.

32

Когда в гробу, любовь моя,
Лежать ты будешь безмолвно,
Сойду к тебе в могилу я,
Прижмусь к тебе любовно.

К недвижной, бледной, к ледяной
Прильну всей силой своею!
От страсти трепещу неземной,
И плачу, и сам мертвею.

Встают мертвецы на полночный зов,
Несутся в пляске, ликуя,
А нас могильный укрыл покров,
В объятьях твоих лежу я.

Встают мертвецы на последний суд,
На казнь и мзду по заслугам,
А нам с тобой хорошо и тут,
Лежим, обнявшись друг с другом.

33

На севере кедр одиноко
На голой вершине растет.
Он спит; одеялом белым
Укрыл его снег и лед.

Он видит сон о пальме,
Что в дальней восточной земле
Грустит одиноко и молча
На раскаленной скале.

34

(Голова говорит:)

Когда б скамеечкой простой
У ног возлюбленной мне быть!
Пускай давила бы пятой,
К чему скорбеть и слезы лить!

(Сердце говорит:)

Когда б подушечкой простой
Мне для ее иголок быть!

Пускай колола бы иглой —
Укол так сладко ощутить!

(Песенка говорит:)

Простой бумажкой быть бы мне
На папилютки для нее!
Шепнуть бы милой в тишине,
Чем сердце полнится мое.

35

Разлучен я с милой был, —
С той поры и смех забыл;
И меня плохой остряк
Насмешить не мог никак.

Лишь ее я потерял, —
И слезам отставку дал;
В сердце — горе, в сердце — мрак, —
Не заплакать мне никак.

36

Из муки моей нестерпимой
Рождается песенок стая.
Они, со звоном взлетая,
Несутся к сердцу любимой.

И стаю легкокрылой
Ко мне возвращаются снова,
И горько скорбят, и ни слова
О том, что в сердце у милой.

37

Филистеры в полном параде
Гуляют нынче в лесу,

Резвятся, праздника ради,
И славят природу всюю.

Прищурясь, они наблюдают,
Как все романтично вокруг;
Их длинные уши впивают
Без устали каждый звук.

А я свои окна черным
Завесил от света дня;
Они, мои тени, упорно
И днем посещают меня.

Любовь моя, встав из гроба,
Ко мне является в дом,
Садится со мной, и оба
Мы горькие слезы льем.

38

Виденья времен забытых
Встают из своих могил,
И вот я снова вижу,
Как близ тебя я жил.

Задумчив и нем я шатался,
Бродил по улицам всем,
И мне удивлялись люди —
Я был уныл и нем.

Ночью мне было легче, —
В дома уходил народ,
Вдвоем со своею тенью
Бродил я ночь напролет.

И звонко звучащим шагом
На темный мост я входил,
И месяц с приветом строгим
Меж туч разорванных плыл.

39

Девушку юноша любит,
А ей по сердцу другой,
Другой полюбил другую,
И та ему стала женой.

И девушка тут же, с досады,
Идет, невпопад и невпрок,
За первого встречного замуж,
А юноша — одинок.

Все это старо бесконечно,
И вечно ново для нас,
И тот, с кем оно приключится,
Навеки сердцем угас.

40

Едва услышу снова
Ту песню, что пела ты,
Как сердце порваться готово
От боли и пустоты.

Туда, где лес на склонах,
Туда меня влечет;
Там скорбь в слезах и столах,
Я знаю, изойдет.

41

Мне снилась она, королевская дочь,
В глазах слезинки блестели;
Мы с нею под липою, в темную ночь,
Обнявшись нежно, сидели.

«На что мне трон твоего отца,
Держава его золотая,

Алмазного не хочу я венца,
Тебя хочу, дорогая». —

«Нельзя, в могиле я лежу», —
Ответ раздался унылый, —
«И только ночью выхожу —
С тобой увидеться, милый».

42

Обнявшись дружно, сидели
С тобою мы в легком челне;
Плыли мы к неведомой цели
По морю при тусклой луне.

И виден, как сквозь покрывало,
Был остров таинственный нам,
Светилось все, и звучало,
И весело двигалось там.

И так нас к себе несдержимо
Звало и манило вдали,
А мы, безутешные, мимо
По темному морю плыли.

43

Из старых сказок, мнится,
Кивает мне рукой,
Поет, звенит и снится
Волшебною страной,

Где все растенья юга,
Под золотым лучом,
Взирают друг на друга
На празднестве дневном,

Где говорят деревья
И правят дружный хор,

Где всех ручьев кочевье —
Как струнный перебор,

Где вольной страсти пенье,
Как никогда, звенит.
Где страстных чувств смятенье
В душе твоей горит!

Ах, если б мог туда я
Уйти, чтоб сердцем жить
И, муки забывая,
Блаженно-вольным быть!

Увы! Все страны эти,
Что снятся мне порой,
Уходят на рассвете.
Как пены снег пустой.

44

Тебя я люблю и всегда любил!
И пусть вселенная рухнет, —
Сквозь груды развалин любовный мой пыл
Прорвется — и не потухнет.

45

Сияющим летним утром
Один брожу я в саду.
Вослед что-то шепчут цветочки,
Но молча я мимо иду.

Вослед что-то шепчут цветочки,
Участливо смотрят вслед:
«Не сетуй на нашу сестрицу,
Печальный, бледный поэт».

46

Любовь моя сумрачным светом
Сияет во мгле — точь в точь
Как грустная сказка, что летом
Рассказана в душную ночь.

«В саду зачарованном двое —
Молчат о своей любви;
Мерцает небо ночное,
Поют в кустах соловьи.

Пред дамой, как на картине,
Колени рыцарь склонил.
Приходит гигант пустыни —
И в бегство ее обратил.

А рыцарь раненый стонет,
Гигант ковыляет домой»...
Когда меня похоронят,
Конец и сказке самой.

47

Они меня истерзали
И сделали смерти бледней:
Одни — своею любовью,
Другие — враждою своей.

Они мне мой хлеб отравили,
Давали яда с водой:
Одни — своею любовью,
Другие — своей враждой.

Но та, о которой всех больше
Душа и доселе больна,
Мне зла никогда не желала
И меня не любила она.

48

На щечках у любимой
Пылает вешний зной,
А в маленьком сердечке
Мороз царит ледяной.

Настанет, дорогая,
Черед поре иной:
Зима подморозит щечки,
А в сердце повеет весной.

49

Когда расстаются двое,
То руку друг другу жмут,
Вздыхают бесконечно
И слезы горькие льют.

А мы — мы не вздыхали,
Не лили напрасных слез:
Вздыхать и горько плакать
Нам задним числом довелось.

50

О страсти беседует чинно
За чаем целый синклит:
Эстетиком — каждый мужчина
И ангелом дама глядит.

Советник скелетоподобный
Душой парит в облаках,
Смешок у советницы злобный
Прикрылся сочувственным «ах!»

Сам пастор мирится с любовью,
Не грубой, конечно, «затем,

Что вредны порывы здоровью.
Девушка лепечет: «Но чем?»

«Для женщины чувство — святыня. —
Хотите вы чаю, барон?»
Мечтательно смотрит графиня
На белый баронский пластрон.

Досадно — малютке при этом
Моей говорить не пришлось:
Она изучала с поэтом
Довольно подробно вопрос...

51

Мои отравлены песни —
И кто же тому виной?
Ты жизни цвет напоила
Отравой своею сплошной.

Мои отравлены песни —
И кто же тому виной?
Немало змей в моем сердце,
И милая там, со мной.

52

Мне сон старинный приснился опять:
Под липой сидели мы оба
Ночною порой и клялись соблюдать
Друг другу верность до гроба.

Что было тут! Клятва за клятвою вновь,
И ласки, и смех! Что тут было!
Чтоб вечно я помнил твою любовь,
Ты в руку меня укусила.

О милая, с ясным сияньем очей,
С опасною прелестью взгляда,
Я знаю, что клятвы в порядке вещей,
Но вот кусаться — не надо!

53

Я нынче сентиментален,
Смотрю с вершины горы.
«Когда бы быть мне птичкой!» —
Твержу от поры до поры.

Будь ласточкой я, порхнул бы
К тебе я, любовь моя,
И свил бы гнездышко тут же,
Под окнами у тебя.

Будь я соловьем, порхнул бы
К тебе я, любовь моя;
На липе сидя зеленой,
Всю ночь тебе пел бы я.

Будь я глупышом, порхнул бы
Я тут же к тебе на грудь;
Ведь ты к глупышам благосклонна,
А в этом, друг мой, вся суть.

54

Я тихо еду лесом,
Коляска везет меня
Веселой долиной, волшебю
Цветущей в блеске дня.

Сижу, люблюсь и грежу,
Мечту о милой таю.
Вдруг вижу — три тени мелькают,
Кивая в коляску мою.

И скачут, и строят гримасы,
С насмешкой робкой глядят,
Свиваются в дымку тумана,
Хохочут, и в чашу летят.

55

Во сне я горько плакал:
Мне снилось, тебя погребли,
И я проснулся в страхе,
И все еще слезы текли.

Во сне я горько плакал:
Мне снилось, забыт я тобой,
И я проснулся и долго
Рыдал над своею судьбой.

Во сне я горько плакал:
Мне снилось, мы вновь вдвоем,
И я проснулся, и слезы
Доныне льются ручьем.

56

Что ночь, я вижу тебя во сне,
Улыбка твоя, как живая,
И сладко, в рыданиях, броситься мне
К ногам твоим, дорогая.

Но горестно смотришь ты в этот час,
Качаешь грустно кудрями,
И крупные слезы из милых глаз
Струятся жемчугами.

Ты шепчешь слово, даешь в ответ
Мне ветвь кипариса, — и снова
Я просыпаюсь — и ветки нет,
И я не припомню слова.

57

На улице ветрено, жутко,
И дождь, и осень, и мгла;
Где нынче моя малютка
Укрылась, приют нашла?

Сидит у окна одиноко,
Не в силах слез превозмочь,
Сидит и в тоске глубокой
Глядится в сырую ночь.

58

Качает ветер деревья
Во мраке ночи сыром;
Закутанный в плащ свой серый,
Еду в лесу я верхом.

Я быстро еду, но мысли
Мчатся вперед быстрее;
Меня так легко, воздушно
Они уносят к ней.

Собаки лают, и слуги
С огнем выбегают на двор;
По лестнице знакомой
Лечу с бряцаньем шпор.

Светло в покое ковровом,
И веет душистым теплом;
Там ждет меня дорогая, —
И вот мы с нею вдвоем...

Шумят беспокойные листья,
И шепчет дуб седой:
«Ну что ты, всадник безумный,
С безумной своей мечтой?»

59

Звезда упала в бездну
С лучистых горных высот!
Звезду любви узнал я, —
Она уж не взойдет.

Вот с яблони цвет спадает,
И крутится листьев рой;
Их гонят дразнящие вихри
И тешатся этой игрой.

Кружа в заливе, лебедь
Тоскливо песнь поет;
Поет все тише, тише —
И тонет в глуби вод.

О, как темно и тихо!
Распалась в прах звезда,
Развеяны ветром листья,
И лебедь умолк навсегда.

60

Гигантский снился мне чертог,
Дурманы чар, и света переливы,
И бурный человеческий поток,
И лабиринта темные извивы.
Все к выходу стремятся на порог,
И всюду вопли, стоны и призывы.
И рыцари и дамы в дикой дрожи
Бегут — и сам вослед бегу я тоже.

И вдруг один стою я, и растет
Тревога — нет толпы уж многоликой,
Один стремлюсь я дальше, все вперед,
Покоями, запутанными дико.
В ногах свинец, и душу страх гнетет,
И не издать в отчаянии крика,

И вдруг достиг я двери выходной;
Туда! — Но, боже, кто передо мной?

Она, она предстала на пути!
Уста скорбят, чело туманней ночи.
Рукой она дает мне знак уйти;
Не знаю, гнев иль милость то пророчит,
Но грудь готова счастьем изойти —
Так сладостно ее пылают очи.
Взглянула так сурово на меня,
Любовно так — и вмиг проснулся я.

61

Холодной полночью глухой
Бродил я в лесу, со своей тоской;
Деревья тряс, чтоб они не спали, —
Они с состраданьем ветвями качали.

62

Самоубийц хоронят
В скрещенье двух дорог;
Цветок растет там синий,
Тоски предсмертной цветок.

В скрещенье дорог стоял я,
Безмолвен и одинок.
В сиянье лунном качался
Тоски предсмертной цветок.

63

Путь мой мгла ночная метит,
Сумрак стелется вокруг,
С той поры, как мне не светит
Свет очей твоих, мой друг.

Золотые, закатились
Звезды прелести живой,
Бездны темные раскрылись —
Ночь, прими меня, я твой!

64

Мне мгла сомкнула очи,
Свинец уста сковал,
Застыв и цепenea,
В могиле я лежал.

Не помню, долог был ли
Мой мертвый сон, но вдруг
Проснулся я и слышу
Над гробом чей-то стук.

«Быть может, встанешь, Генрих?
Зажегся вечный день,
И мертвых осенила
Услады вечной сень».

Любимая, не встать мне,
Я слеп и до сих пор:
От слез неуголимых
Вконец померк мой взор.

«Я поцелую, Генрих,
Покров сниму с очей;
Ты ангелов увидишь
В сиянии лучей».

Любимая, не встать мне,
Доныне кровь струей
Течет еще из сердца,
Что ранено тобой.

«Тебе я руку, Генрих,
На сердце положу,

И мигом кровь уймется,
Я боль заворюжу.

Любимая, не встать мне,
Висок сочится мой,
Его ведь прострелил я
В тот день, как расстался с тобой.

«Я локонами, Генрих,
Прикрою твой висок,
Чтоб кровь не пла из раны,
Чтоб ты приподняться мог».

И голос был так нежен —
Лежать не стало сил:
Мне к милой захотелось,
И встать я поспешил.

И тут разверзлись раны,
И хлынула струя
Кровавая из сердца,
И — вот! — проснулся я.

65

Былые злые песни
Про темную судьбу
Давайте похороним
В большом-большом гробу.

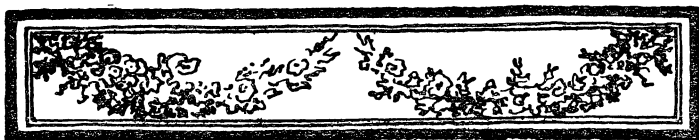
Я кое-что намерен
Еще в тот гроб сложить —
Так бочки гейдельбергской
Он больше должен быть.

Давайте и колесницу —
Тот гроб везти на ней,
И так, чтоб Майнцкого моста
Была она длинней.

Двенадцать великанов
Пусть явятся на сбор,
Сильнее каждый, чем в Кельне
Блаженный Христофор.

И пусть они гроб опустят
В море, до самого дна;
По гробу и могила
Огромной быть должна.

К чему такой огромный
Мне гроб? Теперь скажу:
Туда уж и любовь я
И боль свою сложу.

ОПЯТЬ НА РОДИНЕ

1

В жизнь мою, где мрак повсюду,
Образ нежный просиял.
Но затмился образ нежный,
Мрак меня опять объял.

Если детям придется
В темноте одним сидеть,
Дети, чтобы страх развеять,
Начинают громко петь.

Так и я, ребенок глупый,
Песней побеждаю тьму.
Если и нескладны песни —
Мне не страшно одному.

2

Не знаю, что за причина,
Что так печален я;
Все той же сказкой старинной
Полна душа моя.

Прохладен воздух; темнеет;
И плавлен Рейн и тих;
Вершина горы алеет
В вечерних лучах огневых.

И там, красой блистая,
Чудесная дева сидит;

Корона горит золотая,
И золото кос горит.

Золотой их чешет гребенкой
И песню поет она,
И вкрадчиво-нежной и звонкой
Мелодией песня полна.

Те звуки внезапной бедою
В беднягу-гребца впились;
Не видит он скал под водою,
Он смотрит только ввысь.

Всё выше волны, всё злее,
Погибнут и челн и гребец;
От пения Лорелеи
Такой настал конец.

3

Печально, печально сердце,
Но весело блещет май.
Я стал, прислонившись к липе,
На вал, на самый край.

Внизу — с водою синей
Обводный ров городской;
Мальчишка удит из лодки,
Насвистывает порой.

А там веселой картиной
Мелькают, пестреют вокруг
И дачи с садами, и люди,
И лес, и быки, и луг.

Белье служанки белят
И прыгают на лужке.
Алмазная пыль и жужжанье —
У мельницы на реке.

У старой серой башни
Внизу в караульню вход,
Там парень в красной куртке
Шагает взад и вперед.

Ружьем своим играет,
На солнце оно блестит,
То вскидывает, то целит —
Ах, если б я был — убит!

4

Брожу в лесу, рыдая,
Вот вижу вверху дрозда;
Он прыгает, напевая:
«Какая с тобой беда?» —

«Касатки, твои сестрицы,
Расскажут тебе обо всем,
Затейливых гнезд жилицы
У милой под окном».

5

Сырая, бурная полночь,
Беззвезден небосклон;
В лесу, меж деревьев шумных,
В молчанье я погружен.

В охотничьей избушке
Сияет издали свет.
Но он манит напрасно, —
Там радости вовсе нет.

Слепая бабушка, молча
В просторное кресло сев,
Так жутко и тупо смотрит,
Как будто окаменев.

Лесничего сын, ругаясь,
Расхаживает тяжело,
Бросает на гвоздь винтовку,
Хохочет грубо и зло.

Красавица-пряха плачет,
И влажен лен от слез;
К ногам ее с тихим визгом
Жметя. отцовский пес.

6

Когда мне в пути случайно
Повстречалась любимой семья —
Сестренка, отец и мамаша, —
Был очень обласкан я.

Спрссили, как поживаю,
Заметив с своей стороны:
«Вы мало изменились
И только чуть-чуть бледны».

И я расспросил их — о тетках,
О нудных гостях заодно,
И о щеночке вспомнил,
Что лаял так смешно.

О милой, вышедшей замуж,
Попутно речь зашла;
И мне любезно сказали:
«Как раз на днях родила».

И я любезно поздравил,
Пролепетав в ответ,
Что тысячу раз — сердечный
Прошу передать привет.

Сестренка проговорила:
«Вы спрашивали о щенке:

Он вырос и взбесился,
Его утопили в реке».

Дитя на сестру похожа:
И тот же смех у нее,
И те же самые глазки,
В которых несчастье мое.

7

Присев у рыбацкого дома,
Смотрели мы на прибой;
Вставал и ввысь подымался
Вечерний туман седой.

На маяке прибрежном
Огни понемногу зажгли,
И нам корабль открылся
Еще один вдали.

Вели мы беседу о бурях,
О том, как моряк живет,
Носясь меж водой и небом,
Среди надежд и забот;

Об отдаленных землях,
И южных и иных,
О разных странных народах
И странных нравах их.

На Ганге светло, благовонно,
Деревья-гиганты цветут,
Красивые, стройные люди
Пред лотосом гимны поют.

В Лапландии грязные люди,
Чудной, большерожий народ;
С галденъем и с визгом рыбу
На корточках каждый печет.

Девушки слушали молча;
К концу беседа пришла;
Корабль уж был невидим,
Его закрыла мгла.

8

Красавица-рыбачка,
Спеши с челном своим;
Иди, посиди со мною,
Дай руку, поговорим.

Прильни головкой к сердцу,
Оставь напрасный страх;
Ведь как ни буйно море —
Бесстрашна ты на волнах.

А сердце мое — что море:
Нахлынет, отхлынет, вскипит,
И драгоценный жемчуг
На дне его лежит.

9

Луна над облаками,
И волны озарены;
Я к милой прильнул устами,
И наши сердца полны.

Прелестное создание
У моря со мной лежит.
«То ветра гудят завыванья,
Что ж белая ручка дрожит?» —

«Не ветра гудят завыванья,
То пенье русалок на дне:
Сестер моих взыванья,
Погибших в глубине».

10

Натягивает вихрь штаны,
Штаны свои водяные,
И хлещет спину каждой волны —
Те воют, ревут, как шальные!

Из темной выси во всю мочь
Потопом ливень льется;
Как будто ждет старуха-ночь,
Что море захлебнется.

Там, на мачте, чайка хрипло визжит
И с мачты слететь не хочет,
И крыльями машет, и весь ее вид
Несчастье нам пророчит.

11

Буря играет танец,
Свистит и гудит она;
Ого, как подпрыгнул кораблик!
Ночь весела и шумна.

Гряда холмов живая
Из буйного моря встает;
Здесь черной бездны зиянье,
Там белой громады взлет.

Ругательства, рвота, молитвы
Доносятся всё слышней;
Я крепко держусь за мачту,
Мечтая: домой бы скорей!

12

Вечернее зарево блещет,
Туман над зыбью вод.

Прибой таинственно плещет.
Белея, что-то встает.

Морская выходит фея,
На берег садится со мной;
Вздымаются груди, белея,
Под тонкою пеленой.

Целуя и обнимая,
Так сильно, так больно жмет.
«Ты душишь меня, сжимая,
Прекрасная фея вод!» —

«Тебя в объятьях душú я,
Сжимаю, что есть сил:
Согреться с тобой хочу я —
Вечерний воздух остыл».

Над тучами все бледнее
Луна сиянье льет.
«Твой взор все мутней и влажнее,
Прекрасная фея вод!» —

«Мой взор не мутней, не влажнее,
Он мутен и влажен всегда.
С тех пор как была на дне я,
В глазах осталась вода».

Охрипли чайки от крика,
Бушует море, ревет.
«Твое сердце шумно и дико,
Прекрасная фея вод!» —

«И шумно сердце и дико,
Его не остановлю,
Затем что любовью великой
Тебя, человек, люблю!»

13

Под окнами твоими
Пройти случится ль мне, —
Я рад, если ты, малютка,
Покажешься в окне.

Твоих темнокарих глазок
Мне вслед огонек блеснет.
«Кто ты и что с тобою,
Незнакомый, больной пешеход?» —

«Я — поэт немецкий,
Известный в немецкой стране.
Где вспомнят о лучших людях,
Там вспомнят и обо мне.

А что со мной, малютка, —
То у многих немецких людей.
Где вспомнят о худших напастях,
Там вспомнят и о моей».

14

Морская ширь издалека
В лучах заката рдела;
У дальнего домика рыбака
Ты молча со мной сидела.

Вставал туман, росла волна,
Тревожно чайка носилась;
Из глаз твоих, любви полна,
Слеза за слезой катилась.

Я видел их на твоей руке,
У ног твоих сидя милых.
Я, к белоснежной твоей руке
Припав губами, пил их.

В жару всё тело с этого дня,
Душа от тоски изныла; —
Несчастливая женщина меня
Слезами отравила.

15

На той горе высокой
Красуется замок большой,
Живут там три девицы,
И у каждой — любовь со мной.

В субботу ласкала Иетта,
В воскресенье — Юлия,
В понедельник в руках Кунигунды
Едва не задохся я.

А во вторник мои девицы
Назвали гостей полон дом;
Съезжались соседи, соседки
В каретах и верхом.

Меня вы не пригласили,
И это был промах ваш!
Он вызвал смехок ехидный
У многих старых мамаш.

16

На дальнем горизонте,
Как марево, предо мной
С высокими башнями город,
Окутан вечерней мглой.

Курчавит влажный ветер
Огромный водоем,
Унылы и мерны взмахи
Гребца в челне моем.

Вот солнца луч последний
Над берегом просиял
И показал мне место,
Где счастье я потерял.

17

Привет тебе, огромный
Таинственный город мой!
В своей утробе темной
Хранил ты милой покой.

Что ж, башни, что, ворота?
Где милую я найду?
Я вам ее доверил,
От вас и отчета жду.

Но башни не виноваты,
Они не могли помочь,
Когда с сундучками, с тючками
Она удирала прочь.

А вы, ворота, открылись
При бегстве ее без преград:
Где женщина захочет —
Открыться всякий рад.

18

Бреду опять по тому же пути,
По улицам знакомым;
Я вновь перед домом милой моей,
Пустым, покинутым домом.

Как узки улицы — силы нет!
Несносна мостовая!
Мне падают на голову дома!
Бегу, едва посцевая.

19

Вернулся я под своды,
Где клятвы ее звучали;
Где слезы упали в те годы,
Там змеи теперь выползали.

20

Ночь. Тишина. Улицы стынут.
Вот дом, где жила моя любовь.
Уже давно он ею покинут,
Но дом я все там же вижу вновь.

Там кто-то стоит и руки ломает,
И подняты кверху глаза его.
Мне жутко; месяц его озаряет —
Я вижу в нем себя самого.

О мой двойник! Мой товарищ странный!
Не передразнивай муки моей,
Которой томился я непрестанно
На этом месте столько ночей!

21

Как можешь ты спать спокойно
И знать, что я живу?
Бывалый гнев вернется —
И цепи я порву.

Ты помнишь старую песню,
Как мертвый паренек
Возлюбленную в полночь
С собой в могилу увлек?

О дивный мой, о прекрасный
Мой друг, я клясться готов:

Я жив, и я сильнее
Всех в мире мертвецов!

22

Спит девушка в светелке,
Сияет луна со двора,
И слышны звуки вальса,
И пение, и игра.

«Дай выгляну в окошко —
Кто спать мне не дает?»
А там скелет со скрипкой
Пиликает и поет.

«Ты танец мне обещала,
Он до сих пор за тобой,
На кладбище бал сегодня,
Иди, танцуй со мной!»

И девушку что-то манит
И гонит пойти скорей.
Идет — и скелет со скрипкой
Шагает, поет перед ней;

Пиликает, пляшет, скачет,
Костями своими стучит,
И в такт ему в лунном свете
Так жутко череп дрожит.

23

Стоял я в неясных грезах,
Смотрел на ее портрет.
Вдруг вижу — лик любимый
Тайною жизнью согрет.

Чудесная улыбка
Играет на губах,

И словно слезы грусти
Заискрились на глазах.

И сам я тоже заплакал,
Мечтая и скорбя,
И всё не мог поверить,
Что потерял тебя.

24

Атлант я горемычный! Целый мир,
Моих страданий мир, носить я должен!
Ношу невыносимое, и сердце
Готово разорваться.

Так, сердце гордое, хотело ты:
Счастливым быть, но быть вполне счастливым,
Или вполне несчастным; час настал,
И ты теперь несчастно.

25

Идут, проходят годы,
Умирает за родом род,
И только любовь вовеки
Из сердца не уйдет.

Лишь раз бы тебя увидеть,
И пасть к твоим ногам,
И умирая крикнуть:
«Я вас люблю, madame!»

26

Мне снилось: был грустен луны восход,
И грустно звезды светили.
Я к городу мчусь, где она живет,
Далеко, за многие мили.

И вот домчался, вот ее дом,
Ступени стал целовать я,
Которых касалась она башмачком,
Касалась краем платья.

А ночь длинна, а ночь холодна,
И холодны ступени,
И видно в лунном луче из окна
Мельканье бледной тени.

27

Что ей, слезе одинокой?
Зачем ей мутить мой взор?
В глазах моих осталась
Она от давних пор.

Сестер ее светозарных
Давно развеялся рой
С мученьем моим и счастьем
В ветрах, ночью порой.

Развеялись, как туманы,
Лазурных звезд огни,
Мученье мое и счастье
Свевавшие мне в те дни.

Увы, любовь моя тоже
Развеялась без следа!
Слезы одинокой капля,
Развейся и ты навсегда!

28

Сквозит осенний месяц
Из тучи бледным лучом.
У кладбища одиноко
Стоит пасторский дом.

Мать Библию читает,
Сын тупо на свечку глядит,
Зевается дочери старшей,
А младшая говорит:

«О боже, какая скука!
Не видишь здесь ничего.
Одно у нас развлечение, —
Когда хоронят кого».

Читая, мать отвечает:
«Да что, лишь четвертый мертвец
К нам прибыл, с тех пор как в могилу
Зарыт у церкви отец».

Зевает старшая: «С вами
Я здесь голодать не хочу.
Я завтра же к графу отправлюсь,
К влюбленному богачу».

Хохочет сын во все горло:
«Охотники здесь у нас
Умеют золото делать,
Научат меня хоть сейчас».

В лицо отошало сына
Швыряет Библию мать:
«Так ты, нечестивец проклятый,
Разбойником хочешь стать?»

Послышался стук в окошко,
Рукою кто-то грозит:
В пасторской черной одежде
Покойник-отец стоит.

29

Сегодня плохая погода,
Ветрено, грязно, темно.
Сижу и на мглу городскую
Уныло гляжу в окно.

Один огонек одинокий
По улице тихо плывет.
Старушка там ковыляет,
В руке фонарик несет.

Муки, яиц и масла
Наверно пошла купить;
Для старшей дочки хочет
Она пирог замесить.

А дочка дома в кресле
Щурится на огонек.
Волны волос золотые
Струятся у нежных щек.

30

Все думают: я страдаю
От горькой любви моей,
И сам я считаю верным
Такое суждение людей.

Малютка с большими глазами!
Всегда я тебе говорил,
Что люблю тебя несказанно,
Что весь от любви изныл.

Но лишь в одинокой каморке
Я был таким смельчаком
И — ах! — молчал неизменно
В присутствии твоём.

Какие-то ангелы злые
Мне рот зажимали вдруг.
И — ах! — эти ангелы злые —
Причина всех моих мук.

31

Этих пальцев — лилий белых —
Вновь коснуться поцелуем
И прижать их к сердцу вновь,
Исходя безмолвным плачем.

Этих глаз — фиалок ясных —
Образ день и ночь со мною
И томит меня: что значат
Эти синие загадки?

32

Разве ей твоя влюбленность
Оставалась незаметной?
Разве ты, в глаза ей глядя,
Не прочел любви ответной?

Разве ты, в глаза ей глядя,
Не узнал, как чувства рдели,
А тебе ли быть невеждой,
Милый друг, в подобном деле?

33

Любили они, но признанья
Из них ни один не хотел.
Их взоры были враждебны,
А в душах огонь пламенел.

Расстались они, лишь порою
В сновиденье встречаясь ночном.

Давно они умерли оба,
Едва ли зная о том.

34

Лишь только о муках я речь заводил, —
Каждый зевал и прочь уходил.
Когда ж я их ловко в стихи заключил, —
От каждого я комплимент получил.

35

Позвал я чорта к себе, и вот
Явился он и меня удивил.
Он вовсе не хром и не урод,
Он элегантен и очень мил.
Он человек в летах солидных,
Больших познаний, манер благовидных.
Он дипломатией овладел.
Знаток церковных и светских дел;
Немного бледен — что неизбежно:
Санскритом и Гегелем он занят прилежно.
Фуке ему всех поэтов милей,
Но критику он совершенно оставил,
Он этого рода занятия сплавил
Гекате, дражайшей бабке своей.
Мою юридическую карьеру
Одобрил он, зная и эту сферу,
Сказал, что дружбою со мной
Весьма польщен; кивнул головой
И бросил: «Не встречались ли там,
В испанском посольстве, уже давно мы?»
И, приглядевшись к его чертам,
Я понял, что это старый знакомый.

36

Смертный, не глумись над чортом:
Тропы жизни коротки,

А загробные мученья
Не простые пустяки.

Смертный, расплатись с долгами:
Тропы жизни далеки;
Вновь рассчитывать придется
На чужие кошельки.

37

Три светлых царя от Востока шли,
Заходя во все городишки.
«Скажите, как пройти в Вифлеем,
Любезные ребяташки?»

Ни стар, ни млад — никто не знал.
Брели цари понемногу.
Золотая веселая звезда
Трем царям озаряла дорогу.

Над домом Иосифа стала звезда.
Здесь были цари у цели.
Мычал бычок, ребенок кричал,
Три царя восточные цели.

38

Дитя, мы были дети,
Нам весело было играть,
В курятник забираться,
В солому зарывшись, лежать.

Кричали петухами.
С дороги слышал народ
«Кукареку» — и думал,
Что правда петух поет.

Обоями ящик обили,
Что брошен был на слом,

И в нем поселились вместе,
И вышел роскошный дом.

Соседкина старая кошка
С визитом бывала у нас.
Мы кланялись, приседали,
Мы льстили ей каждый раз.

Расспрашивали о здоровье
С заботой, с приятным лицом.
Мы многим старым кошкам
Твердили то же потом.

А то, усевшись чинно,
Как двое разумных людей,
Ворчали, что в наше время
Народ был умней и честней.

Что вера, любовь и верность
Исчезли из жизни давно,
Что кофе дорожает,
А денег достать мудрено.

Умчались детские игры,
Умчась, не вернутся вновь
Ни деньги, ни верность, ни вера,
Ни время, ни жизнь, ни любовь.

39

Взгрустнется ль мне — в минуты эти
Я думаю про давний век.
Уютно было всё на свете,
Жил безмятежно человек.

Теперь же всё как в давке тесной,
Нигде порядка не найду!
Скончался бог в дали небесной,
И чорт издох в своем аду.

Все впечатленья грустны, жутки,
Всё путаница, холод, ложь,
И если б не любви минутки,
Совсем бы стало невтерпеж.

40

Как просвечивает месяц
Сквозь завесу темных туч,
Так из темного былого
Мне сияет светлый луч.

Все на палубе сидели,
Вдоль по Рейну гордо мчась,
И зеленый, летний берег
Плыл, в закате золотясь.

И у ног прекрасной дамы
Я задумчиво сидел;
На лице ее усталом
Солнца луч играл и рдел.

Лютней звон, детей напевы,
Радость, радость без конца!
Голубее было небо,
И просторнее сердца.

Сказочно скользили мимо
Горы, замки, лес, поля.
И в глазах прекрасной дамы
Всё, что мчалось, видел я.

41

Любимая мне приснилась;
Пугливы и хмуры черты;
Осыпался цвет увядший
Былой ее красоты.

Шел за руку с ней ребенок,
Другого — несла на руках,
И бедность и горе сказались
На платье, в походке, в глазах.

Шатаясь, шла через площадь
И встретилась там со мной.
Взглянула — и сказал я
Спокойно, но с тайной тоской:

«Пойдем в мой дом со мною,
Ведь ты бледна и больна.
Я буду прилежно работать,
Чтоб ты не была голодна.

Детей твоих холить и нянчить
Я буду, нежно любя.
Но прежде и особливо,
Бедняжка моя, — тебя.

Рассказывать не стану
Тебе про любовь мою,
А если умрешь ты — плакать
Приду на могилу твою».

42

Друг! ты всё одну стрекочешь
Песню про свои напасти!
Вечной ли наседкой хочешь
Быть на яйцах старой страсти?
Ах! цыплята всё скребутся,
Скорлупа тесна цыпленку;
Выползли, пищат, трясутся,
Хватъ — и запер их в книжонку.

43

Не досадуйте напрасно,
Если старые печали

У меня и в новых песнях
Всё еще не отзывали.

Погодите, скоро эхо
Горя моего утихнет,
И весна счастливых песен
В исцеленном сердце вспыхнет.

44

Довольно дурить, пора быть умней,
Подумать о перемене;
Я слишком долго, как лицедей,
С тобой ломался на сцене.

Художник кулисы расписал
В весьма романтическом стиле,
И золотом рыцарский плащ блистал,
И чувства изысканны были.

И вот, хотя давно уж нет
От дури былой ни тени,—
Всё помнится мне старый бред,
Как будто я всё на сцене.

О боже! я не мог понять,
Что правда сквозь роль проступает:
Я насмерть был ранен, стараясь сыграть,
Как в Риме борец умирает.

45

Владыку Висвамитру
Никак нельзя унять,
То силой, то подвигом хочет
Корову Васишты достать.

Владыка Висвамитра!
Какой же ты бык чудной!

И каешься и воюешь
Из-за коровы одной!

46

Сердце, будь неколебимо,
Вытерпи судьбины гнет!
Новая весна вернет
Всё, чего лишили зимы.

Ведь осталось очень много
В мире дивной красоты,
И к тому, что любишь ты,
Прямо пролегла дорога!

47

Ты — как цветок весенний —
Чиста, прекрасна, нежна;
Гляжу на тебя, и грустью
Душа напоена.

И руки — к благословенью,
К молитве готовы уста:
Дай бог, чтобы ты осталась
Нежна, прекрасна, чиста.

48

Здесь, дитя, твоя погибель;
Буду я и сам стараться,
Чтобы ты ко мне любовью
Не желала разгораться.

Но от легкого успеха
Может всё же грусть возникнуть,
И порой готов я всё же —
«Всё же дай любви мне!» — крикнуть.

49

Когда я лежу закутан
В одеяло и в мрак ночной,
Прелестный образ и милый
Парит передо мной.

Лишь только тихонько веки
Сомкну я, усыплен, —
Тот образ незаметно
Проскальзывает в мой сон.

Но с утренними снами
Он тоже не уплывет:
Его ношу я в сердце
День целый напролет.

50

Девушка, чьи нежны губки,
Чья улыбка так чиста,
Милая моя малютка, —
О тебе моя мечта.

Долог нынче зимний вечер,
И хотел бы я скорей
Быть с тобой, болтать с тобою
В тихой комнатке твоей.

Я к губам своим прижал бы
Ручку белую твою
И слезами оросил бы
Ручку белую твою.

51

Пусть себе метель кружится,
Град стучит, и буря злится,

Снегом пусть окно заносит —
Сердце ничего не просит;
В нем теперь заключены
Милой лик и блеск весны.

52

Тот Мадонне шлет моления,
А другой — Петру и Павлу.
Я же лишь твою прославлю,
Солнце, дивное явление.

Дай любви, благоволения,
Грей сияньем благосклонным,
Солнце, всех девушек без исключенья:
Девушка — всех милей под солнцем.

53

Так бледностью не выдал я
Сердечного страданья?
Ты хочешь, чтоб гордые уста
Просили подаянья?

О, слишком горды они! Любо им
Шутить да целоваться!
С них может насмешка слететь в тот миг,
Как будет сердце рваться.

54

Милый друг мой, ты влюблен
И томишься мукой страстной.
В голове твоей темно,
Но зато на сердце ясно.

Милый друг мой, ты влюблен
И не признаешься в этом.

Но я вижу: сердца жар
Пышет под твоим жилетом.

55

Хотел я с тобой насладиться,
С устами слить уста.
Ты стала торопиться,
Ты очень была занята.

Сказал я: «Душа мечтала
Предаться тебе вполне».
Ты звонко захохотала
И книксен сделала мне.

Претяжкие огорченья
Я должен был выносить
И даже в заключение
Не мог поцелуя вкусить.

Что б ни было, я стреляться
Не стану, ангел мой!
Ведь это все, признаться,
Когда-то уж было со мной.

56

Сапфиры у тебя глаза,
Они так нежно светят.
О, трижды счастлив тот, кого
Они, любя, приветят!

А сердце — истинный алмаз,
Огни он рассыпает.
О, трижды счастлив тот, кому
Любовью он сверкает!

Рубины у тебя уста,
Прекрасней — где найдутся?
О, трижды счастлив тот, кому
Они в любви клянутся!

О, если б я счастливца знал
И с ним сам-друг остался
В лесу дремучем — вмиг бы он
Со счастьем распрощался!

57

Речью страстной я приглася
К сердцу твоему, шутя,
И в свою же сеть попался,
Шутку в правду обратя.

Если в шутку — так ведь надо —
Я с тобою расстанюсь,
Вызову я силы ада
И взаправду застрелюсь.

58

Все фрагментарно в мире этом.
К профессору-немцу пойду за советом.
Он сложит в целое всё, что разъято,
Чтоб после разумной системой блистать:
Ночным колпаком и клочками халата
Он рвань мирозданья берется латать.

59

Я голову долго ломал напрасно,
Судил и рядил и день и ночь,
Но эти пленительные глазки
Всю нерешимость прогнали прочь.

Я там остаюсь, где они мне светят.
Их нежный, их умный огонек
Что мне опять любить придется —
Я и подумать бы не мог.

60

У них сегодня гости.
Сияет повсюду свет.
Вверху, в окне освещенном,
Колеблется силуэт.

Ты не видишь меня, в потемках
Один я стою под окном.
Разглядеть еще меньше можешь
Ты в темном сердце моем.

Это темное сердце любит,
Любит и рвется в борьбе,
Рвется, и стынет, и гибнет, —
Но это не видно тебе.

61

О, если бы все мои скорби
В единое слово слились!
Пускай бы веселые ветры
С ним весело вдаль понеслись.

И пусть до тебя домчится
То слово — скорбей моих крик.
Внимай ему в каждом месте,
Внимай ему каждый миг.

Глаза ли закроешь, впадая
В дремотное забытьё, —
До самого сна тебя будет
Преследовать слово мое.

62

У тебя и брильянты и жемчуг,
Всё удачно в твоей судьбе,
У тебя несравненные глазки —
Иль этого мало тебе?

Для твоих несравненных глазок
Я создал в тайной мольбе
Войско целое вечных песен —
Иль этого мало тебе?

По твоим несравненным глазкам
Изнывал я в долгой борьбе,
И теперь вконец погибаю —
Иль этого мало тебе?

63

Тот, кто любит в первый раз,
Хоть и неудачно — бог;
Кто же во второй раз любит
Неудачно — тот дурак.

Я — такой дурак, влюбленный
Без любви взаимной снова.
Солнце, месяц, звезды, — смейтесь!
С вами я смеюсь — и гибну.

64

Читали мне лекцию поучительную,
Честь мне оказывали — исключительную,
Говорили, что следует подождать,
Собирались протекцию оказать.

Но при всей их протекции замечательной
Я сдох бы от голода окончательно,

Не появивсь один молодец:
Он-то мне и помог наконец!

Не молодец ли? И кормит и поит!
Такая услуга дорого стоит!
Расцеловать его, жаль, нельзя:
Ведь молодец-то этот — я.

65

Этот юноша любезный
Вызвать восхищение может;
То и дело свежих устриц
И рейнвейну мне предложит.

Он изящный фрак и брючки,
Галстук преизящный носит,
По утрам всегда заглянет,
О моем здоровье спросит;

За моей следит он славой,
Помнит все мои остроты;
Он готов на все услуги,
Разделяет все заботы;

Вечерами у знакомых,
Преисполнен вдохновенья,
Декламирует он дамам
Дивные мои творенья.

Удивительно приятно
Юношу такого встретить
В наши дни, когда нетрудно
Убыль лучших сил заметить.

66

Я видел сон, что я господь,
Сижу на небе властно,

И ангелы мои стихи
Запели сладкогласно.

Я торты ем, конфеты ем
По гульдену ценою,
И кардинальский пью крюшон,
И от долгов не ною.

Но скука здесь меня томит,
Я быть внизу желал бы,
И если б богом не был я,
То всё к чертям послал бы.

«Эй, долговязый Гавриил!
Живее в путь-дорогу!
Есть у меня дружок Эйген,
Тащи повесу к богу.

За книгой не ищи его,
Ищи за рюмкой винной;
Не у Гедвиги в церкви он —
У Мейерши бесчинной».

И ангел крылья распростер
Для странствия такого,
Схватил его, втащил его,
Повесу дорогого.

«Да, милый друг, теперь я бог,
И правлю всей землею!
Я говорил тебе, что я
Чего-нибудь да стою.

Сижу и чудеса творю:
Ты будешь в восхищенье;
Давай-ка, осчастливлю я
Берлин в одно мгновенье.

Булыжники на мостовой
Тотчас же раздвоятся,

И свежим устрицам внутри
Берлинцы изумятся.

И пусть на улицу из туч
Лимонный сок сочится,
А в лужах уличных поток
Рейнвейна заструится.

Как весело берлинцам всем
Набить живот потуже!
Чиновники из зал суда
Бегут напиться к луже.

Как весело поэтам всем:
Как боги, угостились!
И прапорщик и лейтенант
Лизать панель пустились.

И прапорщик и лейтенант
Разумные ребята:
Им ясно, что чудес таких
Бывает маловато».

67

Я с вами расстался в разгаре июля
И в январе повстречался вновь.
Тогда вы на самой жаре сидели,
Теперь в вас остыла, замерзла кровь.

Расстанемся вновь и встретимся снова
Вам будет ни холодно, ни тепло.
И я зашагаю по вашим могилам,
Но сердцу состариться — тяжело.

68

От милых губ отпрянуть, оторваться
От милых рук, обнявших с жаркой лаской,

О, если б на единый день остаться!
Но кучер подоспел с своей коляской.

Вот жизнь, дитя! Терзанья то и дело,
Разлуку то и дело жизнь готовит!
Зачем же сердцем ты не завладела?
Зачем твой взор меня не остановит?

69

Одни мы ехали в темной
Почтовой карете ночной,
Друг другу на грудь склонялись,
Шутили, смеялись вдвоем.

Лишь утром, с изумленьем
Заметили мы с тобой:
Проехал с нами даром
Амур, сосед слепой.

70

Эта шалая девчонка
Поселилась бог весть где;
Под дождем весь день, ругаясь,
Рыщу я за ней везде.

От гостиницы мотался
До гостиницы другой;
Зря вступал в беседу с каждым
Грубиянившим слугой.

Вдруг, смотрю — она в окошке;
Ласковый кивок, смешок...
«Кто же думал, что в подобный
Заберешься ты чертог?»

71

Как темный ряд видений,
Стоит за домом дом.
Я молча шагаю мимо,
Закутанный плащом.

Часы соборной башни
Двенадцать ночи бьют;
Сейчас меня ласки милой,
Ее поцелуи ждут.

Мой провожатый — месяц —
Мне озаряет тьму;
Довел до двери милой,
И я говорю ему:

«Спасибо, старый товарищ,
Светивший мне на пути.
Теперь я тебя отпускаю,
Теперь всему миру свети!

И если влюбленного встретишь,
Кто плачет, судьбу кляня,
Утешь его, как, бывало,
Не раз утешал меня».

72

Моей законной став женой,
Ты заживешь на славу,
Всю жизнь превратишь в досуг сплошной,
В одну сплошную забаву.

Скандаль, бранись,— я буду тих,
Всё вытерплю без споров,
Но если стихов не похвалишь моих,
Развод — без разговоров!

73

К плечам твоим белоснежным
Склонился я головой
И втайне могу подслушать
Сердечный умысел твой.

Трубят голубые гусары,
Въезжают искать жилья,
Что ж, завтра меня покинет
Возлюбленная моя.

Что ж, если покинешь завтра —
Сегодня ты все же моя,
И в этих руках прекрасных
Вдвойне блаженствую я.

74

Трубят голубые гусары,
Им выступить надо чуть свет,
А я к тебе, дорогая,
Пришел и принес букет.

Что было! Дым коромыслом!
Шум бранный! Горячие дни!
Ведь даже в твоём сердечке
Нашли квартиру они.

75

Сам я в молодые годы
Вынес горькие невзгоды,
В страстном был жару.
Но дрова не по карману,
И пылать я перестану,
Ma foi!* — как раз к добру.

* Честное слово!

Так и ты, мой друг прекрасный,
Глупых слез не лей напрасно,
В глупых не томишь мечтах.
Если ценишь жизнь живую,
Позабудь любовь былую,
Ma foi! — в моих руках.

76

Ты и впрямь со мной враждуешь?
Ты и впрямь переменилась?
Целый мир пускай услышит,
Как со мной ты обходилась!

О неблагодарный ротик!
Злого ты сказал немало
Про того, кто так любовно
Целовал тебя бывало.

77

Ах, сияют, как и прежде,
Те глаза, что встарь сияли,
Вижу те же, что и прежде,
Губы, что меня пленяли.

Голос — тот же, что и прежде,
Я и в нем не обманулся!
Только я не тот, что прежде:
Изменившимся вернулся.

Белоснежными руками
Крепко, страстно оплетенный,
На груди ее лежу я
Безучастный и смущенный.

78

Вас я понимал превратно,
Вам я был непостижим,
Нынче ж всё для всех понятно:
Все в одной грязи лежим.

79

Кастраты зароптали,
Едва раскрыл я рот;
Роптали и шептали:
«Он слишком грубо поет!»

И нежно зазвенели
Их милые голоса,
И были кристальные трели
Так звонки и так легки;

И всё — про любовное чувство,
Про силу любовных грез,
И дамы от их искусства
Тонули в ливне слез.

80

На валу, что в Саламанке,
Воздух мягче и приветней.
Там с моей прелестной донной
Я гуляю в вечер летний.

Стройный стан моей красотки
Я обвинил самозабвенно,
И волненье гордой груди
Палец чувствует блаженный.

Только шорохом тревожным
Веют липы вековые;

Мельничный ручей бормочет
Сказки жуткие и злые.

«Ах, сеньора, мне придется,
Чувствую, уйти в изгнание,
И не будет в Саламанке
На валу у нас свиданья».

81

Дон Энрикец, иль Красавчик —
Рядом он живет со мною,
В комнате, с моей соседней,
Лишь за тонкою стеною.

Дамы Саламанки млеют,
Видя, как идет он браво,
Ус крутя, бряцая шпорой,
Окружен собак оравой.

Но под вечер, одиноко,
Он сидит часами дома,
И в руках его — гитара,
И в душе его — истома.

Вот небрежно струны тронет,
Фантазирует без цели...
Эти треньканья и звоны
Мне до чорта надоели.

82

При первой же встрече, по голосу, взглядам —
Что я тебе нравлюсь, я понял как раз;
И если бы матери не было рядом,
Поцеловались бы мы тотчас.

А завтра уеду я вновь спозаранку
И вдаль помчусь во весь опор.

И только, в окошко увидя белянку,
Пошлю ей приветный, прощальный взор.

83

Солнце уже над горами, и звбнок
Стада овечьего дальний гул.
Мой светик, мой цветик, мой милый агненок,
Еще бы раз на тебя я взглянул!

С окна не свожу пытливого взора.
«Прощай, дитя! Я с тобой расстаюсь!»
Напрасно. Не шевельнется штора.
Она еще спит,— и я ей снюсь?

84

На старом рынке в Галле
Стоят большие львы.
Эх вы, галльцы, львы-молодцы!
Прибрали вас к рукам!

На старом рынке в Галле
Стоит большой великан.
Меч неподвижно держит,
Окаменел от страха.

На старом рынке в Галле
Стоит большая церковь.
Студенческим землячествам
Просторно там молиться.

85

Летний вечер полусонно
Лег на поле и на рощу.
Золотой в лазури месяц
Светит негой благовоной.

Лишь кузнечиков услышит
Путник у ручья ночного,
Да в воде как будто всплески,
И как будто кто-то дышит.

Это маленькая фея
Там купается тихонько.
Руки и спина сверкают,
В свете месяца белея.

86

Ночь легла на путь безвестный,
Тело ноет, сердце бьется.
Ах, не твой ли свет небесный,
Нежный месяц, тихо льется?

Нежный месяц! Он разгонит
Жуткие ночные грезы.
И душа от мук не стонет,
И к глазам наплыли слезы.

87

Что смерть? Прохладной ночи тень.
Что жизнь? Горячий воздух дня.
Темнеет. Ко сну меня клонит,
День утомил меня.

Дуб осеняет мою постель,
В ветвях поет надо мной соловей.
Любовью полна его песня.
Слышна и во сне мне трель.

88

Разве нет твоей любимой,
Чудно так тобой воспетой?

Разве пламенем волшебным
Сердце больше не согрето?

Это пламя догорело,
В сердце грусть и холод сонный,
И как в урне — в этой книжке
Прах любви моей сожженной.

СУМЕРКИ БОГОВ

Вот май — и с ним сиянья золотые,
И воздух шелковый, и пряный запах.
Май обольщает белыми цветами,
Из тысячи фиалок шлет приветы,
Ковер цветочный и зеленый стелет,
Росою затканый и светом солнца,
И всех людей зовет гостеприимно,
И глупая толпа идет на зов.
Мужчины в летние штаны оделись,
В воскресный фрак, где пуговицы блещут,—
А женщины — в невинно-белый цвет.
У юношей — прирост усов весенних,
У девушек высоко дышат груди;
В карман кладут поэты городские
Бумагу, карандаш, лорнет,— и шумно
Идет к воротам пестрая толпа
И там садится на траве зеленой,
Дивится росту мощному деревьев,
Срывает разноцветные цветочки,
Внимает пению веселых птичек
И в синий небосвод, ликуя, смотрит.
Май и ко мне пришел. Он трижды стукнул
В дверь комнаты и крикнул мне: «Я — май!
Прими мой поцелуй, мечтатель бледный!»
Я, дверь оставив на запоре, крикнул:
«Зовешь напрасно ты, недобрый гость.
Я разгадал тебя, я разгадал
Устройство мира, слишком много видел

И слишком зорко; радость отошла,
И в сердце мука вечная вселилась.
Сквозь каменную я смотрю кору
В дома людские и в сердца людские,
В тех и в других — печаль, обман и ложь.
Я в лицах мысли тайные читаю —
Дурные мысли. В девичьем румянце
Дрожит — я вижу — тайный жар желаний;
На гордой юношеской голове
Пестреет — вижу я — колпак дурацкий;
И рожи вижу и пустые тени
Здесь, на земле, и не могу понять —
В больнице я иль в доме сумасшедших.
Гляжу сквозь почву древнюю земли,
Как будто сквозь кристалл, и вижу ужас,
Который зеленью веселой хочет
Напрасно май прикрыть. Я вижу мертвых,
Они внизу лежат, гроба их тесны,
Их руки сложены, глаза открыты,
Бела одежда, лица их белы,
А на губах коричневые черви.
Я вижу — сын на холм отца могильный
С любовницей присел на краткий срок;
Звучит насмешкой пенье соловья,
Цветы в лугах презрительно смеются;
Отец-мертвец шевелится в гробу,
И вздрагивает мать-земля сырая».

Земля, я знаю все твои страданья,
В твоей груди — я вижу — пламя пышет,
А кровь по тысяче струится жил.
Вот вижу я: твои открылись раны,
И буйно брызжет пламя, дым и кровь.
Вот смелые твои сыны-гиганты —
Отродье древнее — из темных недр
Идут, и красный факел каждым поднят;
И, ряд железных лестниц водрузив,
Стремятся ввысь, на штурм небесной тверди,
И гномы черные за ними лезут,
И с треском топчут золотые звезды.

Рукою дерзкой с божьего шатра
Завеса сорвана, и с воем ниц
Упали сонмы ангелов смиренных.
И, сидя на престоле, бледный бог
Рвет волосы, венец бросает прочь —
А буйная орда теснится ближе.
Гиганты красных факелов пуки
В небесное бросают царство, гномы
Бичами ангельские спины хлещут,
Те жмутся, корчатся, боясь мучений,
И за волосы их швыряют вниз.
И своего я ангела узнал:
Он с нежными чертами, русокудрых,
И вечная в устах его любовь,
И в голубых глазах его — блаженство.
И черным, отвратительным уродом
Уже наступил он, мой бледный ангел.
Осклабясь, им любитесь урод,
В объятьях тело нежное сжимает —
И резкий крик звучит по всей вселенной,
Столпы трещат, земля и небо гибнут.
И древняя в права вступает ночь.

РАТКЛИФ

Бог сновидений взял меня туда,
Где ивы мне приветливо кивали
Руками длинными, зелеными, где нежен
Был умный, дружелюбный взор цветов;
Где ласково мне щебетали птицы,
Где даже лай собак я узнавал,
Где голоса и образы встречали
Меня, как друга старого, и все же
Все было чуждым, чудно, странно чуждым.
Увидел я опрятный сельский дом,
И сердце дрогнуло, но голова
Была спокойна; отряхнул спокойно
Я пыль дорожную с моей одежды;
Задребезжал звонок, раскрылась дверь.

Мужчин и женщин там нашел я — лица
Знакомые. На всех — заботы тихой,
Боязни тайной след. Словно смутясь
И сострада, на меня взглянули.
Мне жутко даже стало на душе,
Как от предчувствия беды грозящей.
Я Грету старую узнал тотчас,
Взглянул пытливо, но она молчала.
Спросил: «Мария где?» — она молчала,
Но за руку взяла и повела
Рядами длинных освещенных комнат,
Роскошных, пышных, тихих, как могилы, —
И, в сумрачную комнату введя
И отвернувшись, показала мне
Диван и образ женский на диване.
«Мария, вы?» — спросил я, задрожав
И удивившись твердости, с которой
Заговорил. Как камень иль металл,
Раздался звук: «Да, люди так зовут»,
И скорбью острой был пронизан я.
Ведь этот звук, глухой, холодный, был
Когда-то нежным голосом Марии!
А женщина — неряха, в синем платье
Поношенном, с отвислыми грудями,
С тупым стеклянным взором, с дряблой кожей
На старом обескровленном лице —
Ах, эта женщина была когда-то
Цветущей, нежной, ласковой Марией!
«В чужих краях вы были, — мне сказала
Она развязно, холодно и жутко. —
Не так истощены вы, милый друг.
Поправились, и в поясице, в икрах
Заметно пополнели». И улыбкой
Подернулся сухой и бледный рот.
В смятенье, я невольно произнес:
«Мне говорили, что вы замуж вышли».
«Ах да, — сказала с равнодушным смехом, —
Есть у меня обтянутое кожей
Бревно — оно зовется мужем; только
Бревно и есть бревно!» Беззвучный, гадкий

Раздался смех, и страх меня объял.
Я усомнился, не узнав невинных,
Как лепестки, невинных — уст Марии.
Она же быстро встала и, со стула
Взяв кашемировую шаль, надела
Ее на плечи, под руку меня
Взяла и увела к открытой двери
И дальше — через поле, рощу, луг.

Пылая, солнца круг клонился алый
К закату и багрянцем озарял
Деревья, и цветы, и гладь реки,
Вдали струившей волны величаво.
«Смотрите — золотой, огромный глаз
В воде плывет!» — воскликнула Мария.
«Молчи, несчастная!» — сказал я, глядя
Сквозь сумерки на сказочную ткань.
Вставали тени в полевых туманах,
Свивались влажно-белыми руками;
Фиалки переглядывались нежно;
Сплетались страстно лилии стеблями;
Пылали розы жаром сладострастья;
Гвоздик дыханье словно пламенело;
Тонули все цветы в благоуханьях,
Рыдали все блаженными слезами
И пели все: «Любовь! Любовь! Любовь!»
И бабочки вились, и золотые
Жуки жужжали песни, словно эльфы;
Шептал вечерний ветер, шелестели
Дубы, и таял в пенье соловей.
И этот шопот, шорох, пенье — вдруг
Нарушил жестяной, холодный голос
Увядшей женщины возле меня:
«Я знаю, по ночам вас тянет в замок,
Тот длинный призрак — добрый простофиля,
На что угодно он согласие даст.
Тот, в синем — это ангел, ну а красный,
Меч обнаживший, тот — ваш лютый враг».
Еще бессвязней и чудней звучали
Ее слова, и наконец, устав,

Склонилась на дерновую скамью
И там со мной под старым дубом села.

Там мы сидели вместе, тихо, грустно,
Глядели друг на друга всё печальней;
И шорох дуба был как смертный стон,
И пенье соловья полно страданья.
Но красный свет пробился сквозь листву,
Марии бледное лицо зардело,
И пламя вырвалось из тусклых глаз.
И прежний, сладкий голос прозвучал:

«Как ты узнал, что я была несчастна?
Я всё прочла в твоих безумных песнях».

И грудь моя заledenела; жутко
Мне стало от безумья моего,
Пророчески представшего; мой мозг
Заволокло; я в ужасе проснулся.

ДОННА КЛАРА

Вечером, в аллеях парка
Долго дочь алькада бродит.
Звонких труб, литавров гулких
Слышатся из замка громы.

«Мне наскучили и танцы,
И слова похвал притворных,
И сравненья кавалеров,
Будто я светла, как солнце.

Это все мне надоело
С той поры, как лунной ночью
Рыцарь заиграл на лютне
У моих раскрытых окон.

Он стоял, и смел и строен,
С быстрым пламенем во взоре,
С бледностью в лице прекрасном,
Словно сам святой Георгий».

Так мечтала донна Клара,
Опустивши взоры долу:
Подняла — стоит пред нею
Этот рыцарь незнакомый.

Рук пожатье, попот нежный. —
В лунном свете бродят оба,
И зефиры их ласкают,
И волшебнo дышат розы.

И волшебнo дышат розы,
Словно делят жар любовный.
«Но скажи мне, дорогая,
Покраснела отчего ты?» —

«Комары кусают, милый!
Комаров же я глубоко
Ненавижу, словно это
Рой евреев длинноносых». —

«Брось евреев с комарами», —
Дружелюбно рыцарь молвил.
Цвет миндальный осыпался
Тысячами белых хлопьев.

Тысячи миндальных хлопьев
Разливали запах тонкий.
«Но скажи мне, дорогая,
Всем ли сердцем ты со мною?» —

«Я люблю тебя, мой милый!
В том клянусь я сыном божьим,
От евреев богомерзких
Пострадавшим на Голгофе». —

«Брось евреев и Голгофу», —
Дружелюбно рыцарь молвил.
Сонный ветерок колеблет
Белых лилий светлый образ;

Белых лилий светел образ;
Смотрят лилии на звезды.
«Но скажи мне, дорогая,
Не клялась ли ты притворно?» —

«Нет во мне притворства, милый,
Как во мне и в нашем роде
Нет ни капли мавританской
Иль еврейской грязной крови». —

«Брось и мавров и евреев», —
Дружелюбно рыцарь молвит.
После к миртовой беседке
Дочь алькада он уводит.

И оплел ее неслышно
Он любовной сетью тонкой;
Кратки речи, долги ласки,
И полны сердца любовью.

Словно сладкий гимн венчальный —
Песня соловья ночного;
Словно с факелами танец —
Светляков мельканье поздних.

Тишина царит в беседке,
Только слышен потаенный
Шорох умных мирт над ними,
Запах розы благовонной.

Вдруг и трубы и литавры
Раздались из замка громко,
И, очнувшись, донна Клара
Руки рыцаря отводит.

«Чу, зовут меня, мой милый!
Но перед разлукой должен
Ты свое назвать мне имя,
Утаенное тобою».

Рыцарь тихо улыбнулся.
Он целует пальцы донны,
Он целует лоб и губы
И, целуя, произносит:

«Сын прославленного мужа
Ваш возлюбленный, сеньора:
Сын Израиля — раввина,
Уроженца Сарагоссы».

АЛЬМАНСОР

1

Вековой собор в Кордове.
Ровно тысяча и триста
В нем стоит колонн огромных,
Подпирая купол дивный.

И колонны, купол, стены —
Всё; от верха и до низа,
Надписями из Корана,
Арабесками покрыто.

Строили собор когда-то
Мавританские владыки,
Но времен круговращенье
Многое переменило.

Где, бывало, с минарета
Слышался призыв к молитве, —
Раздается христианский
Колокол меланхолический.

Где слова пророка были
В хоре правоверных слышны,
Ныне вздорным чудом мессы
Удивляет попик лысый.

Перед рядом пестрых кукол
Вертятся и гнутся низко,
Глухих свеч повсюду много,
Много звона, много дыма.

И Альмансор-бен-Абдулла
Подошел к колоннам ближе,
Созерцает их безмолвно
И потом бормочет тихо:

«О колонны, вы когда-то
Славою Аллаха были.
А теперь служить должны вы
Христианам ненавистным!

Вы привыкли к новой доле,
Под ярмом вы терпеливы;
Но ведь только слабый может
Успокоиться так быстро».

И Альмансор-бен-Абдулла
Весело челом склонился
К разукрашенной купели,
Храма этого святыне.

2

Быстро выйдя из собора,
На лихом коне он скачет,
Пряди влажные взлетают,
И трепещут перья шляпы.

По дороге в Альколею
Вдоль Гвадалквивира прямо,
Там, где белый цвет миндальный,
Где душистый померанец,

Едет там веселый рыцарь
С песней, свистом, смехом сладким.
Этим песням вторят птицы,
Вторит и реки журчанье.

В альколейском замке встречи
Ждет он с Кларой де-Альварес
(На войну отец уехал,
И она свободе рада).

И Альмансор издалика
Слышит трубы и литавры,
Видит он: сквозь тень деревьев
Льется свет огней из замка.

В альколейском замке танцы:
Там двенадцать дам прекрасных,
Рыцарей двенадцать тоже,
Но искусней всех — Альмансор.

Словно счастьем окрыленный,
Он по всей порхает зале,
Он слова сладчайшей лести
Каждой даме расточает.

Руки нежной Изабеллы
Поцелует — и отпрянет,
И садится пред Эльвирой,
Весело в лицо ей глядя.

Улыбнется Леоноре:
«Как я вам сегодня нравлюсь?»
И кресты ей золотые
На плаще своем покажет.

В скромности своей сердечной
Признается каждой даме —
В вечер тридцать раз клянется
Честным словом христианским.

В альколейском замке старом
Не поют и не пируют:
Рыцарей и дам не видно,
И огни уже потухли.

Донна Клара и Альмансор
Поздно в зале остаются;
Их уныло озаряет
Свет последней лампы тусклой.

Села в кресло донна Клара,
На скамейку рыцарь тут же;
Головой своей усталой
Милых он колен коснулся.

Масло розы из флакона
Дама льет с сердечной грустью
На Альмансоровы кудри.
Он вздохнул и взор потупил.

Поцелуем уст нежнейших
Дама льнет с сердечной грустью
К тем кудрям, густым и темным.
Он вздохнул и лоб нахмурил.

Слез поток из глаз блаженных
Дама льет с сердечной грустью
На Альмансоровы кудри:
Он сурово стиснул губы.

Грезит рыцарь: вновь стоит он —
Очи долгу, влажны кудри —
В том же вековом соборе,
Слыша много странных звуков.

Исполинские колонны
Шепчут, громко негодуя,
Больше не хотят смиряться
И дрожат, готовы рухнуть.

Вот низверглись с громом диким,
С треском рушится и купол;
Причт и паства побледнели,
У богов Христовых — смута.

НА БОГОМОЛЬЕ В КЕВЛАР

1

Мать у окна стояла.
В постели сын лежал.
«Процессия подходит:
Вильгельм, ты бы лучше встал!» —

«Нет, мать, я очень болен,
Смотреть нехватит сил.
Я думал о Грегхен умершей
И сердце повредил». —

«Вставай, вот книга и четки,
Мы в Кевлар поспешим,
Там сжалится божья мать
Над сердцем твоим больным».

Хоругви церковные веют.
Церковный хор поет.
Из Кельна, вдоль по Рейну,
Процессия идет.

Поддерживая сына,
Пошла и мать за толпой.
Запели оба в хоре:
«Мария, господь с тобой!»

2

Сегодня мать божья
Надела лучший наряд.
Сегодня ей много дела:
Больные к ней спешат.

Приходят все с дарами,
Кого томит недуг:
Со слепками восковыми,
Со слепками ног и рук.

Принес восковую руку —
И вот рука зажала.
Принес восковую ногу —
И боль в ноге прошла.

Кто в Кевлар шел хромая —
Теперь плясун лихой;
Играет теперь на скрипке,
Кто двинуть не мог рукой.

Взяла восковую свечку
И сердце слепила мать.
«Отдай пречистой деве —
И больше не будешь страдать».

Со стоном берет он сердце,
Подходит едва-едва,
Слеза из глаз струится,
Струятся из сердца слова:

«Тебе, преблагословенной,
Пречистой деве, тебе,
Тебе, царице небесной,
Скажу о своей судьбе.

Из города я Кельна,
Где с матушкой жил моей,
Из города, где сотни
Часовен и церквей.

Жила с нами рядом Гретхен,
Но вот схоронили ее.
Прими восковое сердце
И вылечи сердце мое!

Г. Г Е Й Н Ъ

С литографии по рисунку Юлиуса Гире 1838 года.

Сердечные вылечи раны:
Я буду всей душой
Молиться и петь усердно:
«Мария, господь с тобой!»

3

Больной и мать больного
Заснули дома вдвоем,
А мать божья ночью
Неслышно входит в их дом.

Склоняется к больному
И руку свою кладет
На сердце его неслышно,
И прочь с улыбкой идет.

А мать во сне это видит,
И больше видит она...
Но громко собаки лают
И будят ее ото сна.

Лежит ее сын недвижим:
В нем жизни больше нет;
На бледных щеках играет,
Алея, утренний свет.

И мать сложила руки
С неведомой ей тоской
И набожно запела:
«Мария, господь с тобой!»

ИЗ «ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ГАРЦУ»

ПРОЛОГ

Сюртуки, чулки из шелка,
С тонким кружевом манжеты,
Речи льстивые, объятья —
Если б сердце вам при этом!

Если б сердце в грудь вложить вам,
В сердце чувство трепетало б, —
Ах, досмерти мне противна
Ложь любовных ваших жалоб!

Я хочу подняться в горы,
Где живут простые люди,
Где свободно ветер веет
И легко усталой груди.

Я хочу подняться в горы,
К елям шумным и могучим,
Где поют ручьи и птицы
И несутся гордо тучи.

До свидания, паркеты,
Гладкие мужчины, дамы,
Я хочу подняться в горы,
Чтоб смеяться там над вами.

ГОРНАЯ ИДИЛЛИЯ

I

На горе стоит избушка,
В ней шахтер живет седой,
Шумны темные там ели,
Светел месяц золотой.

У окна резное кресло,
Чудо-кресло, не скамья,
Кто сидит в нем, тот счастливец,
И счастливец этот — я!

На скамеечке малютка
У моих уселась ног;
Глазки — звезды голубые,
Ротик — аленький цветок.

Глазки-звездочки раскрыты
Широко, как небосвод,
И лукаво к пухлым губкам
Свой лилейный пальчик жмет.

«Нет, не бойся, мать не видит:
Села с прялкою к окну,
А отец взял в руки цитру
И поет про старину».

И малютка продолжает
Тихо в уши мне шептать;
Много тайн за это время
Довелось мне услышать.

«С той поры как нету тетки,
Не приходится уж нам
Ездить в Гослар на гулянье,
А уж как чудесно там!

Здесь, на этом горном склоне,
Так тоскливо жить одним,
А зимою мы под снегом,
Как схоронены, сидим.

И притом же я трусиха,
Как дитя, впадаю в страх,
Только вспомню злобных духов,
Промышляющих в горах».

Точно слов своих пугаясь,
Прерывает вдруг рассказ
И обеими руками
Прикрывает звезды глаз.

Все шумнее шелест ели,
Громче треск веретена,
И в звенящих струнах цитры
Оживает старина.

«Не страшись, моя малютка,
Злые духи скрылись прочь,
Божьи ангелы на страже
Над тобою день и ночь!»

II

Ель протягивает пальцы
И стучится под окном,
Месяц, бледный соглядатай,
Льет сиянье в тихий дом.

Мать с отцом храпят негромко
В ближней спальне за стеной,
Мы же время коротаем
За блаженной болтовней.

«Будто часто ты молился?
Нет, меня не проведешь, —
Неужели от молитвы
На губах такая дрожь?»

Эта дрожь, такая злая,
Страх наводит на меня,
Но в глазах твоих сиянье
Благодатного огня.

Сомневаюсь, чтоб ты верил,
Как священник нас учил,
Чтобы ты отца и сына
И святого духа чтил». —

«Милый друг, еще ребенком,
У родимой на руках,
Верил я, что правит миром
Бог-отец на небесах.

Тот, кто дивно создал землю,
Человека сотворил,
Кто звездам, луне и солнцу
Их пути определил.

А когда я вырос, крошка,
Много больше я узнал
И, постигнув человека,
В сына верить тоже стал,

В сына божьего, что людям
Дал любовь и чистоту
И, как водится, в награду
Пригвожден был ко кресту.

Я теперь созрел, начитан,
Видел многие края
И в святого духа верю
Всей душой своею я.

Сотворил чудес он много
И еще творить готов;
Он разрушил замки гордых,
Сокрушил ярмо рабов.

Раны лечит, обновляет
Право древней старины:
Все мы, люди — от рожденья
Благородны и равны.

Гонит он туманы злые
И рассеивает гнет,
Что вкушать любовь и радость
День и ночь нам не дает.

Сотни рыцарей отважных,
В броне панцирей и лат,
Служат духу всеблагову,
Волю высшую творят.

Гордо веют их знамена,
И мечи блестят у них, —
Ты хотела бы, малютка,
Видеть рыцарей таких?

Так гляди ж смелей мне в очи,
Поцелуй меня! Взгляни!
Я и сам такой же рыцарь,
Рыцарь духа, как они!»

III

За зеленой хвоей ели
Месяц тихо прячет лик,
В нашей комнате мерцает
Догорающий ночник.

Только звезды голубые
Светят ярче в поздний час,
И пылает алый ротик,
И она ведет рассказ:

«Эти крошки-домовые
Поедают нашу снедь,
Накануне полон ящик,
Поутру — пустая клеть.

Эти крошки слижут ночью
Наши сливки с молока,
А остатки выпьет кошка
Из открытого горшка.

Да и кошка наша — ведьма:
Ночью вылезет на двор
И гуляет в дождь и вьюгу
По развалинам среди гор.

Там стоял когда-то замок,
В пышных залах яркий свет,
Дамы, рыцари и свита
Танцевали менуэт.

Но однажды злая фея
Нашептала злобных слов,
И теперь среди развалин
Гнезда филинов и сов.

Впрочем, тетка говорила:
Стоит только слово знать
И его в урочном месте
И в урочный час сказать, —

И опять из тех развалин
Стены гордые взойдут,
Дамы, рыцари и свита
Танцевать опять начнут;

Тот, кто скажет слово, станет
Обладателем всего,
Звуки трубные прославят
Светлость юную его».

Так цветут волшебной сказкой
Алых губок лепестки,
И сверкают в глазках-звездах
Голубые огоньки.

Нижет кудри мне на пальцы
И дает им имена.
И смеется, и целует,
И смолкает вдруг она.

И с таким приветом тихим
Смотрит комната на нас;
Этот стол и шкаф как будто
Я уж видел много раз.

Мирно маятник болтает,
Струны цитры на стене
Еле слышно зазвенели,
И сижу я, как во сне:

«Вот урочный час и место,
Вот когда пора сказать.
Ты, малютка, удивишься,
Как я слово мог узнать.

Лишь скажу — и ночь поблекнет,
Не дождавшись до утра,
За шумят ручьи и ели,
Вздрогнет старая гора.

Из ущелья понесутся
Звуки, полные чудес,
Запестреет, как весною,
Из цветов веселый лес.

Листья, странные, как в сказке,
Небывалые цветы,
Полны чар благоуханья
И пьянящей пестроты.

Розы, красные, как пламя,
Загорятся здесь и там,
И колонны белых лилий
Вознесутся к небесам.

Звезды крупные, как солнца,
Запылают над землей,
В чаши лилий исполинских
Свет вливая голубой.

Мы с тобой, моя малютка,
Всех изменимся сильнее;
Окружат нас шелк и бархат,
Вспыхнет золото огней.

Ты принцессой станешь гордой,
Замком делается дом —
Дамы, рыцари и свита
Пляшут весело кругом.

Все мое — и ты и замок —
В этом сказочном краю,
Славят трубы и литавры
Светлость юную мою!»

ПАСТУШОК

Пастушок — король над стадом,
Холм зеленый — гордый трон,
Над его головкой солнце
Лучезарней всех корон.

В красных крестиках барашки
Нежно ластятся к ногам,
А телята — кавалеры —
Гордо бродят по лугам.

Средь козлят придворной труппы
Каждый — чудо, не актер,
А коровьи колокольцы,
Флейты птиц — оркестр и хор.

Он поет, играет нежно;
Тих и нежен дальний гул
Водопадов, стройных елей, —
И король слегка вздремнул.

В это время государством
Управляет верный пес,
Чье сердитое рычанье
Ветер по полю разнес.

А король сквозь сон бормочет:
«Что за бремя эта власть!
Хорошо бы к королеве
Поскорей домой попасть!»

Головой прилечь державной
К ней на грудь хотел бы я!
В нежном взоре королевы —
Вся монархия моя!»

НА БРОКЕНЕ

Всё светлее на востоке,
Тлеет солнце, разгораясь.
И кругом поплыли горы,
Над туманами качаясь.

Мне надеть бы скороходы,
Чтобы с ветром поравняться
И над этими горами
К дому милой резво мчаться,

Тихо полог отодвинуть
В изголовье у голубки,
Целовать тихонько лобик
И рубиновые губки.

И в ушко ее чуть слышно
Молвить: «Пусть тебе приснится
Сон, что мы друг друга любим
И что нам не разлучиться».

ИЛЬЗА

Зовусь я принцессой Ильзой
И в Ильзенштейне живу;
Пойдем со мной в мой замок
К блаженству наяву.

Чело твое я омою
Прозрачною волной,
Ты боль свою забудешь,
Унылый друг больной.

В объятьях рук моих белых,
На белой груди моей
Ты будешь лежать и грезить
О сказках прошлых дней.

Обниму тебя, зацелую,
Как мной зацелован был
Мой император Генрих,
Что вечным сном почил.

Не встать из мертвых мертвым,
И только живые живут;
А я цветка прекрасней,
И сердце бьется — вот тут.

Вот тут смеется сердце,
Звенит дворец средь огней,
Танцуют с принцессами принцы,
Ликует толпа пажей.

Шуршат атласные шлейфы,
И шпоры звенят у ног,
И карлики бьют в литавры,
И свищут, и трубят в рог.

Усни, как спал мой Генрих,
В объятьях нежных рук;
Ему я прикрыла уши,
Как трубный раздался звук.

СЕВЕРНОЕ МОРЕ

ЦИКЛ ПЕРВЫЙ

1

КОРОНОВАНИЕ

Песни, вы добрые песни мои!
Вставайте, наденьте доспехи,
Трубите в трубы
И на щите поднимайте
Мою красавицу,
Что будет всем сердцем моим
Отныне владеть, королева.

Слава тебе, королева!

От солнца высокого я оторву
Ключок лучезарного красного золота
И сотку из него венец
На чело твое королевское.
От шелковой ткани небесного полога,
Где ярки алмазы ночи,
Отрежу кусок драгоценный
И им, королевской порфирой,
Одену твой царственный стан.
Я дам тебе свиту
Из чопорных, в пудре, сонетов,
Надменных терцин и услужливых стансов.
У тебя скороходами будут мои остроты.
Придворным шутом — моя фантазия,

Герольдом, со смеющейся слезкой в щите,—
Мой юмор.
А сам я, королева,
Сам я колени склоню пред тобой
И, присягая тебе, поднесу
На бархатной красной подушке
Бедный остаток рассудка,
Что мне сохранила из жалости
Твоя предшественница на царстве.

2

СУМЕРКИ

На бледном берегу у моря
Я сидел одинокий и грустно задумчивый.
Все глубже спускалось солнце, бросая
Полосы горящие на воду.
И белые дальние волны,
Приливом гонимые,
Пенясь, шумели всё ближе и ближе,
Неся свой странный шум, и шопот, свист,
И смех, и ропот, вздохи, гул,
И порою тихо-заветное,
Будто над детскою люлькою, пенье...
И мне казалось,
Слышу я голос забытых преданий,
Старинные чудные сказки —
Те, что когда-то мальчишкой
Слышал от соседних детей,
Как все мы, бывало,
Вечером летним на ступенях крыльца
К тихим рассказам преникнем
Внимательным маленьким сердцем,
И глаза любопытством полны.
В то время как девушки важные
Из-за душистых цветочных горшков
Глядят через улицу в окна.
На розовых лицах улыбка —
И месяц их облил сияньем.

3

ЗАКАТ СОЛНЦА

Огненнокрасное солнце уходит
В далеко волнами шумящее,
Серебром окаймленное море.
В розовом воздухе легкие тучи
Несутся за ним; а напротив
Из облачных груд, по-осеннему хмурых,
Грустным и мертвенно бледным лицом
Смотрит луна. И за нею,
Искорки малые,
В дали туманной мерцают звезды.

Некогда в небе сияли
В брачном союзе
Луна-богиня и Солнце-бог;
А вокруг их роились звезды,
Невинные малые дети.

Но злым языком клевета зашипела —
И разделилась враждебно
В небе чета, дающая свет.
И ныне днем в одиноком величье
Ходит по небу Солнце,
За гордый свой блеск
Возносимое, много воспетое
Гордыми, счастьем богатыми смертными.
А ночью
По небу бродит Луна,
Бедная мать
Со своими сиротами-звездами,
Нема и печальна.
И девушки любящим сердцем и кроткой
душою поэты
Посвящают ей слезы и песни.

Женским незлобивым сердцем
Все еще любит Луна мужа-красавца
И под вечер часто, дрожа и бледнея,

Глядит, за легкими тучами прячась,
Все смотрит вослед уходящему скорбно
И, кажется, хочет крикнуть ему: «Погоди!
Дети зовут тебя».
Но упрямое Солнце
При виде богини вспыхнет
Румянцем пурпурным
Гнева и скорби
И неумолимо уйдет
На холодное ложе вдовца.

Так-то шипящая злоба
Погибель и скорби вселила
Даже средь вечных богов;
И бедные боги
Грустно проходят по небу
Свой путь без конца, безутешный,
И смерти им нет,
И влачат они вечно
Свое лучезарное горе.

Так мне ль, человеку,
Низко поставленному, одаренному
смертью, —
Мне ли роптать на судьбу?

4

НОЧЬ НА БЕРЕГУ

Ночь холодна и беззвездна,
Море зевает;
И над морем, прямо на брюхе
Лежит неуклюжий северный ветер
И глухо, прерывисто-хриплым голосом
С морем болтает,
Словно брюзгливый старик разгулявшийся...
Много у ветра рассказов, безумных историй,
Сказок богатырских, смешных до уморы,
Норвежских саг стародавних.

И порою, эхом повторенный,
Захохочет он или завоет
Заклятья из Эдды и руны,
В упорстве темные, волшебны могучие...
И моря белые чада тогда
Высоко скачут из волн и ликуют,
Хмельны разгулом.

Меж тем на плоском берегу,
По влажным от волн пескам
Проходит путник, и сердце в нем
Мятежней волн и ветра.
Куда он не ступит —
Сыплются искры и раковины трещат,
И, кутаясь плотно в свой серый плащ,
Идет он быстро средь веющей ночи,
Надежно ведомый на огонек,
Что манит, приветно мерцая
В одинокой хате рыбацкой.
На море брат и отец,
И одна-одинешенька в хате
Осталась дочь рыбака,
Как чудо, прекрасная дочь рыбака.
Сидит перед печью она и внимает
Сладостно-вещему, тайному пенью
Воды, кипящей в котле.
И в пламя бросает трескучий хворост
И дует на пламя...
Трепетно-красные отсветы
Волшебным блеском озаряют
Цветущее лицо
И нежные белые плечи,
Робко глядящие
Из-под грубой серой рубахи,
И маленькие руки,
Заботливо оправившие юбку
На бедрах.

Но вдруг распахнулась дверь,
И в хижину входит ночной скиталец.

С любовью он смотрит
На белую стройную девушку,
Что встает перед ним, дрожа,
Подобно испуганной лилии.
Он наземь бросает свой плащ,
А сам смеется и говорит:

«Видишь, дитя, как я слово держу!
Вот я пришел, и со мною пришло
Старое время, когда боги небесные
Сходили к дочерям людским,
И дочерей людских обнимали,
И с ними рождали
Скипетроносных царей и героев,
Землю дививших.
Впрочем, дитя, моему божеству
Не изумляйся ты много!
Сделай-ка лучше мне чаю — да с ромом!
Ночь холодна;
А в такую погоду
Зябнем и мы, вечные боги,
И ходим потом с божественным насморком
И с кашлем бессмертным».

5

ПОСЕЙДОН

Солнце играло лучами
Над вечнозыблемым морем;
Вдали на рейде блестел корабль, готовый
Меня на родину отвезти.
Но не было ветра попутного —
И я еще мирно сидел у белеющих дюн
Пустынного берега
И песнь об Улиссе читал —
Старую, вечно юную песнь...
И со страниц ее, морем шумящих,
Радостно веяло мне
Дыханьем богов,

И светлой весной человека,
И небом цветущим Эллады.

Надежным сердцем я верно следил
За сыном Лаэрта в скитаньях и бедах:
Садился, печальный, я с ним
За радушный очаг,
Где царицы пурпур прядут.
Помогал ему лгать и бежать
Из объятий нимф, из пещер исполинов
И в киммерийскую ночь его провожал.
Был с ним и в бурю, в крушение,
И терпел несказанное горе.
Вздохнув, я сказал: «Злой Посейдон,
Гнев твой ужасен,
И сам я боюсь —
Уж вернусь ли на родину».

Едва я сказал это —
Запенилось море,
И из белых волн поднялась
Осокой венчанная голова морского бога,
И насмешливо крикнул он:

«Не бойся, поэтик!
Я не трону твой бедный кораблик.
И милую жизнь не буду пугать
Слишком опасною качкой.
Ведь ты, поэтик,
Меня никогда не гневил. Ни единой
Башенки ты не разрушил
В священном граде Приама.
Ни волоска не спалил ты в ресницах
Моего Полифема,
И в защиту тебе не давала советов
Богиня ума, Паллада-Афина».

Так прокричал Посейдон
И в море нырнул опять.
И над грубой боцманской шуткой

Под водой рассмеялись —
Амфитрита, толстая торговка рыбой,
И глупые дочки Неряя.

6

ПРИЗНАНИЕ

Тихо с сумраком вечер подкрался,
Грозней бушевала пучина.
И я сидел на побережье, глядя
На белую пляску валов.
Моя грудь поднималась, как море,
И, вздыхая глубоко, я был охвачен тоской
По тебе, прелестный образ,
Всюду мне предстающий,
Всюду зовущий меня,
Всюду, всюду —
И в шуме ветра, и в рокоте моря,
И в собственных вздохах моих.

Легкой тростью я написал на песке:
«Агнеса, я люблю тебя!»
Но злые волны плеснули
На нежное слово любви
И стерли его.

Ломкий тростник, зыбучий песок,
Текучие волны, вам я не верю больше!
Небо темнеет — сердце мятежней во мне,
И сильной рукой, в норвежских лесах
Я рву из земли высочайшую ель
И ее погружаю
В Этны пылающий зев, и этим
Гигантским пером, огнем напоенным,
Пишу я по темному своду неба:
«Агнеса, я люблю тебя!»

И каждую ночь будет пылать
В небе вечная надпись огня,

И все поколения внуков и правнуков
Прочтут, ликуя, слова небесные:
«Агнеса, я люблю тебя».

7

НОЧЬ В КАЮТЕ

Свои у моря перлы,
Свои у неба звезды,
Сердце, сердце мое,
Своя любовь у тебя.

Велики море и небо,
Но сердце мое необъятней.
И краше перлов и звезд
Сияет и светит любовь моя.

Прекрасное дитя,
Придвинься к большому сердцу.
Мое сердце, и море, и небо
Шумят, от любви пропадая.

* * *

К голубой небесной ткани,
Где чудесно звезды блещут,
Я прижался бы устами
В дикой страсти — бурно плача.

Эти звезды — очи милой,
Тысячекратно мне сияют,
Шлют приветливую ласку
С голубой небесной ткани.

К голубой небесной ткани,
К ним, глазам многолюбимой,
Поднимаю благодарно руки.
И прошу и умоляю:

Милые глаза, огни,
Осените душу мне!

Пусть умру — чтоб приобрести
Вас и с вами ваше небо!

* * *

С трепетом из глаз небесных
Льются искры золотые.
И сквозь ночь мою и душу
Ширится тоска все дальше.

О глаза небес высоких,
Плачьте над моей душой,
Чтобы светлым плачем звезд
Переполнилась моя душа.

* * *

Убаюканный волнами,
Будто в думах, будто в грезах,
Тихо я лежу в каюте,
В уголке на темной койке.

Сквозь открытый люк я вижу
Высоко сиянье звезд.
Это — милые глаза
Дорогой моей и милой.

Эти милые глаза,
Не дремля, следят за мной,
И сияют, и зовут
С голубой небесной выси.

В голубую высь небес
Долго я смотрю, счастливый,
До того, пока туман
Милые глаза не скроет.

* * *

В досчатую стену,
Где моя голова, мечтая, лежит, —
Стучатся волны — дикие волны.
Они шумят и бормочут

Мне тайно на ухо:
«Отпетый товарищ!
Рука коротка у тебя, а небо высоко,
И звезды там крепко прибиты
Золотыми гвоздями.
Напрасно тоскуешь, напрасно вздыхаешь,
Самое лучшее — уснул бы немного».

* * *

Мне снился край далекий, пустошь,
Покрытая недвижным белым снегом.
И там под белым снегом я лежал
И спал холодным непробудным сном.

А сверху, с неба темного, смотрели,
Светили над моей могилой звезды.
Глаза горели их непобедимо,
Спокойно-ясные, но полные любви.

8

БУРЯ

Ярится буря
И бьет о волны,
И волны, яростно пенясь, упрямые,
Вверх громоздятся. Идут живые
Белые горы воды.
И кораблик взлетает на них,
Торопливый, в трудом.
И внезапно он рушится вниз,
В черный широкий зев водной пучины.

О море!
Мать красоты, из пены рожденной!
Праматерь любви! Пощади меня!
Уж кружится, почуя труп,
Белым призраком чайка
И точит о мачту клюв.
И, жадная на корм, алчет сердца,

Что звучит хвалою дочери твоей
И что твой внук-хитрец
Избрал игрушкою своей.
Напрасны мои моления!
Мой призыв пропадает в грохоте бури,
В диком шуме ветра.
Все кипит и свистит, трещит и ревет
В сумасшедшем доме звуков.
Но между ними я слышу внятно
Манящие звуки арфы,
Тоскливо-дикое пенье,
И душу рвущее и нежное,
И я узнаю тот голос.

Далеко у скал шотландских,
Где лепится маленький серый замок
Над бьющимся морем,
Там, под стрельчатым окном,
Стоит прекрасная больная женщина.
И она играет на арфе и поет,
И ветер взвевает ее длинные волосы
И несет ее темную песню
Над широким бушующим морем.

9

ШТИЛЬ

Тихо на море. Лучи
Солнце бросило на воду,
И корабль волнует влагу,
Оставляя след зеленый.

У руля лежит на брюхе
И храпит тихонько боцман.
Парус штопая, у мачты
Согнут юнга просмоленный.

Из-под грязи щек его
Пламя грустное сверкает.

Рот широк. И, страхом полны,
Смотрят ясные глаза.

Капитан стоит пред ним.
Он клянет, ругает: «Олух,
Олух! ты стащил селедку,
В бочку лазил, негодяй!»

Тихо на море. Всплывает
Рыбка умная со дна,
В свете солнечном головку
Греет и в волнах резвится.

Но стрелой из поднебесья
Чайка падает на рыбку
И с добычей в жадном клюве
Вверх взлетает, в синеву.

10

МОРСКОЙ ПРИЗРАК

А я лежал на борту корабля и смотрел
Дремлющим взором
В зеркально-прозрачную воду,
Проникая все глубже и глубже —
До самого дна морского.
Сначала как будто в тумане,
Потом краски стали ясней —
Показались церковные главы и башни
И, наконец, весь в солнце, целый город
Старофламандский,
Людьми обитаемый.
Важные граждане в черных плащах,
В белых фрезах, в почетных цепях,
С длинными шпагами, с лицами длинными
Шагают по людному рынку
К ратуше с высоким крыльцом,
Где императоров статуи
Стоят в карауле с мечами и скипетрами.

Неподалеку вдоль ряда домов,
Где окна блестят зеркалами
И пирамидами липы подстрижены,
Расхаживают, шелком шумя, девицы,
Стройные телом. Цветущие лица
Благонравно глядят из-под шапочек черных,
Из-под золота пышных волос.
Пестрые франты в испанском наряде
Мимо гордо проходят, кивая.
Старые женщины
В желтых отживших платьях,
Со свяtcами, с четками
Спешат торопливым шажком
К большому собору.
Их подгоняют звон колокольный
И шумящий орган.

Меня самого этот дальний звон
Охватил потаенной дрожью.
Тоска бесконечная, грусть
Крадутся в сердце,
В едва исцеленное сердце.
И кажется мне, будто ран его
Опять коснулись милые губы,
Чтоб вновь источалась кровь
Горячими красными каплями.
Они долго и медленно падают
На старый дом, что там, внизу,
В подводном городе, —
На старый, с высокой кровлей дом,
Унылый и безлюдный,
Где только у окна
Сидит, пригорюнясь, девушка,
Забытое и бедное дитя,
На руки голову опустив,
И знаю я тебя, забытое и бедное дитя!

Так вот куда, в морскую глубь
Ты скрылась от меня
Из детской прихоти.

И выйти не можешь больше,
И сидишь чужая среди чужих людей
Столетия целые,
Меж тем как в скорби
По всей земле я искал тебя
И всегда искал
Тебя, всегда любимую,
Давно утраченную
И найденную наконец.
Я вновь нашел тебя и снова вижу
Прекрасное лицо,
Умные и верные глаза
И мирную улыбку —
И теперь никогда тебя не покину,
К тебе опускаюсь
И, раскрыв объятия,
К сердцу твоему припаду —
Но во-время тут капитан
Схватил меня за ногу
И дальше от края меня оттащил
И молвил, сердито смеясь:
«В уме ли вы, доктор!»

11

ОЧИЩЕНИЕ

Останься в морской глубине ты,
Безумный сон,
Ты, некогда много ночей
Мне сердце лживым счастьем терзавший
И ныне, как призрак морской,
Мне и средь белого дня угрожающий.
Останься ты в бездне на вечные веки!
И я к тебе сброшу еще
Все мои скорби, и все грехи,
И колпак шутовской с бубенцами,
Что голову мне прозвенел,
И холодную гладкую кожу
Змеи-лицемерия,

Что́ долго мне душу сжимала,
Душу больную,
Бога отвергшую, небо отвергшую,
Окаянную душу!
Ой-гой! Ветер крепнет!
Вверх паруса! Заплескались они и вздулись!
Вдоль по погибельно-тихой равнине
Несется корабль —
И ликует душа на свободе.

12

МИР

Высоко в небе стояло солнце
Средь белых облак.
Море было тихим.
Задумчив, я лежал у руля,
Мечтательно-зadумчив — и в полубдень,
В полудремоте видел я Христа,
Спасителя мира.
В белой реющей одежде
Он брел, как великан,
Над сушей и над морем.
Головой упирался в небо;
Благословляя, руки протянул
Над сушей и над морем.
Вместо сердца в груди
Нес он солнце,
Красное пламенное солнце.
И пламенное солнце-сердце
Лило лучи благие,
Свой милый и блаженный огонь,
Светящий и греющий
Над сушей и морем.
Колокольные звуки тянули важно
Туда и сюда, тянули, как лебеди,
За ленты розовые скользкий корабль,
Играя, влекли его к зеленому берегу,

Где люди живут в нагроможденном
Высящемся граде.
О чудо покоя! Как тих этот город!
Блажен даже шум глухой
Болтливых и душевных ремесел.
А по чистым и гулким улицам
Люди проходят в белых одеждах,
С пальмовой веткой в руке.
И вот, встречаясь, двое
Смотрят глаза в глаза с пониманьем
И, дрожа от любви, в отречении сладком
Целуют друг друга в лоб
И взор поднимают
К светилу, сердцу спасителя,
Что радость и мир, свою красную кровь
Вниз проливает.
И трижды блаженно они говорят:
«Хвала Иисусу Христу!»

Если б ты этот сон сочинил,
Что б ты дал за него,
Возлюбленный!
Ты, головой и ляжками слабый,
В вере так ты силен!
И троицу чтишь в простоте
И у покровительницы высокой целуешь
И мопса ее, и крест, и длань.
И ханжой пролезаете затем
В надворные, в статские тоже,
А потом и в советники власти самой —
В набожном городе,
Где только песок и вера цветут,
И святейшей Шпре терпеливые воды
Моют души и чай разбавляют.
Если б ты этот сон сочинил,
Возлюбленный!
Ты понес бы его на торги, на ярмарку,
И расплывался б в молитве, в смиренье
Твой кроткий, моргающий лик!
И вот уж ее сиятельство важное

В экстазе и трепете сладком,
С тобою вместе молясь, склоняет колени.
И глаза ее, в блаженстве сияя,
Обещают тебе прибавку
В сто талеров прусского курса.
А ты, руки сложив, бормочешь:
«Хвала Иисусу Христу!»

ЦИКЛ ВТОРОЙ

1

ПРИВЕТ МОРЕЮ

Талатта! Талатта!
Привет тебе, вечное море!
Привет тебе десять тысяч раз
От ликующего сердца —
Как некогда от десяти тысяч
Греческих сердец,
С бедами боровшихся,
По отчизне томившихся,
Всемирно славных сердец!

Вставали волны —
Вставали, шумели,
И солнце, играя, пролило
На волны розовый свет.
Стаи вспугнутых чаек
Прочь отлетели с громкими криками:
Били копытами кони; гремели щиты,
И разносилось далеко кличем победным:
Талатта! Талатта!

Привет тебе, вечное море!
Как родины речь — шум твоих волн,
Сны детства мерцают и встают предо мной,
Над твоим забытым простором,

И старая память вторит мне вновь
О всех дорогих и милых игрушках,
О святочном блеске подарков,
О перлах, рыбках золотых и раковинках
пестрых,
Что ты бережливо таишь
Внизу, в своем хрустальном доме.

О, как я в чужбине томился!
Словно увядший цветок
В жестянке ботаника —
Сердце лежало в груди,
Как будто я долгую зиму, больной,
Был заперт в темном больничном покое,
И вот неожиданно его покинул —
И мне ослепительно светит навстречу
Весна изумрудная, солнцем разбуженная,
И в белом цвету деревья шумят,
И цветы молодые глядят на меня
Душистыми пестрыми взорами,
Благоухает все, гудит, и дышит, и
смеется,
И в небе голубом птички поют —
Талатта! Талатта!

О храброе и в отступление сердце!
Как часто, как горестно часто
Тебя теснили варварки севера!
Метали жгучие стрелы в тебя
Из больших победоносных глаз.
Грозили мне грудь расколоть
Кривыми мечами слов.
Бедный мой, оглушенный мозг разбивали.
Напрасно я щит простираю навстречу.
Стрелы шипели, удары гремели,
И варварки севера
Меня оттеснили к морю —
И, свободно дыша, я приветствую море,
Спасительно-чуждое море,
Талатта! Талатта!

2

ГРОЗА

Тяжко нависла над морем гроза,
И черную стену туч
Прорезает зубчатая молния,
Быстро сверкнув и исчезнув —
Как шутка из головы Крониона.
Далеко по бурно-пустынным водам
Грохочет гром,
И скачут белые кони-валы,
Самим Бореем рожденные
От чудных кобылиц Эрихтона,
И реют в испуге морские птицы,
Как тени у вод Стикса,
Хароном гонимые от барки его полуночной.

Бедный, резвый кораблик,
Дурной он затеял танец!
Эол выслал ему расторопных ребят,
Что дико играют, веселя хоровод, —
Свистит один, другой трубит,
А третий глухо вторит контрабасом.
И боцман, качаясь, стоит у руля
И смотрит, глаз не сводя, на компас —
Дрожащую душу кораблика —
И руки с мольбой к небесам простирает:
«Спаси нас, Кастор, воинственный всадник,
И ты, кулачный боец Полидевк!»

3

КРУШЕНИЕ

Любовь и надежда! Все пропало,
И сам я, как мертвец,
Враждебно выброшенный морем,
Лежу на берегу,
Глухом, холодном берегу.
Передо мною — волны, водная пустыня,

Позади лежат беда и горе,
И надо мной проходят облака,
Бесформенные дочери воздуха.
Они из моря туманными ведрами
Черпают воду,
С трудом ее влачат, и тащат,
И снова опрокидывают в море —
Безрадостная и скучная работа
И бесполезная, как жизнь моя.

Бормочут волны, резки крики чаек,
Воспоминанья старые веют на меня —
Забывшие сны, угасшие образы
В муках сладких вновь возникают.

Живет на севере женщина,
Прекрасная, королевски прекрасная.
Стан ее, стройный, как пальма,
Жадно охвачен белой одеждой.
Обилие темных волос,
Словно блаженная ночь,
Пролившись с головы, увенчанной косами,
Змеится чудно
Вкруг чудного, бледного лица.
Велик и могуч, горит ее взор,
Словно черное солнце.

О, черное солнце, как часто,
С восторгом, часто, я пил из тебя
Дикий огонь вдохновенья,
И стоял, и шатался в пламенном хмеле.
И тогда парила голубино-кроткая улыбка
У высоко сжатых, гордых губ,
И высоко сжатые, гордые губы
Шептали слова, сладко, как лунный свет,
И нежно, как запах розы, —
И моя душа поднималась
И летела, подобно орлу, к небесам!

Молчите вы, волны и чайки!
Все миновало. Любовь и надежда —

Надежда и счастье! Лежу я на берегу,
Одинокий, морем ограбленный,
И горящим лицом припадаю
В мокрый песок.

4

НА ЗАКАТЕ

Прекрасное солнце
Спокойно склонилось в море.
Зыбкие волны окрасила
Темная ночь.
И только заря осыпает их
Золотыми лучами.
И шумная сила прилива
Белые волны теснит к берегам,
И волны скачут, спеша, веселясь,
Как стадо белоруных овец,
Что вечером к дому
Гонит пастух, распевая.

«Как солнце прекрасно!» —
Сказал мне по долгом молчанье мой друг,
Со мною у моря бродивший...
И полугрустно, полупутливо
Уверял он меня, будто солнце —
Прекрасная женщина, что по расчету
Она замуж пошла за старого бога морей.
И днем она радостно бродит
По небу высокому, в пурпуре вся
И сверкая алмазами.
И все ее любят, и все ей дивятся —
И созданья земные она веселит
Светом глаз своих и теплом.
Но, безутешная, вечером она поневоле
Возвращается вновь
Во влажный дом, в объятья пустые
Седого мужа.

«Поверь мне, — прибавил мой друг,
Смеясь и вздыхая и снова смеясь, —
Это одно из нежнейших супружеств!
Они или спят или бранятся —
И море тогда высоко вскипает,
И в шуме морском слышат тогда шкипера,
Как старый жену клянет и поносит:
«Круглая ты потаскушка вселенной!
Лучеблудница!
Целый ты день горишь для других,
А ночью для меня — ты холодна и устала!»
После таких увещаний постельных, конечно,
Ударяется в слезы
Гордое солнце, сетуя в горе.
И сетует горестно так, что бог морской
С отчаянья прочь из постели кидается
И поскорее наверх выплывает —
Воздухом свежим дохнуть, освежиться.

Я сам его видел прошедшею ночью:
По пояс вынырнул он из воды
В фланелевой желтой фуфайке,
В лилейно-белом ночном колпаке
Над ветхим лицом».

5

ПЕСНЬ ОКЕАНИД

По-вечернему бледным становится море,
И, одинок, со сроей одинокой душой
Сидит человек на пустом берегу
И смотрит смертельно-холодным взглядом
На далекое смертно-холодное небо
И на широкое, волнами шумящее море.
И по широкому, волнами шумящему морю
Пловцы воздушные, вздохи его,
Плывут, и назад возвращаются грустно,
И находят закрытым сердце,
Гавань свою.

А он стонет так громко, что белые чайки,
С песчаных гнезд пугливо поднявшись,
Стаями реют над ним.
И он говорит им, смеясь:

«Черноногие птицы,
На белых крыльях моря облетающие,
Клювом кривым пьющие воду морскую,
Жрущие ворвань и мясо тюлене, —
Горька ваша жизнь, как и пища ваша!
Я же, счастливец, вкушаю лишь сладкое,
Вкушаю я сладкий запах розы,
Соловьиной невесты, вскормленной лунным светом,
И вкушаю еще послаще
Пирожки со сливками битыми.
И сладчайшее тоже вкушаю —
Любовь и взаимность сладкую.
Она любит меня, она любит, прекрасная дева!
Она там сейчас, на балкончике дома,
И в сумерках смотрит на дорогу проезжую,
Ждет и тоскует по мне — наверное!
Тщетно ищет кругом и вздыхает,
И, вздыхая, спускается в сад,
И бродит средь запахов и лунного света,
И с цветами ведет разговор, говоря им,
Как я — ее милый — хорош
И стою любви — наверное!
Потом и в постели, во сне
Блаженно ей мой образ родимый мелькает.
И даже утром, за кофе, она
На бутерброде блестящем
Видит смеющийся лик мой
И поедает его от любви — наверное!»

Так хвастает он и хвастает,
А тем временем чайки кричат
Холодным насмешливым криком.
Ночные туманы восходят.
Из сизого облака жутко
Глядит как трава пожелтевший месяц!

Волны морские встают и шумят,
И из пучины шумящего моря
Тоскливо, как свист летящих ветров,
Слышится пенье океанид,
Милосердых, прекрасных женщин морских.
И слышнее других ласковый голос
Сереброногой супруги Пелея...
Океаниды уныло поют:

«О глупец ты, глупец, хвастливый глупец!
Горем замученный!
Убиты надежды твои,
Шаловливые дети сердца.
И вот твое сердце, как у Ниобы,
Окаменело от скорби.
И голову твою затмевает ночь,
И сверкают уже молнии безумья,
И хвастаешь ты от боли!
О глупец ты, глупец, хвастливый глупец!
Упрям ты, как твой прародитель,
Великий титан, что с неба похитил
Огонь у богов и дал его людям,
И, коршуном мучим, к утесу прикован,
Олимпу грозил, и стонал и ругался так,
Что в море глубоко мы слышали крик его
И вышли к нему с утешительной песней.
О глупец ты, глупец, хвастливый глупец!
Ты ведь бессильней еще.
И было б умней богов почитать
И влачить терпеливо бремя скорбей,
Влачить его долго, так долго,
Пока и Атлас не утратит терпенья
И тяжкого мира не сбросит с плеч
В ночь без рассвета».

Так песня звучала океанид,
Милосердых и чудных женщин морских.
Но шумные волны их заглушили —
За тучами спрятался месяц,
Ночь раскрыла свой зев.
И долго сидел в темноте я и плакал.

6

БОГИ ГРЕЦИИ

О полноблистающий месяц! В свете твоём,
Словно текучее золото, море сверкает.
Будто светом дневным, в зачарованных сумерках,
Берег далекий облит.
И в синеве беззвездного неба
Белой грядой плывут облака,
Словно богов колоссальные лики
Из светлого мрамора.

Не облака это! Нет!
Это сами они — боги Эллады,
Некогда в радости миром владевшие,
А ныне в изгнание и смертном томленье,
Огромные призраки, бродят они
По небу полному.

В ослеплении чудном я созерцаю
Средь Пантеона небесного
Безмолвно торжественный и пугающий ход
Исполинов воздушных.
Вот Кронион, владыка небес,
Белы, как снег, его кудри,
Олимп потрясавшие, славные кудри.
Он держит в руке угасшую молнию,
На лице его — скорбь и невзгода.
И все еще — старая гордость.
Чудесное было то время, о Зевс,
Когда ты по-царски себя улаждал
Гекатомбами, мальчиков красотой и нимф!
Но и боги правят не вечно,
Старых теснят молодые и гонят,
Как некогда сам ты седого отца
И титанов, дядей своих, прогнал,
Отцеубийца Юпитер!
Узнаю и тебя я, Юнона надменная!
Не спаслась ты ревнивой тревогой,
Другая скипетром все ж завладела.

И только подумаю, как трусливы и ветрены
Боги, вас победившие,
Новые, к власти пришедшие, скучные боги,
Злобу несущие в шкуре овечьей, —
О, тогда гнев меня темный хватает,
И сломать я хотел бы новые храмы
И биться за старых богов,
За них, их амброзию и доброе право
И за высоких родителей их.
Пусть воскреснут они, и, в жертвенном дыме,
Я сам бы колени склонил в молитве
И, моля, руки простер бы, —

Едь всегда вы, старые боги,
Бывало, в битвах людских принимали
Сторону тех, кто одержит победу.
Великодушнее вас человек —
И в битвах богов я принимаю
Сторону побежденных богов.

Так говорил я, и заметно краснели
Бледные лики вверху, в облаках,
Глядя на меня умирающим взором,
И, просветленные скорбью, исчезли внезапно.
Месяц скрылся как раз
За тучей, вдруг потемневшей.
Вновь зашумело море,
И победно вышли на небо
Вечные звезды.

7

ВОПРОСЫ

У моря, пустынного моря полночного,
Юноша грустный стоит.
В груди тревога, сомненьем полна голова,
И мрачно волнам говорит он:
«О, разрешите мне жизни загадку —

Древнюю, полную муки загадку.
Уж много мудрило над нею голов —
Голов в колпаках с иероглифами,
Голов в чалмах и в черных беретах,
Потеющих, жалких голов человеческих...
Скажите мне, волны, что есть человек?
Откуда пришел он? Куда пойдет,
И кто там над нами живет на звездах?»

Волны журчат своим вечным журчаньем,
Веет ветер, бегут облака,
Сверкают звезды безучастно-холодные,
И глупец ожидает ответа.

8

ФЕНИКС

Летит с запада птица —
Летит к востоку,
К восточной отчизне садов,
Где пряные травы в аромате растут,
И пальмы шумят, и ручьи освежают —
И чудесная птица, летая, поет:

«Она любит его, она любит его!
Она образ его носит в маленьком сердце,
Она прячет его в сладостной тайне,
Не зная того сама.
Но во сне он стоит перед ней,
Она молит, и плачет, и руки целует ему,
И имя его называет,
И, зовя, пробуждается, и лежит, как в испуге,
И глаза прекрасные трет, изумленная, —
Она любит его, она любит его!»

На палубе, к мачте спиной прислонясь,
Стоял я и слушал пение птицы.
Как черно-зеленые кони с серебряной гривой
Скакали белокудрявые волны.

Как лебединые стаи, мимо прошли,
Парусами блестя, корабли гелголандцев,
Смелых номадов полночного моря!
Надо мной в синеве извечной
Плыло белое облако,
И пылало вечное солнце,
Роза небес, цветущая пламенем,
Радостно в море себя отражая, —
И небо, и море, и сердце мое
Звучали эхом:
«Она любит его, она любит его!»

9

В ГАВАНИ

Счастлив, кто гавани мирной достиг
И, за собою оставив море и бури,
Снова в тепле и покое сидит —
В добром погребе бременской ратуши.

Как душевно и мило мир отражен
В стакане зеленом с ромом,
И как солнечно микрокосм струистый
Втекает в сердце, жаждой томимое!
И вижу я всё в стакане:
Историю древних и новых народов,
Турок и греков, Ганса и Гегеля,
Лимонные рощи и вахтпарады,
Берлин и Шильду, Тунис и Гамбург,
Но перед всем — образ милой моей,
Лик херувимский
В глубине золотистой рейнвейна.

О, как прекрасна, прекрасна ты, милая!
Ты — словно роза!
Только не роза ширазская,
Соловьиная роза, Гафизом воспетая,
И не роза саронская,
Священно-пурпурная, праздник пророков.

Ты — роза погреба бременской ратуши!
Это — роза из роз:
Чем старше она, тем милее цветет.
Ароматом ее небесным я охмелен,
Вдохновлен им я и напоен,
И — не схвати меня за вихор
Погребщик из бременской ратуши —
Я свалился б под стол.

Славный малый! Мы вместе сидели
И пили, как братья.
Мы говорили о важных тайных предметах,
Мы вздыхали, сжимали друг друга в объятьях,
И он обратил меня к вере в любовь —
Я пил за здоровье злейших врагов.
И всем поэтам плохим я прощал,
Как и мне простится современем.
В благоговенье я плакал, и вот —
Предо мною открылись ворота спасенья,
Где двенадцать апостолов, бочки святыне,
Проповедуют молча, но все же понятно
Для всех народов.

Вот это мужи!
Неприметные с виду, в дубовых камзолах,
Они изнутри прекрасней и ярче
Всех гордых левитов храма,
Гайдуков и придворных Ирода,
Украшенных золотом, в пурпур наряженных, —
Я ведь всегда говорил:
Не средь люда простого,
Но средь избранных только живет постоянно
Царь наш небесный.

Аллилуйя! Как сладостно веют
Вокруг меня пальмы вефилские!
Как ароматны мирты хевронские!
Как шумит Иордан, словно пьяный от радости! —
Мою душу бессмертную тоже качает.
И качаюсь я сам, и, шатаюсь,

Ведет меня лестницей кверху, к свету дневному
Мой погребщик из бременской ратуши.

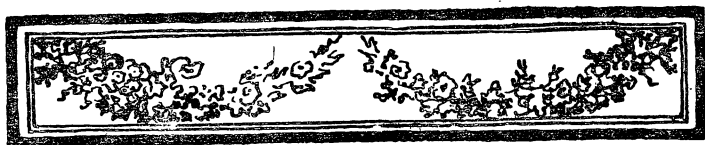
О мой погребщик из бременской ратуши!
Видишь — на крышах домов уселись
Ангелы. Пьяны они и поют.
Горящее солнце там, наверху,
Словно красный упившийся нос,
Нос мирового духа,
И около этого красного носа
Вертится допьяна выпивший мир.

10

ЭПИЛОГ

Как на поле колосья пшеничные,
Растут и волнуются в душе человека
Мысли его.
Но хрупкие мысли любви
Между ними ярко цветут —
Цветы голубые и красные.

Цветы голубые и красные!
Жнецу ворчливому вы бесполезны,
Нагло вас цеп деревянный раздавит.
Даже путник бездомный,
Вами любуясь и тешась,
Качнет головой и вас назовет
Кличкою плевел прекрасных.
Но молодая крестьянка,
Сплетая венок,
Вас почтит, и вас соберет,
И волосы вами украсит,
И в этом венке поспешит к хороводу,
Где флейты и скрипки отрадно звучат,
Или в тихую рощу,
Где милого голос звучит отрадней
И флейт и скрипок.

ДОПОЛНЕНИЯ К «КНИГЕ ПЕСЕН»

К «СТРАДАНИЯМ ЮНОСТИ»

ПЕСНИ

1

ЛЮБОВНЫЙ ПРИВЕТ

Красотой и чистотой
Ты блистаешь неземной,
Нет мне радости иной —
Быть всю жизнь твоим слугой.

Кроток взор лучистый твой,
Словно месяц в час ночной;
Алых щечек пышный зной —
Розы раннею весной.

И жемчужной белизной
Блещет ротик дорогой!
Но алмаз чистейший твой —
Он сокрыт в душе живой.

Я любовью святой
Воспылал с минуты той,
Как увиделся с тобой,
Чудо-дева, ангел мой.

2

ЛЮБОВНАЯ ЖАЛОБА

Одинок, в укромной келье,
Я печаль таю от всех;
Мне неведомо веселье,
Я бегу людских утех.

Слезы льются чередою,
Льются медленно в тиши;
Но умеришь ли слезою
Жар пылающей души!

Отрок резвый, я, бывало,
Отдавал игре досуг,
Сердце горести не знало,
Жизнь смеялася вокруг.

Ибо мир был пестрым садом,
Где бродил я, властелин,
Обводя любовным взглядом
Розы, ландыш и жасмин.

Волны кроткие свободно
По лугам катил родник;
А теперь на глади водной
Чей-то бледный вижу лик.

Стал я бледен в день, как с нею
Повстречался страстный взор;
Тайной болью я болею,
Дивно, дивно мне с тех пор.

В сердце райские святыни
Я лелеял много дней,
Но они взлетели ныне
К звездной родине своей.

Взор окутан мглой туманной,
Тени встали на пути,

И какой-то голос странный
Тайно жив в моей груди.

Болью странной, незнакомой
Я объят, во власти чар,
И безжалостной истомой
Жжет, палит меня пожар.

Но тому, что я сгораю,
Что кипит немолчно кровь,
Что, скорбя, я умираю, —
Ты виной тому, Любовь!

3

ТОМЛЕНИЕ

Куда ни помотришь — под липой, в тени
С подружкой паренек;
А я-то — господь, спаси, сохрани! —
Один, как перст, одинок.

Увижу таких вот счастливых двоих,
И тоской сжимается грудь:
И я ведь любимой моей жених,
Да только неблизкий к ней путь.

Терпел я разлуку, как только мог,
Но больше и сил уже нет.
Я вырежу трость, увяжу узелок,
Пушусь на свободу, в свет.

Пройдет в пути и день и другой,
И город увижу я вдруг;
Стоит он в устье, над рекой,
Три башни, три башни вокруг.

Вот тут-то конец тревоге моей,
Настанут светлые дни;
Вот тут-то бродить мне с подружкой, с ней,
Под липами, в тени.

4

БЕЛЫЙ ЦВЕТОК

В саду отцовском укрыт в тени
Унылый, бледный цветок;
Минули снежные зимние дни —
Все так же бледен цветок.
Глядит он и весной
Невестою больной.

Мне шепчет бледный цветочек вслед:
«Сорви меня, милый брат!»
И я цветку отвечаю: «Нет.
Не ты приковал мой взгляд;
Не жить мне, о тоска,
Без алого цветка».

И молвит бледный цветочек: «Что ж,
И смерть недалека;
До самой смерти не найдешь
Ты алого цветка.
Меня сорви, о друг,
Ведь тот же в нас недут».

Так шепчет бледный цветок, и я
Срываю робко его.
И разом светлеет душа моя,
Рассеялось колдовство.
На грудь, чей удел страдать,
Нисходит благодать.

5

ЧАЯНИЕ

Там, вверху, где звезды светят,
Там лишь нас улады встретят,
Коиx в жизни этой нет;

Только холод, тот, что веет
За могилой, нас согреет;
Только мгла рождает свет.

РОМАНСЫ

1

ПОСВЯЩЕНИЕ

Одинок, в лесной часовне,
Перед образом Пречистой
Распростерся бледный отрок,
Преисполненный смиренья.

«О Мадонна! Дай мне вечно
Быть коленопреклоненным,
Не отталкивай обратно —
В мир холодный и греховный.

О Мадонна! Лучезарны
Эти солнечные пряди,
И цветут улыбкой кроткой
Розы уст твоих священных.

О Мадонна! Эти очи
Светят людям, словно звезды;
Их сиянье правит ходом
Заблудившегося судна.

О Мадонна! Не колеблясь,
Нес я бремя испытаний,
Лишь священной веря страсти,
Лишь твоим огнем пылая.

О Мадонна! Ты, источник
Всех чудес, внимли мне ныне,
Дай мне знак благоволенья,
Только легкий знак подай мне!»

И дивное диво мгновенно свершилось,
Лесная часовня исчезла, сокрылась,
И отрок в смущении: разом, вдруг
Преобразилося все вокруг.

В чертоге пышном пред ним Мадонна;
Сияния нет, но лицо благосклонно:
Чудесною девушкой стала она,
Улыбка по-детски чиста и ясна.

Глядит на него и по-детски смеется,
И с прядью светлых волос расстаётся,
И словно с неба звучит голосок:
«Вот высшей награды земной залог!»

И — порука в светлом чуде! —
Многоцветно засверкали
В небе полосы, и люди
Это радугой назвали.

Слышны ангельские хоры,
Шелест крыльев белоснежных;
Дивно полнятся просторы
Благозвучьем гимнов нежных.

И, гармонии внимая,
Он постиг свое томленье:
Где-то там страна иная —
Мирта вечного цветенье!

2

СЕРЕНАДА МАВРА

В сердце дремлющей Зюлеймы
Пусть слеза моя прольется,
И тогда оно к Абдулле
Страстью трепетной забьется.

Слуха дремлющей Зюлеймы
Вздохи пусть мои коснутся,

И в ее головке грезы
Об Абдулле всколыхнутся.

Ручку дремлющей Зюлеймы
Ороси, поток пурпурный, —
Пусть окрасится Абдуллы
Кровью, алою и бурной.

Ах, страданье молчаливо,
И язык его туманен —
Только слезы, вздохи, кровь,
Кровь того, кто насмерть ранен!

СОНЕТЫ И РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

ВЕНОК СОНЕТОВ А.-В. ШЛЕГЕЛЮ

1

Гнуснейший червь — сомнения укоры,
Гнуснейший яд — в свои не верить силы:
Я их познал, был на краю могилы, —
Росток, лишенный дружеской опоры.

И ты к нему склонил с участием взоры.
И вокруг тебя росток обвился хилый;
И если он воспрянет, легкокрылый,
То ты — пособник, благостный и скорый.

И, может быть, современем аллеи
Украсит он в саду чудесной феи,
Той, что тебя избранием почтила.

Про этот сад мне нянька говорила:
Там все — очарование для слуха,
Поют цветы, звенят деревья глухо.

II

Ты своему не верил достоянью,
И рейнская тебя манила сага;
Ты смело рвал цветы в долине Таго
И Темзу обложил чудесной данью.

Служила Сена славе и стяжанью,
Суровый Тибр твои умножил блага;
Ты знал и Ганг и влекся, весь отвага,
К святыне Брамь дерзостною дланью.

О ненасытный, есть всему граница,
Пришла пора богатством насладиться;
Так не копи, а расточай отныне.

Сокровищами, добытыми с юга
И с севера, ты осчастливишь друга,
Ученика, наследника святыни.

2

ГОФРАТУ ГЕОРГУ С. В ГЕТТИНГЕНЕ

Осанка величаво-благородна,
Вкруг уст — души высокой излученья,
Блестящий взор, все мышцы в напряженье,
Но речь течет бесстрастно и свободно.

Твой голос нам вещает о народной
Истории, о мудром устремленье
Правительств, о развитии и дробленье
Германии, о связи стран природной.

Таким тебя я в мыслях сохранил!
В наш век самовлюбленного уродства
Отраден вид такого благородства.

Но то, о чем со мной ты говорил
Наедине, отечески сердечно,
На дне души со мной пребудет вечно.

3

Ж.-Б. Р.

Открыта грудь для дружеского слова,
Разверзлось сердце, рухнула преграда;
Опять со мной волшебная услада,
Я родину как будто вижу снова.

Катятся волны Рейна голубого,
Старинных замков высится громада,
И никнут долу гроздья винограда,
Созревшего и солнцем налитого.

К тебе, к тебе, что предан мне доныне
И льнет ко мне доныне, так, как льнет
Зеленый плющ к безрадостной руине!

К тебе, к тебе — отдаться тихим думам
Под песнь твою, и пусть в кустах поет
Малиновка и Рейн катится с шумом.

4

ФРЕСКО-СОНЕТ ХРИСТИАНУ 3.

Мир для меня был пыткой сплошною
В застенке, где ногами вверх висело
Мое в клочки истерзанное тело,
Зажатое колодою стальною.

Из уст иссохших била кровь струею,
И я вопил — в мозгу моем кипело;
И девушка, что мимо шла, умело,
Уколом в сердце, кончила со мною.

И вот глядит, как дрожью сводит члены,
Как на губах вскипают клочья пены,
Как высунут язык, тугой и липкий;

И слушает, как кровь из раны хлещет,
Как сердце, в муке, все еще трепещет, —
И так стоит, с холодною улыбкой.

5

НОЧЬ НА ДРАХЕНФЕЛЬЗЕ

Фрицу ф.-Б.

В полночный час до замка мы добрались,
Зажгли костер в подножье цитадели,
Уселись тесным кругом и запели,
И в песне той победы вспоминались.

В честь родины вином мы упивались
И снизу дух на вышке подсмотрели;
В потёмках латы рыцарей блестели,
И покрывала женщин развевались.

Стонали камни, дики и суровы,
Вопили вокруг неистовые совы,
И веяло ненастьем отовсюду.

Так вот, мой друг! Я был на Драхенфельзе
И ночь провел там, но продрог донельзя
И вынес только насморк и простуду.

6

ФРИЦУ ШТ. В АЛЬБОМ

Раздолье злу, а доброму — препоны,
Не мирт в цене, а ствол осины тощей,
Что по ветру листву свою полощет,
Не жар в цене, а треск неугомонный.

И тщетно ты возделываешь склоны
Парнасские, растишь цветы и рощи; —
Коль не поймешь, что дело много проще,
Везде и всюду ждут тебя уроны,

Готовясь в бой, точи, приятель, зубы,
Труби вовсю в критические трубы,
Глядя кругом внимательно и зорко.

Пиши не для потомства, а для черни.
Побольше треска! — и избежнешь терний,
И будет обожать тебя галерка.

7

ФРАНЦУ ф.-Ц.

На север я мчусь, за звездой золотой;
Прости, обо мне вспоминай порой!
Не рви с поэзией уз,
Храни с ней сладостный союз!
Храни в груди, как заветный клад,
То, чем родной язык богат.
Когда на север прибудешь ты сам,
Внемли прибрежным морским голосам;
Услышишь далекий, далекий звон,
Парящий поверх величавых волн.
И, может статься, уловишь ты вдруг
Знакомого голоса дальний звук.
Тогда и ты ударь по струнам,
И слух мой улади ты сам:
Поведай, какая судьба твоя
И живы ли милые друзья;
И также *о той* поведай, певец,
Что столько юных пленила сердец
И столько огня зародила в них,
Цветущая роза у вод голубых!
О родине также поведай мне,
Цветет ли верность в моей стране,
И жив ли немецкий старый бог,
И так же ль народ в благочестье строг.
Пусть сладостно песня твоя прозвучит,
Пусть ветер ее по волнам домчит
Ко мне, побережьем северных вод —
И радостью сердце певца процветет,

8

УРОК

Пчелке твердила мать:
«Полно на свет летать!»
Только ее урок
Юной пчеле невпрок.

Носится вокруг огня,
Гулко жужжа, звеня;
Мать ей кричит вослед:
«Пчелка, опасен свет!»

Кровь, молодая кровь...
Вновь бы кружить и вновь;
Ярок свечи огонь, —
«Пчелка, крылом не тронь!»

Вспыхнул огня язык,
Пчелка сгорела вмиг, —
Это тебе урок,
Бойся любви, сынок!

9

СОН И ЖИЗНЬ

Бродил я в тиши, пылающим днем,
С тревогой в пылающем сердце своем.
Когда же стемнело, прокрался я прочь,
К цветущей розе, в душную ночь.

Я к ней подошел и застыл, недвижим,
И слезы текли по щекам моим;
Потом заглянул я в чашу цветка —
Там вспыхнуло что-то, как свет огонька.

И я счастливый заснул у куста,
И призраком поманила мечта:
Мне девушка-роза предстала во сне —
Вся в розовом привиделась мне,

И дар мне достался от девушки той,
И я его в домик отнес золотой.
А домик — невиданным дивам приют:
Там пляшет и кружится крохотный люд.

Там, за руки взявшись, не зная забот,
Двенадцать танцоров ведут хоровод;
И чуть лишь кончат они танцевать,
Как начинается танец опять.

И в звуках музыки тайная жуть:
Блаженного часа тебе не вернуть,
Всю жизнь свою ты провел во сне,
И этот миг — только сон во сне;

Рассвет забрезжил, как злой укор,
И к розе я обращаю взор —
Но вместо искорки в чаше цветка
Я вижу холодную слизь червяка.

К НЕЙ

Цветы с окраской алою и бледной,
Из крови ран возникшие для света,
Собрал я в вязь единого букета
И приношу красе твоей победной.

Прими же песнь, что чистым сердцем спета;
Да не пребудет жизнь моя бесследной!
Я знак любви тебе оставил бедный —
Когда умру, не забывай поэта!

Но не скорби, о мертвом вспоминая:
И в самой боли счастлив был мой жребий:
Тебя носил я в сердце, дорогая.

И высшему дано свершиться чуду:
Бесплотный дух, любить тебя на небе
И твой покой хранить я свято буду.

К «ЛИРИЧЕСКОМУ ИНТЕРМЕЦЦО»

1

К устам моим устами
Прильни, подруга, тесней!
Руками меня и ногами
И телом гибким обвей.

* * *

Вот, с силою неземною
Охвачен, обвит, пленен
Прекраснейшей в мире змеею
Блаженнейший Лаокоон.

2

Не верую я в небо,
В обман поповских месс;
В твои я верую очи,
Они мне — свет небес.

Не верую я в бога,
В обман поповских месс;
В твое я верую сердце,
Иных не знаю чудес.

В лукавого я не верю
И в ад, исполненный мук;
В твои я верую очи
И в злое сердце, мой друг.

3

Звезды в небе, протяните
Золотые к милой нити;
Бледный и больной поэт
Верен ей и шлет привет,

4

Мне мысль не дает покою,
И вечно я помню одно:
Что телом твоим и душою
Владеть мне было дано.

Доныне манит меня тело
Красою юной своей,
А душу — заройте смело,
Довольно с меня и моей.

Я душу готов, чтоб вдунуть
В тебя, пополам расколоть,
И мы сольемся с тобою
В единую душу и плоть.

5

Узы дружбы, пыл сердечный,
Философский камень вечный —
Я их славил, как и вы,
Но сыскать не мог, увы!

К ЦИКЛУ «ОПЯТЬ НА РОДИНЕ»

1

В облаках лежит луна
Исполинским померанцем;
Золотая полоса
В сером море блещет глянцем.

Я один на берегу,
Где прибоя плес седого,
Слышу много нежных слов,
Нежных слов со дна морского.

Слишком долго длится ночь,
Быть безмолвным сердцу трудно.
Никсы! Вас зову помочь
Пляской дружной, песней чудной.

К вам прильну я головой,
Вашим буду я всецело,
Нежьте до смерти меня,
Выцелуйте жизнь из тела.

2

В тучи кутаются боги,
Спят, и хорошо им спится.
Раздается храп их громкий,
А над морем буря злится.

Буря злится! Ботик бедный
Треплет ветер, гнева полный.
Кто же сдержит эти ветры,
Эти озорные волны?

С бурей, все равно, не сладить,
Мачта гнется, ветер злится;
Я закутываюсь тоже
В плащ — и мне, как богу, спится.

3

Вас просит, о фрейлейн, питомец муз,
Он болен, сломлен кручиной —
Позвольте, я покоем уплюсь
На вашей груди лебединой!

«Как, сударь! Честь моя задета!
Сказать мне в обществе, вслух, про это!»

4

К вечно вялой и усталой
Мог ли вровень подойти
Я, в любви сквозь ночь и скалы
Пролагающий пути?

Ты, ты всяческим преградам
Предпочла шоссе, и вот
Выступаешь с мужем рядом,
Честно выпятив живот.

5

Ты губы в кровь искусала мне,
Целуй же, чтоб им зажить,
И если до вечера ты не вполне
Управишься — что тужить!

У нас впереди еще целая ночь,
Подруга моя, любовь!
Мы можем с тобой целоваться всю ночь!
Опять, и еще раз, и вновь.

6

Когда ты меня заключила в объятья,
Душа моя к небу на крыльях взлетела,
И ей предоставил спокойно летать я
И усладил тем временем тело.

7

Лгут уста, но ложь понятна,
И лобзанья как дурман!
Ах, обманывать приятно,
Слаще — веровать в обман!

Пусть ты в руки не даешься,
Знаю я, чего добьюсь;
Верю, если ты клянешься,
Сам, поверив, поклянусь.

8

Рад бывал я побороть
Вождельенья грешный пыл,

Если ж не сдавалась плоть,
Я не так-то уж грустил.

9

Меня ты, крошка, не конфузъ
Поклонами на променаде;

Вот дома, там я не боюсь, —
С тобою мы поладим.

10

Превосходная хозяйка,
Дом содержит в чистоте
И печется об усадьбе,
О прислуге и скоте.

До последней грядки всполот,
Обработан огород,
И солома на постели,
Как никак, еще идет.

Но уста твои и сердце
Всуе вянут, страсть тая,
И использована плохо
Спальня тихая твоя.

К «ПУТЕШЕСТВИЮ ПО ГАРЦУ»

Грезы старые, проснитесь!
Вздогны, сердце, растворись!
Песни счастья, слезы грусти
Дивным строем полились.

Я хочу пройти меж елей,
Где ключом шумит вода,
Бродят гордые олени,
Раздается песнь дрозда.

Я хочу подняться в горы,
На отвесные скалы,
Где развалины седые
Спят в тених рассветной мглы.

Тихо сяду, вспоминая
О красе былых времен,
О былой цветущей славе
Закатившихся племен.

Поросла травкою площадь,
Там, где в бой вступал храбрец,
Добывавший на турнире
Победителя венец.

Плющ обвился вкруг балкона,
Там, где первая из дам
Повергала нежным взором
Победителя к ногам.

Ах! Обоих, победивших,
Смерть с лица земли смела,
Рыцарь с острою косою
Всех нас выбьет из седла.

К «СЕВЕРНОМУ МОРЮ»**МОРСКАЯ БОЛЕЗНЬ**

Серые полуденные тучи
Погружаются все глубже в море.
Оно, темнея, встает навстречу.
И между ними спешит корабль.

В морской болезни я все сижу у мачты
И размышляю о самом себе.
Старые, как пепел, размышления...
Их Лот, отец, еще слагал,
Вкусив добра, пожалуй, слишком,
Потом в беде себя почуя.
И помнится мне также древняя повесть,
Как пилигримы с крестом на груди
В пути через море образ утешный
Девы святой целовали прилежно.
И рыцари там в морском недуге
К перчаткам милым дамы своей
Губами прижимались, утешаясь, —
А я сижу и жую угрюмо
Селедку старую, соленую утеху
В моем похмелье и горести собачьей.

Меж тем все борется корабль
С диким бушующим морем.
Как вздыбленный конь, он встает теперь
На корму, так что руль трещит,
И через голову рушится вниз,
В ревущую пасть.
И опять, словно утомившись от страсти,
Беззаботно он прилегает
На черные груди гигантской волны.
Она мощно вскипает
И вдруг, беспутная,
Вся в белых завитках бросается вниз
И меня покрывает пеной.

Эта качка, паренье, вздыманье
Непереносимы больше!
Напрасно взгляд мой смотрит, ищет
Немецкий берег. Увы, одна вода,
Везде вода, вздымается года.

Как зимний путник вечером тоскует
О милой задушевной чашке чаю —
Так тоскует теперь душа по тебе,
Моя немецкая отчизна!
Все так же, верно, твоя земля покрыта
Безумьем, гусарами, виршами
И тепловато-мощными трактатиками.
Все так же, наверно, зебры твои
Откормлены розами, а не чертополохом,
И твои обезьяны знатные
В праздном наряде важно топорщатся
И мнят себя лучше всего другого:
Банального скота рогатого.
И так же, наверно, твои улитки
Себя бессмертными считают
За то, что медленно ползут,
И, верно, вопрошают каждый день,
Принадлежит ли сыр личинкам сыра?
И долго еще обсуждают,
Как овец из Египта улучшить,
Чтобы шерсть у них стала густою
И пастух мог бы стричь их, как стрижет
остальных.

Нет перемен —
Все так же глупость и неправда
Тебя всю покрывают, Германия.
И все же тоскую я по тебе,
Твердая суша.
— Как бы то ни было, но ты — твердая суша.

ТРАГЕДИИ

ВИЛЬЯМ РАТКЛИФ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

М а к - Г р е г о р, шотландский лорд.

М а р и я, его дочь.

Г р а ф Д у г л а с, ее жених.

В и л ь я м Р а т к л и ф.

Л е с л и, его друг.

М а р г а р и т а, кормилица Марии.

Т о м, хозяин воровского притона.

В и л л и, его маленький сын.

Р о б и н

Д и к

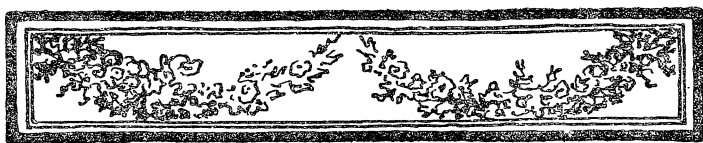
Б и л ь

Д ж о н

Т е д д и

Р а з б о й н и к и, слуги, гости на свадьбе.

Действие происходит в наше время, на севере Шотландии.

Комната в замке Мак-Грегора.

МАРГАРИТА сидит, скорчившись, неподвижно в углу.
МАК - ГРЕГОР. МАРИЯ. ДУГЛАС.

МАК - ГРЕГОР

(соединяет руки Дугласа и Марии)

Теперь вы муж с женой. Как ваши руки,
Так и сердца должны соединиться
В несчастьи и в радости — навеки.
Вас таинством двойным и неразрывным
Связали ныне церковь и любовь;
Двойное вам дано благословенье,
А вот — благословение отца.

(Возлагает руки на их головы, благословляя.)

ДУГЛАС

Горжусь, милорд, что вы теперь отец мой.

МАК - ГРЕГОР

Вдвойне горжусь я, граф, что вы мой сын.

Обнимаются.

МАРГАРИТА

(поет надтреснутым, безумным голосом)

«Зачем твой меч окрашен в кровь,
Эдвард, Эдвард?» *

* Слова из шотландской баллады.

Д У Г Л А С

(в испуге вскакивая и смотря на Маргариту)

Мой бог! Милорд, что за стеклянный звук?
Она поет, немая эта тень.

М А К - Г Р Е Г О Р

(с принужденною улыбкой)

Не бойтесь. Это — наша Маргарита,
Безумная. Страдает столбняком
Она давно. С застывшими глазами
Часами, скорчившись, лежит она;
Лишь иногда, как говорящий камень,
Не шевелясь, бормочет свой напев.

Д У Г Л А С

К чему держать вам пугало такое?

М А К - Г Р Е Г О Р

(тихо ему)

Потише. Слышит все она; давно бы
Прогнал я Маргариту — да нельзя.

М А Р И Я

Оставьте эту бедную в покое.
Что нового, скажите лучше, Дуглас?
Что в Лондоне? Мы ничего не знаем
В Шотландии.

Д У Г Л А С

Там все идет как прежде:
Охота, скачки, улица бушует,
Днем спят, а ночи превращают в дни.
Воксхолл, и рауты, и пикники,
Блистают Дрюрилен и Ковенгарден.
Шум оперный. За ноты для певцов
Дают банкноты. И толпа ревет
God save the King *. А в кабачках подвальных

* «Боже, храни короля» — английский гимн.

Политику разводят патриоты,
Ведут подписку, ссорятся, зевают
И пьянствуют в честь родины своей.
Дымится ростбиф, льется пенный портер,
И пишет ртуть коварные рецепты.
Воришек тьма. Мошенники изводят
Учтивостью, а нищие томят
Своими стонами и жалким видом.
Всего мучительней покрой одежды:
В обтяжку фрак, тугой стоячий галстук
И шляпа выше вавилонской башни.

М А К - Г Р Е Г О Р

Зато мне милы шапочка и плед.
Вы мудро поступили, сбросив эти
Дурацкие одежды. Дуглас должен
И с виду быть шотландцем, и сегодня
Особенно мне по сердцу, что всё вы
Шотландский милый носите наряд.

М А Р И Я

Как съездили вы, Дуглас, расскажите.

Д У Г Л А С

Доехал я в карете до границы.
Но так тащиться — скучно. И в Олд-Джедбри
Я взял коня. Я шпоры дал ему,
Притом и сам припшорен был любовью.
О вас одной я думал, и стрелою
Мчал конь меня сквозь горы и леса.
В лесу близ Инвернеса я едва
Не поплатился за свое раздумье.
Пиф! Паф! — меня три пули пробудили
От грез моих, над ухом просвистев.
Три негодяя кинулись ко мне.
Бой начался. Посыпались удары.
Я защищался яростно; но все же
Погибнуть мог. — Мария, вы бледны!
Шатаетесь...

МАРГАРИТА

(быстро подскакивает и подхватывает теряющую сознание Марию)

Ах, куколка, красотка,
Бледна как мел, как камень холодна!
(Гладит Марию и полупоет, полуговорит)

«Светик мой золотой,
Глазки ясные раскрой!
Бог с тобой, лобик твой
Точно мрамор ледяной.
Нежный зной, вей весной
Над прозрачной белизной».

МАК - ГРЕГОР

Довольно бредить, глупая старуха,
Ты голову больную вскружишь ей.

МАРГАРИТА

(грозя пальцем)

Браниться? Ты? Сначала вымой руки.
Они в крови. Ты можешь замарать
Наряд венчальный куколки. Уйди,
Советую.

МАК - ГРЕГОР

(опасливо)

Помешаная бредит!

МАРГАРИТА

(поет)

«Светик мой золотой,
Глазки ясные раскрой!»

МАРИЯ

(приходит в сознание и опирается на Маргариту)

Что ж было дальше? Я готова слушать.

ДУГЛАС

Мне очень жаль, что я сказал... Так вот:
Какой-то всадник быстро подскакал,

Ударил в тыл разбойникам и с силой
Врубился в них. А я воспрянул духом
И вновь обрел свободу. Обратили
Мы в бегство псов. Хотел благодарить
Я моего спасителя. Но, крикнув:
«Мне некогда», он быстро ускакал.

М А Р И Я
(*улыбаясь*)

Ну, слава богу! Как я испугалась!
Теперь мне лучше. Выйдем, Маргарита,
Мои подруги в зале ждут меня.

М А Р Г А Р И Т А
(*Мак-Грегору, боязливо*)

Ты не сердись. Порою Маргарита
В своем уме.

М А К - Г Р Е Г О Р
Ступайте, мы придем.

Мария и Маргарита уходят.

М А К - Г Р Е Г О Р. Д У Г Л А С.

Д У Г Л А С

Дивлюсь, как впечатлительна Мария,
Как боязлива, как она бледнеет,
Малейший шум ее бросает в дрожь.

М А К - Г Р Е Г О Р

Не смею я скрывать от вас причину
Ее сегодняшнего страха, Дуглас.
Простите, что о ней молчал я прежде.
С отвагою безумною своей
Вы сами бы опасности искали,
Которую от вас я отвратил:
Злодея, что украл покой Марии,
Вы сами бы пытались уничтожить.

Д У Г Л А С

Но кто ж дерзнул Марии угрожать?

М А К - Г Р Е Г О Р

Спокойно выслушать рассказ печальный
Я вас прошу. Шесть лет тому назад
Однажды к нам заехал по пути
Студент из Эдинбурга, Вильям Ратклиф.
С отцом его я близко был знаком,
Да, очень близко — то был Эдвард Ратклиф.
Гостеприимно сына встретил я
И приютил его на две недели.
Марию он увидел, заглянул
В ее глаза, и слишком загляделся,
И стал вздыхать, томиться, — но Мария
Сказала прямо, что не люб он ей.
Он выслушал отказ и удалился.

Спустя два года к дочери моей
Посватался из Айса Эрл-Филипп
Граф Макдональд — и получил согласие.
Шесть месяцев прошло; пред алтарем
Стояла дочь — жених не приходил.
Мы обыскали все покои замка,
Двор, службы, сад — и тело Макдональда
В лесу у Камня Черного нашли.

Д У Г Л А С

Кто был убийца?

М А К - Г Р Е Г О Р

Безуспешны были
Все поиски, но, наконец, Мария
Призналась, что убийца ей знаком:
В ту ночь, когда убийство совершилось,
Прокрался Вильям Ратклиф в спальню к ней
И ей со смехом руку показал,
Всю красную от крови Макдональда,
И обручальный перстень жениха
Вручил невесте с вежливым поклоном.

Д У Г Л А С

Проклятье! Вот насмешка! Что же вы?

М А К - Г Р Е Г О Р

Я тело Макдональда приказал
Похоронить в его фамильном склепе,
И там, где был убит покойный граф,
Поставил крест на память об усопшем.

Но Ратклифа искал я безуспешно.
Его встречали в Лондоне, где он
Наследство матери своей покойной
В гульбе и пьянстве быстро промотал,
Жил картами, долгами и, по слухам,
По-рыцарски не брезговал разбоем.
С тех пор прошли еще два года, стали
Убийство и убийца забываться,
Когда лорд Дункан в замок наш приехал
Просить руки у дочери моей.
Я дал согласие и склонил ее
Согласием ответить человеку,
Ведущему свой род от королей.
Но горе нам! Когда пред алтарем
Стояла дочь моя в невольном страхе,
Близ Камня Черного убит был Дункан.

Д У Г Л А С

Ужасно!

М А К - Г Р Е Г О Р

«На коней!» — я крикнул слугам,
И мы помчались быстро, и повсюду
Искали мы, в полях, в лесах, в оврагах.
Прошло три дня, — напрасно, не нашли
Нигде следов убийцы. И однако,
В ту ночь, когда лорд Дункан был убит,
Прокрался Ратклиф в комнату Марии,
И, издеваясь, с вежливым поклоном
Он перстень жениха ей возвратил.

Д у г л а с

Клянусь, он смел! Вот с кем бы повстречаться!

М а к - Г р е г о р

Наверное, вы встретились уж с ним
В лесу близ Инвернеса. Удивляюсь,
Что стража не заметила его;
Я, граф, заботу приложил к тому,
Чтобы и ваше имя не пришлось мне
На крест у Камня Черного вписать.

(Уходит.)

Д у г л а с
(один)

Расчетливо Мак-Грегор умолчал,
Дождавшись обрученья. Вот лиса!
Но я хочу померяться с упрямцем,
Который злобно так грозит Марии.
Он с пальца моего кольца не снимет,
Где палец мой, там и моя рука.
Я не люблю Марию, и она
Меня не любит. Брачный наш союз
Мы лишь в угоду свету заключили.
Но сердцем кроткой девушке я предан,
Очистить надо путь ее от терний.

*Лесли, закутанный в плащ, входит, осторожно
озираясь.*

Д у г л а с. Л е с л и.

Л е с л и

Граф Дуглас?

Д у г л а с

Да; я Дуглас. Что угодно?

Л е с л и
(передает ему письмо)

Так, значит, к вам вот это письмецо.

Д у г л а с
(прочитав письмо)

Да, да! Скажи — приду я. Черный Камень!
Оба уходят.

Воровской притон. В глубине сцены спят несколько человек. На стене висит образ святого. Тикают стенные часы. Вечерние сумерки.

Вильям Ратклиф сидит нахмурившись в углу комнаты. В другом углу сидит Том, хозяин, держа между колен сынишку Вилли.

Т о м
(тихо)

Ты «Отче наш» прочесть умеешь, Вилли?

В и л л и
(громко, со смехом)

Да как еще!

Т о м

Ты только не кричи,
Не то людей усталых перебудишь.

В и л л и

Ну что ж, валять?

Т о м

Да, только не спеши.

В и л л и
(быстро)

«Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя твое. Да придет царствие твое. Да будет воля

твоя на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день. И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим. И не введи нас...»

(запинается)

«Не введи нас... не введи нас...»

Т о м

Вот видишь! Ты запнулся. «Не введи нас во искушение»; начни с начала.

В и л л и

(смотрит, не отрываясь, в сторону Вильяма Ратклифа и говорит боязливо и неуверенно)

«Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя твое. Да придет царствие твое. Да будет воля твоя на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день. И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим. И не введи нас...»

(запинается)

«Не введи нас... не введи нас...»

Т о м

(сердито)

«Во искушение!»

В и л л и

(со слезами)

Отец, бывало я
Выпаливал зараз. Но этот смотрит...
(Показывает на Вильяма Ратклифа.)
Все время на меня он косо смотрит!

Т о м

На ужин, Вилли, рыбы не получишь.

(С угрозою)

А если из чулана украдешь...

В и л л и

(со слезами, в тоне «Отче наш»)

«Не введи нас во искушение».

Р а т к л и ф

Оставьте. Сам я никогда не мог
Запомнить это место из молитвы.*(Скорбно)*

«Не введи нас во искушение».

Т о м

Ведь, право, жаль, коли мальчишка будет
Похож на вас и тех вон.*(Показывает на спящих.)*

Ну, ступай.

В и л л и

(уходит и бормочет про себя плаксиво)

«Не введи нас во искушение».

Т е ж е, кроме В и л л и.

Р а т к л и ф

(улыбаясь)

Что вы сказали?

Т о м

Пусть он будет честен;
Не висельник, как я, его отец.

Р а т к л и ф

(насмешливо)

Уж будто вы так плохи?

Т о м

Нынче, правда,
Я стал ручным и пиво здесь цежу.
А так как домик мой в лесу припрятан,

То я даю приют персонам важным,
 Инкогнито хранящим, вроде вас,
 Что спят лишь днем, а ночь в труде проводят.
 Я принимаю днем, не по ночам.
 А прежде был лунатиком и рыскал
(делает движение пальцами)
 По комнатам чужим и по карманам,
 Но никогда не подражал вот этим.
(Показывает на спящих)
 Взгляните, вот пройдоха. Гений он!
 Он обладает прирожденной страстью
 К чужим платкам. Крадет их, как сорока.
 Как шевелит он пальцами во сне!
 Во сне крадет! Смотрите, ухмыльнулся.
 А этот, длинный, с тощими ногами,
 Как у сверчка, — он был портным. Сперва
 Обрезки крал, потом тюки сукна.
 С трудом удрал от виселицы; впрочем,
 С тех пор страдает дрожью он в ногах.
 Ишь, дрыгает! Бьюсь об заклад, во сне
 Он лестницу увидел, как Иаков.
 Взгляните-ка! Вон старый толстый Робин,
 Как он храпит спокойно — но увы!
 Он десять душ сгубил, по меньшей мере.
 Когда бы он католик был, как мы,
 И мог покаяться! Но еретик он,
 Его повесят здесь, а там поджарят.

Р а т к л и ф

*(ходит, в беспокойстве, взад и вперед по комнате и
 непрерывно смотрит на часы)*

Нет, Робина, поверьте, не поджарят,
 Там, наверху, другие судят судьи,
 Не те, что здесь. Ведь Робин — человек;
 А человек испытывает гнев,
 Когда пред ним копейные души,
 Мошенники в избытке утопают,
 Рядятся в бархат, шелк, глотают устриц,
 Купаются в шампанском, коротают
 Досуг в постели доктора Грахама,

Катаются в колясках золоченых,
Надменный взор бросая бедняку,
Который, взяв последнюю рубашку,
Бредет в ломбард, понурясь и вздыхая.

(Горько смеется.)

Взглянуть на этих умных, сытых, жирных,
Искусно оградившихся законом,
Как неприступным валом, от вторженья
Голодных и докучных оборванцев!
И горе тем, кто вал перешагнет!
Суд, палачи, веревки — все готово...
Нет! Кой-кого все это не страшит.

Т о м

И я когда-то думал так, деля
Весь мир на два враждующие стана,
А именно: на сытых и голодных.
И, так как я принадлежал к последним,
То с сытыми пускался часто в схватку.
Но, убедившись, что неравен бой,
Стал отставать от ремесла такого.
Устал я очень: рыскать беспрестанно,
Людей бояться, света избегать,
А проходя близ виселицы, робко
Глядеть, не я ли сам на ней вишу,
Во сне же видеть все Ботани-Бей,
Тюрьму или бессрочные работы.

Поистине, собачья наша жизнь!
В лесу и в поле травят, словно дичь,
Мерещится в канаве каждой сыщик,
И даже, сидя в комнате своей,
Боишься, как бы в дверь не постучали...

*Лесли вбегает. Ратклиф бросается ему навстречу.
Том испуганно отступает с восклицанием: «Иисусе!»*

Л е с л и

Придет! придет!

Р а т к л и ф

Придет? Что ж, хорошо.

Т о м
(робко)

А кто придет? С недавних пор боюсь я...

Л е с л и
(Тому)

Не бойся и оставь нас здесь одних.

Т о м
(с хитрою миною)

А! я смекнул: дележка, верно, будет.
(Уходит.)

Т е ж е, без Т о м а.

Р а т к л и ф

Придет? Иду.

(Берет шляпу и кинжал.)

Л е с л и
(удерживая его)

Не рано ли? Постой,
Пока стемнеет. За тобой следят
Мак-Грегора повсюду слуги. Знает
Тебя ребенок каждый; всем знаком ты.
Скажи, какой ты видишь в этом прок?
Опасности ты ищешь без нужды;
Вернемся в Лондон; там спокойней будет.
От здешних мест держись подальше лучше.
Все знают, ты прикончил Макдональда
И Дункана...

Р а т к л и ф

Прикончили? Нет! В бою
Они погибли. Я сражался честно;
И с Дугласом сражаться честно буду.

Л е с л и

Устройся проще. Так, по-итальянски.
(*Делает движение, подражая бандитам.*)
Да чем тебе так Дуглас помешал?
Что сделал он? Чем прогневил тебя?

Р а т к л и ф

Мы незнакомы; мне не сделал он
Вреда; и в сердце ненависти нет.

Л е с л и

А все-таки убить его ты хочешь?
Скажи, с тобой с ума сошли мы оба?
Мне — помогать безумию такому!

Р а т к л и ф

Беда тебе, коли поймешь, в чем дело!
И черепу беда! он может лопнуть,
И выступит безумие сквозь щели.
Как скорлупа яичная, он треснет,
Твой бедный череп, будь он по объему
Не меньше купола Святого Павла.

Л е с л и

(*иронически ощупывает свою голову*)
Ишь, напугал! Молчи, молчи, приятель!

Р а т к л и ф

Не думай, не лунатик томный я,
Не тот, кто сам, за призраком гоняясь,
Травим своей фантазией, как псами,
Болезненный, чахоточный поэт,
Которого одолевают спазмы
При нежных звуках трелей соловьиных,

Который строит лестницу из вздохов
И, наконец, в петле из рифм плохих
Повиснет на столбе своей же славы.

Л е с л и

Я мог бы это подтвердить присягой.

Р а т к л и ф

И все-таки признаюсь, — как ни странно, —
Особые, чудовищные силы
Владеют мной; таинственная мощь
Моею волей правит, руководит
Во всех делах, и направляет руку,
И с детства мне внушает тайный ужас.

Когда я, мальчишкой, играл один,
Явились мне два призрака туманных;
Они, в тумане руки простирая,
В объятия друг к другу устремлялись,
Но слиться не могли, в томленье тщетном!
Как ни были они воздушно-легки,
Но я успел в одном из них приметить
Мужчины гордые черты, в другом —
Прелестный, женский образ. Часто
Во сне тогда обоих видел я
И различал ясней их выраженье;
Так скорбен был его туманный лик,
Так нежен был ее туманный взор. —
Но, в школу в Эдинбурге поступив,
Я реже образы мои стал видеть,
И в сутолоке жизни беззаботной
Рассеялись туманные черты.
И вот, привел меня однажды летом
Какой-то случай в замок Мак-Грегора.

Марию я увидел. Взгляд ее,
Как молнией, всю душу озарил мне.
Черты такие ж, как у женской тени,
Те кроткие, знакомые черты,
Которые во сне мне улыбались!

И лишь не так была бледна Мария,
И лишь не так был затуманен взор.
Играл румянец, и глаза сияли;
Очарование всей своей любви
На этот образ небо истощило;
И пресвятая в небесах была
Наверное не краше, чем Мария;
И, страстную охваченный тоскою,
Простер я руки и хотел обнять...

Пауза.

Не знаю как, но в зеркале увидел
Я сам себя... Я был мужскою тенью,
Что к женской тени руки простирала.

То был ли сон? То был ли чувств обман?
Так нежен взгляд Марии был, так ласков,
Сулил так много! Взор во взор проник!
Душа слилась с душою. Боже мой!
И жизни темный смысл внезапно мне
Тогда открылся, все постиг я сразу —
Язык цветов, и щебетанье птиц,
Любовное мерцанье звезд на небе,
И ветра шум, и смутный гул ручья,
И вздох глубокий собственного сердца!
Как дети, мы резвились с ней вдвоем.
Играли в прятки и в саду встречались.
Она цветы дарила, поцелуи;
Я поцелуи дважды возвращал.
И, наконец, колени преклонив,
Я произнес: «Мария, любишь ты?».

(Задумывается.)

Л е с л и

Хотел бы я тебя увидеть, Ратклиф,
С разжатым для молитвы кулаком,
Со страстью томной в гневно-диком взоре
И с негой в кротком голосе, столь страшном
Богатым лордам на большой дороге.

Р а т к л и ф
(с диким порывом)

Змея! Она взглянула как-то дико,
Почти что с отвращеньем на меня,
И молвила, присев, с насмешкой: «Нет!»
Еще звучит ужасным смехом: «Нет!»
Еще звучит тяжелым вздохом: «Нет!»
И небеса замкнулись предо мною!

Л е с л и

Конечно, это очень подло, гнусно.

Р а т к л и ф

Покинул замок я, и в путь пустился,
И прибыл в Лондон; в суете столичной
Я думал муки сердца заглушить,
Я сам себе был господином, рано
Оставшись в этом мире сиротой.
Но плохо удался мне новый план,
Не помогли шампанское и портер;
На дне стакана был осадок мутный.
Блондинки и брюнетки не могли
Моей душевной боли разогнать.
И фараон покоя не дал мне.
Я за столом лишь взор Марии видел,
Ее рукой пароли загибал;
В чертах лица червонной глупой дамы
Я узнавал небесные черты.
Не карта, нет! Мария то была;
Я чувствовал вблизи ее дыханье;
Она кивала головой — ва банк!
Все деньги — к чорту, а любовь — при мне.

Л е с л и
(смеется)

Ха, ха! Потом ты оседлал коня,
Вскочил в седло, как рыцарь встарину,
И начал жить, как предки, наудачу.
Любовь твоя, конечно, уж прошла;

Трезвеешь быстро, езда по ночам
 Сквозь вихрь и дождь близ виселицы черной
 И видя, что на ней висят друзья
 И дрыгают, как маятник, ногами.

Р а т к л и ф

В огонь подлили масла. Страсть к Марии
 Еще сильнее в сердце запылала.
 Мне стало тесно в Англии; тянула
 В Шотландию невидимая сила.
 Я сплю спокойно лишь вблизи Марии,
 Дышу всей грудью, и не знаю страха,
 И отдыхаю — выслушай, в чем тайна:

Поклялся я Евангельем святым,
 И силою небес, и преисподней,
 И клятву я проклятием скрепил, —
 Что от руки моей падет безумец,
 Дерзнувший, как жених, обнять Марию.
 Ту клятву голос сердца произнес,
 Служу я темной силе, и она
 Со мной, когда счастливым я готовлю
 У Камня Черного постель из роз.

Л е с л и

Я понял, но одобрить не могу.

Р а т к л и ф

И сам я — нет. Но голос тот — вот здесь,
 Тот чуждый голос, что гнездится в сердце,
 Твердит мне: да; и призраки во сне
 Кивают мне...

(Вскрикивает)

О Иисус! Мария!

Вот там! Смотри, вот там! Вот там! Две тени!

Стемнело. Два туманных призрака проносятся по сцене и исчезают. Лежащие в глубине разбойники и воры, разбуженные криком Ратклифа, вскакивают с возгласами: «В чем дело? Что?»

Л е с л и

Какого чорта, Ратклиф?
Я ничего не вижу.

Н е с к о л ь к о ч е л о в е к

Стража, что ли?

Л е с л и

Наоборот, увидел духов он.

Все смеются.

Р о б и н

Проклятие! Покоя нет и днем.

Р а т к л и ф

Смеркается; пойду.

Л е с л и

И я с тобой.

Р а т к л и ф

Не надо.

Л е с л и

Я до Камня лишь дойду;
Быть может, стража там.

Р а т к л и ф

Прогонит их
Оттуда страх; там жутко по ночам.

Л е с л и

(уходя, оставшимся)

Привет!

Р а т к л и ф

Привет!

В с е

Благослови вас бог!

Ратклиф и Лесли уходят.

Т е ж е, кроме Р а т к л и ф а и Л е с л и.

Р о б и н

Проклятие! Помешан он иль пьян?

Д и к

Уж он всегда таков. Его я знал
И в Лондоне. Его видал я часто
В таверге Раскаль. Он сидел часами,
Наморщив лоб, в углу обыкновенно,
Молчал и мрачно на огонь смотрел.
Но часто он и весел был, смеялся —
Уж слишком, правда, громко, забавлял нас —
Уж слишком дико, правда; да, он был
Доволен, весел. — А потом, внезапно,
Насмешкой злобной искажались губы,
Из груди вырывался скорбный стон,
Он вскакивал, крича: «Иоганн, коня!» —
И отправлялся к чорту, пропадая
По месяцам. В Шотландию тогда
Скакал он, говорили, день и ночь.

Р о б и н

Так он больной.

Д и к

А мне-то что! Прощай.

(Уходит.)

Б и л л ь

Ну, время на работу выходить.

(Молится перед образом)

Спаси, и сохрани нас, и помилуй.

(Уходит вместе с другими.)

Р о б и н

(подняв кулак к лицу)

Заступник мой, спаси и сохрани!

(Уходит.)

Два вора еще не проснулись. Том, хозяин, подкрадывается и вытяскивает у них деньги из карманов.

Т о м
(с хитрой усмешкой)

Пускай они к суду меня притянут!
(Уходит.)

Д ж о н и Т е д д и
(просыпаются)

Д ж о н
(зевая)

Сон — выдумка хорошая, ей-богу.

Т е д д и
(зевая)

Закусим, Джон.

Д ж о н

Закусим. Как делишки?

Т е д д и

Да, надо думать, Риффель уж в петле.

Д ж о н

Вот виселица — выдумка плохая!

Оба уходят.

Дикая местность у Черного Камня. Ночь. Слева причудливо нагромождены скалы и стволы деревьев. Справа памятник в форме креста. Воеет ветер. Появляются две белых туманных фигуры; они страстно протягивают друг другу руки, сближаются, потом вновь расходятся и, наконец, исчезают.

Входит Р а т к л и ф.

Р а т к л и ф
(один)

У! Как гудит! Ад выслал всех флейтистов
Сюда, наверх. Пошла теперь игра.

Луна в просторный кутается плед
И скудный свет на землю сверху льет.

Ха! ха! По мне, совсем не нужно света.
И в полном мраке снежная лавина
Без фонаря отыщет верный путь,
Чтоб вниз скатиться; и кусок железа
Найдет дорогу сам собой к магниту;
И Ратклифа кинжал всегда разыщет
Грудь Дугласа, без верстовых столбов.
Придет ли графчик? Или ураган,
Боязнь простуды, насморка и кашля
Его удержат? Не решил ли он:
Я отложу на завтра? Ха, ха, ха!

А я покончить должен в эту ночь.
Коль не придет, я сам к нему приду.

(Ударяет по мечу)

Вот этот ключ ко всем замкам подходит,
А вот они...

(Кладет руку на пистолеты у пояса.)

меня прикроют с тылу.

(Вынимает пистолет и рассматривает его.)

Как он глядит приветливо: охотно
Прижал бы я уста к его устам,
И надавил, — и в огненном лобзанье
Обрел бы радость, счастье и покой.

(Задумывается.)

А в этот самый миг, быть может, Дуглас
Свои уста прижал к ее устам...

Ха, ха! Вот то-то! Умереть нельзя.

Иначе по ночам вставать придется
И любоваться, скрежеща зубами,
Как дурень, с похотливой мордой пса,
Обнюхивает прелести Марии.

Мне умереть нельзя. Когда бы сверху,
Сквозь трещины небесного покрова,
В покои Дугласа я заглянул,
Таким бы я проклятьем разразился,
Что ангелы утратили б румянец

И в горле их застрял бы от испуга
Их бесконечный, водянистый гимн.
И если мне сужден навеки ад,
Так лучше буду чортом я самим,
Не грешником несчастным и ничтожным!

РАТКЛИФ И ДУГЛАС.

РАТКЛИФ

Чу! Слышу я шаги.

(Кричит громко)

Эй, кто идет там?
Кто там идет? Откликнись! Отзовись!

ДУГЛАС

Знакомый голос. Это он, тот рыцарь,
Что спас меня в лесу, близ Инвернеса,
И вырвал из разбойничьих когтей.

(Приближается.)

Да, это вы, теперь уж не уйдете.
Благодарю за доблестный порыв.

РАТКЛИФ

Не стоит благодарности. Помог я
Из прихоти. Ведь *трое* было их
На одного. А будь *один* противник,
Проехал бы я мимо, неспеша.

ДУГЛАС

Не будьте так угрюмы. Помиримся.

РАТКЛИФ

Что ж, хорошо. Но докажите дружбу,
Исполните, о чем я попрошу.

ДУГЛАС

Скажите. Я душой и телом ваш,

РАТКЛИФ

Мой новый друг, уйдите поскорей.

(Смеясь)

Но если Дуглас вы, то оставайтесь.

ДУГЛАС

(изумленно)

Клянусь, я Дуглас.

РАТКЛИФ

Предо мной граф Дуглас?

(Смеясь)

Как жаль! Нехорошо. Пришел конец
Приятной и едва возникшей дружбе:
Узнайте, граф, пред вами — Вильям Ратклиф.

ДУГЛАС

(дико вскрикивает, хватаясь за меч)

Убийца Дункана и Макдональда!

РАТКЛИФ

(обнажая меч)

Да, это я, и чтоб пополнить трио,
Я пригласил сюда вас нынче, граф.

ДУГЛАС

(бросается на него)

Так защищай же жизнь свою, злодей!

Дерутся.

РАТКЛИФ

Дерусь я, как умею. Ха, ха, ха!

ДУГЛАС

Не смейся так ужасно!

РАТКЛИФ

(смеясь)

То не я,

То призраки смеются сквозь туман.::

Д У Г Л А С

Что ж, продолжай! Вы, Дункан, Макдональд,
Ко мне, на помощь!

Р а т к л и ф

Дьявол в преисподней!
Убитый Дункан квартиру отразил!
Не суйся, прочь, боец проклятый, мертвый!

Д у г л а с

Ха, ха! Удар пришелся в цель!

Р а т к л и ф

Измена!

И Макдональд на помощь подоспел —
На одного вас трое — слишком...
(Отступает и спотыкается о подножие памятника.)

А!

Проклятие! Повержен Ратклиф наземь.
Разите! Что ж! Ведь я ваш злейший враг.

Д у г л а с
(холодно)

Вы моего отвели меч.
Быть может, я обязан был вам жизнью.
Теперь вы мне обязаны. Мы квиты.
Со мной вы познакомились. Урок,
Быть может, злое сердце вам исправит.

(Гордо удаляется.)

*Ратклиф лежит недвижно у подножия памятника.
Ветер воет яростнее. Появляются два туманных при-
зрака, приближаются друг к другу с простертыми
объятиями, вновь расходятся и исчезают.*

Р а т к л и ф

(встает медленно, ошеломленный)

Чей был то голос? Ветер? Человек?
Безумный звук еще гудит в ушах.
То был безумный сон? Где ж я теперь?

Что тут за крест и надпись что гласит?
(*Читает надпись на памятнике*)
«Лорд Макдональд и Дункан пали здесь,
Сраженные предательской рукою».
(*Вскакивает.*)

То был не сон! При Черном Камне я,
Я побежден, я заклеймен презреньем!
И вихри злобно в уши мне шипят:
Вот человек, что духом был велик,
Что презрел все британские законы
И всех людей и с небесами спорил —
И Дугласу он помешать не может
Лежать в объятьях милой в эту ночь
И ей, смеясь, рассказывать, что червь,
Чье имя Вильям Ратклиф, на земле
При Черном Камне корчится от боли,
И потому лишь не был им растоптан,
Что мог запачкать...

(*С внезапным бешенством*)

О, не смейтесь, ведьмы,
Проклятые, не смейтесь так ужасно,
И не указывайте злобным пальцем!
Я скалами в вас, мерзкие, метну,
С корнями ели вырву из земли
И желтые исполосую спины,
Я вытопчу ногами черный яд
Из ваших тел, проклятых, богомерзких!
Холодный вихрь, развеи, разрушь весь мир!
Покров небесный, раздави меня!
Земля, сокрой и поглоти меня.

(*В безумии и в страхе переходя в таинственный тон*)

Двойник проклятый, призрачная тень,
Зачем ты на меня глаза таращишь? —
Глазами кровь ты высосал мою,
И иссушил, и воду ледяную
Мне в жилы льешь, и превратил меня
В бесплотный призрак. Ты кивнул? Туда?
Рукой туманной указал — туда?
Мария? Мне пойти? Голубка? Кровь?

Пойти? Эй, кто там? То не ветер, нет.
 Марию взять с собою? Ты киваешь?
 Пусть будет так! Я создан из железа,
 Я волею сильнее, чем бог и дьявол!

(Бросается прочь.)

Замок Мак-Грегора. Ярко освещенная комната с завешенным альковым посредине. Слышна замирающая вдали музыка и девический смех.

М а р и я, празднично наряженная, и М а р г а р и т а
 входят.

М а р и я

Как жутко, боже.

М а р г а р и т а

Это от шнуровки.

Поди, тебя я, куколка, раздену.

(Помогает ей раздеться.)

М а р и я

Тоска на сердце.

М а р г а р и т а

Куколка, да что ты?

Граф Дуглас ведь красавец.

М а р и я

(весело, со смехом)

Правда, да!

Он весел, он сговорчив, он и храбр.

М а р г а р и т а

Ты влюблена в него?

М а р и я

Что? Влюблена?

Как это глупо! Надо только ладить.

МАРГАРИТА

Бывало и иначе. Вильям Ратклиф...

МАРИЯ

(испуганно прикрывает ей рот)

Ах, нет, прошу, прошу, не называй
По имени его! Ведь поздно, ночь.

МАРГАРИТА

Ты влюблена была.

МАРИЯ

Ах, нет! Вначале
Он кроток, как ягненок, был, казалось
Его лицо таким знакомым, голос
Звучал так мягко, а его дыхание
Так освежало щеки, и глазами
Вперялся так любовно он в меня.

(Сбдываясь всем телом)

И вдруг на призрак делался похож,
Лицо бледнело, искажалось дикой
Угрозою — вот-вот меня убьет он, —
Он был совсем как призрачная тень,
Что простирает мне во сне объятья
И на меня глядит так жутко-нежно,
Что и сама я становлюсь, как призрак,
И простираю руки, как в тумане.

МАРГАРИТА

Точь в точь как мать покойная твоя;
Она, хоть злилась, влюблена была
Все ж в Ратклифа.

МАРИЯ

Как, в Ратклифа?

МАРГАРИТА

В Эдварда,
Что Вильяму приходится отцом,
О, мать твоя красавица была!

Она звалась красоткой Бетти. Кудри
Как золото, а руки — белый мрамор,
А уж глаза — как знал их Эдвард Ратклиф!
По целым дням смотрел он в них, и сам
Чуть-чуть что глаз своих не проглядел.
И пела как — не хуже соловья.
Поет, бывало, сидя у окна:

(поет)

«Зачем твой меч окрашен в кровь,
Эдвард, Эдвард?»
Кухарка станет слушать, а жаркое
И пригорит — о господи! Напрасно
Ее учила песне страшной я!

(Плачет.)

М А Р И Я

Ах, Маргарита, расскажи мне все.

М А Р Г А Р И Т А

Красотка Бетти пела как-то раз:
(поет)

«Зачем твой меч окрашен в кровь,
Эдвард, Эдвард?» —
И вдруг ворвался к Бетти Эдвард Ратклиф
И начал петь задорно, в том же тоне:
(поет)

«Мечом убил я мою любовь, —
Прекрасна была она! О!»
Красотка Бетти в гнев такой пришла,
Что дикого, несчастного Эдварда
И видеть не хотела; и нарочно
За твоего отца пошла. А Ратклиф
Впал в бешенство, хотел он показать,
Что может жить и без красотки Бетти,
Женился он из одного упрямства
На Дженни Кемпбелл, и плодом их брака
Безумного явился Вильям Ратклиф.

М А Р И Я

Бедняжка мать!

МАРГАРИТА

Упрямица была
 Красотка Бетти. Целый год потом
 Не вспоминала Ратклифа она.
 Когда же наступил второй октябрь —
 И в именины Ратклифа как раз, —
 Она спросила, будто невзначай:
 «Что об Эдварде слышно?» — «Дженни
 Кемпбелл
 Он в жены взял», — ответила я ей.
 «Как, Дженни?» — вскрикнула красотка
 Бетти,
 И начала бледнеть, краснеть и горько
 Заплакала — а я в тот миг держала
 Тебя, трехмесячную, на руках.
 Ты тоже стала плакать, и тогда,
 Чтобы красотку Бетти успокоить,
 Сказала я, что он забыть не может
 Красотку Бетти; видели, сказала,
 Как день и ночь он бродит возле замка,
 В томленье страстном руки простирая
 К ее окошку. — «Знала я давно!» —
 Со смехом Бетти молвила, рванулась
 К окну и руки к Эдварду простерла...
 И вышло худо. Это увидал
 Мак-Грегор, твой отец ревнивый.

(Испуганно останавливается.)

МАРИЯ

Что же?

Что было дальше?

МАРГАРИТА

Ну, и все, конец.

МАРИЯ

Нет, расскажи, что было дальше.

МАРГАРИТА
(*опасливо*)

Утром
Был найден Эдвард Ратклиф близ ограды,
В крови и бездыханный.

МАРИЯ

Что же мать?

МАРГАРИТА

Три дня спустя бедняжка умерла.

МАРИЯ

Ужасно!

МАРГАРИТА
(*холодным, язвительным тоном, как безумная*)

Если б куколка сама
Увидела все глазками своими,
Как у ограды мертвый он лежал —
У! До сих пор я вижу ясно кровь!
И потому, что знаю, кто убил,
И потому, что не могу сказать,
И в голове неладно, — мне не спится,
Мне чудится повсюду Эдвард Ратклиф,
Как он идет, в крови, навстречу, бледный,
Со взглядом как кинжал, и, будто призрак,
Мне издали грозит кровавым пальцем...

Вильям Ратклиф, бледный, окровавленный, в смятении
врывается. Т е ж е.

МАРГАРИТА
(*дико вскрикивает*)

Исус-Мария! Мертвый Эдвард Ратклиф!

(*Забивается в угол комнаты и остается там, застыв-
шая и недвижимая.*)

МАРИЯ
(вскрикивает)

Злодей! Ты перстень Дугласа принес?

РАТКЛИФ
(с громким смехом)

Нет, кончилась с перстнями карусель.
Легко я выбил два кольца, но третье
Мне не далось. Я наземь полетел
С лошадки деревянной.

МАРИЯ
(переходя внезапно в доверчиво-беспокойный тон)

Вильям! Вильям!
Ты весь в крови. Дай, рану я твою
Перевяжу.
(Разрывает свою белую венчальную фату.)
Где я? Ты — Вильям злой. —
Нет, Эдвард ты, а я красotka Бетти. —
Твой лоб в крови, и у меня так смутно
Здесь, в голове. — Постой, что делать мне? —
Стань на колени, если только любишь...
(Хочет перевязать ему рану на голове.)

РАТКЛИФ
(падает к ее ногам. С болезненной нежностью)

Иль это сон? Я — около Марии?
У ног ее? О маленькие ножки,
Вы не туман, безумием рожденный,
Не испаритесь, если обниму вас?

МАРИЯ
(успокаивая его и перевязывая ему голову фатою)

Потише. Стынет кровь на золотистых
Твоих кудрях. Я выпачкалась кровью.
Ну тише, дай поцеловать глаза.

(Целует его.)

Р а т к л и ф

Ты поцелуем ночь согнала с глаз;
Увидел снова солнце я — Марию.

М а р и я

(как бы пробудясь, в испуге, от сна)

Мария я? Ты, значит, Вильям Ратклиф?
(Закрывает глаза.)

О, как печально!

(Содрогаясь)

Прочь! Скорее прочь!

Р а т к л и ф

(вскакивает и обнимает ее)

Я не уйду. Ведь ты моя, Мария,
Ты любишь Вильяма.

(Доверчиво)

Во сне не раз

Ты это говорила. Мы похожи?

Взгляни сюда.

*(Подводит ее к зеркалу и указывает на отражения их
обоих)*

Хотя твои черты

Моих прекрасней, чище, благородней,
Но сходство есть. Такая же надменность,
Такое же упорство в складках рта.
Ты так же легкомысленна, как я.
Скажи словечко.

М а р и я

(сопротивляясь)

Нет, оставь!

Р а т к л и ф

Ты слышишь?

И голос тот же самый, только мягче.

И те ж глаза, бездонно-голубые,

Но только больше блеска. Дай мне руку.

(Берет ее руку и сравнивает со своею)

Ты видишь, те же линии.

(С испугом)

Взгляни,
Как жизнь у нас обоих коротка.

М А Р И Я

Оставь меня, беги скорей! Беги!
Они тебя настигнут.

Р А Т К Л И Ф

Ты права,
Бежим! Бежим, сокровище мое,
Со мною вместе! Мой оседлан конь,
Он всех быстрее в Шотландии.
(Обнажает меч.)

Вот меч,
Надежен он. Как он блестит! Но, чу!

М А Р Г А Р И Т А
(поет, в безумии)

«Зачем твой меч окрашен в кровь,
Эдвард, Эдвард? —
Мечом убил я мою любовь, —
Прекрасна была она! О!»

Р А Т К Л И Ф

Кто здесь поет про кровь? Иль это филин
В окно вцепился? Или это ветер
Свистит в трубе? Иль это — ведьма злая,
Что, скорчившись, в углу сидит? Она!
Недвижна, словно камень, но хрипит
Напев свой страшный. Милую я должен...
(с ужасающей болью)
Убить, поет она. — Да, да, убить.

М А Р И Я

Как дик твой взор, дыхание горячо —
Ты заразишь безумьем! Уходи!

Р А Т К Л И Ф

Нет, не противься! Так прекрасна смерть!
Мы посетим блаженную страну,
О ней мы часто грезили. Идем!

МАРИЯ

(вырываясь от него)

Беги! Беги! Тебя увидит Дуглас.

РАТКЛИФ

(впадая в ярость)

Будь проклято то имя — вестник смерти!
Тебя и богу не отдам! Моя ты.

(Хочет заколоть ее.)

МАРИЯ

(скрываясь за завесу алькова)

Убить ты хочешь, Вильям!

РАТКЛИФ

(бросаясь за нею в альков)

Да, моя ты —

Моя Мария.

(Слышен голос Марии)

Вильям! Помогите!

МАРГАРИТА

(поет)

«Мечом убил я мою любовь, —
Прекрасна была она! О!»

Два туманных призрака появляются с противоположных сторон, останавливаются у входа в альков, простирают друг к другу руки и исчезают при появлении Ратклифа.

РАТКЛИФ

(выбегает из алькова с окровавленным мечом в руке)

Стой! Стой! Не убегай, двойник проклятый!
Ты это сделал, бледный призрак, ты!
К твоим рукам туманным кровь прилипла.
Сразись со мной, Марию ты убил...

М А К - Г Р Е Г О Р вывается с обнаженным мечом. Т Е Ж Е.

М А К - Г Р Е Г О Р

Кто звал на помощь?

(Увидя Ратклифа)

А! ты здесь, проклятый,
Убийца, мой похитивший покой.

Р А Т К Л И Ф

(разражаясь диким смехом)

Да, это я, мне ненавистен ты,
За что — не знаю, ненавистен ты,
И крови жажду я твоей.

Бросаются друг на друга, сражаясь.

М А К - Г Р Е Г О Р

Злодей!

Р А Т К Л И Ф

Ха, ха, ха!

М А Р Г А Р И Т А

(поет)

«Зачем твой меч окрашен в кровь,
Эдвард, Эдвард?»

М А К - Г Р Е Г О Р

(падая)

Проклятая!

(Умирает.)

Р А Т К Л И Ф

(в изнеможении)

Змея теперь мертва.

Легко на сердце. Сладостный покой
Предчувствую. Моя, моя Мария.

Я выполнил свой долг. Иду к тебе!

(Уходит в альков, откуда слышен его голос)

Я здесь, мое сокровище! Мария!

Раздается выстрел в алькове.

Два туманных призрака появляются с обеих сторон, страстно бросаются друг к другу в объятия, крепко обнимаются и исчезают. Слышны громкие крики и смутный говор.

ДУГЛАС, ГОСТИ И СЛУГИ входят пораженные. Т е ж е.

С л у г а

Исус-Мария! Господин убит!

Г о л о с а

Мак-Грегор!

Д у г л а с

Благородный лорд убит!
Найти убийцу. Запереть ворота!

М А Р Г А Р И Т А

(медленно приподнимается, приближается к телу Мак-Грегора и говорит безумным голосом)

Эге! Вот точно так лежал в крови
Покойный Эдвард Ратклиф у ограды.
А злобный и запальчивый Мак-Грегор
Был Эдварда несчастного убийцей.

(Плача)

Я — ни при чем, я только знала все. —
А этого...

(указывает на труп Мак-Грегора)

прикончил Вильям Ратклиф.

Теперь ему спокойно. Он уснул
С Марией. Тише! Не будить.

(Подходит на цыпочках к алькову и отдергивает занавеску. Видны тела Марии и Вильяма Ратклифа.)

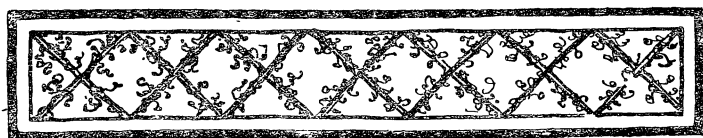
В с е

У ж а с н о !

М А Р Г А Р И Т А

(с довольным смехом)

Совсем как Эдвард и красотка Бетти.

АЛЬМАНСОР

Не думайте, что слишком фантастична
Та песнь, что предлагаю вам с приветом!
В ней эпос есть, она и драматична,
И лирика цветет в ней нежным цветом;
Романтика по форме здесь пластична,
А в целом все воссоздано поэтом.
С Христом ислам боролся, Север с Югом,
Пришла любовь, и с ней конец недугам.

Внутренние покои старого, опустелого мавританского замка.
В боковые окна падают лучи заходящего солнца.

А л ь м а н с о р, один.

А л ь м а н с о р

Все тот же он, любимый старый зал,
Ковер давно знакомый, пестротканый,
Следы отцов священные хранящий!
Но червь гнездится в шелковых цветах,
Как будто он с испанцами в союзе.
Все тот же он, колонн старинных ряд,
Жилища гордых гордая опора!
Как часто, мальчиком, я к ним склонялся!
О, если б наши Гомелы, Гансулы,
Абенкераги, Сегров род надменный
Такою же надежной были трону
Опорою в Альхамбре лучезарной!
Все так же стены старые стоят,
Блестящие, расписанные стены,
Что путникам усталым кров давали!

Хранят они свое гостеприимство,
Но гости их — лишь филины да совы

(Подходит к окну.)

Молчание! Лишь ты мне внимлешь, солнце,
Последний луч участливо ты плешь мне
И озаряешь в сумерках мой путь!
Услышь моей признательности зов:
Беги и ты на берег мавританский,
К приветливым Аравии полям. —
О, бойся, дон Фернандо, слуг его,
Что поклялись враждою вечной свету;
О, бойся гордой донны Изабеллы,
Что мнит блистать в лучах своих брильянтов,
Одна средь всех, когда наступит ночь;
Оставь и ты Испании пределы,
Где уж однажды закатилось солнце,
Родная, златоверхая Гренада!

(Отходит от окна.)

На сердце тяжко, словно придавил
Усталую, измученную грудь
Пылающий в лучах закатных шар.
Как пепел, тело хрупкое мое;
Земля дрожит и из-под ног уходит.
Мне так уютно здесь и вместе страшно!
Тот ветерок, что освежил лицо,
Принес с собой привет забытых дней.
И в колыпании теней воздушных
Я узнаю, как прежде, сказки детства;
Они зовут, кивают мне с улыбкой
Приветливой, как бы дивясь тому,
Что старый друг так робок и так чужд им.
Вот милый образ матери покойной —
Она глядит в тревоге и слезах
И манит, манит белою рукою.
Вот и отец — сидит он на подушках,
Зеленых, бархатных, и тихо дремлет.

(Останавливается в задумчивости.)

*Совсем темно. Видно, как в глубине проходит кто-то
с факелом в руках.*

Но что за тень мелькнула там, вдали?
 Иль призрак то, безумием рожденный?
 Мне кажется, пришел старик Гассан?
 Быть может, сам Гассан лежит в гробу,
 И только дух его блуждает в замке,
 Который он при жизни сторожил?
 Я слышу шорох, шум глухой все ближе.
 Как будто из могил восстали предки
 Мне протянуть с приветом кости рук,
 Облобызать холодными губами. —
 Они идут — сулит мне смерть привет ваш...

Несколько мавров бросаются к нему с обнаженными саблями.

П Е Р В Ы Й   М А В Р

Да, смерть твоя близка!

А Л Ь М А Н С О Р
(обнажает меч)

Так помоги,
 Блестящий мой чудесный амулет,
 И защити от этих злобных духов!

В Т О Р О Й   М А В Р

Как, незнакомец, в замок ты проник?

А Л Ь М А Н С О Р

Вопрос я возвращаю. Замок — мой,
 Мой управитель...
(указывает на меч)

это подтвердит
 На вашей коже красными рубцами.

П Е Р В Ы Й   М А В Р

Э! Вступит с ним наш управитель в спор;
 Не деревянный у него язык,
 Заговорит он языком из стали.

Сражаются.

Эге! Твой управитель горячится
 И рассыпает огненные искры.

А Л Ь М А Н С О Р

Молчи! В твоей крови он их потушит!

Т Р Е Т И Й М А В Р

Конец игре! Сдавайся поскорей!

Г А С С А Н

(с факелом в левой руке, с саблею в правой, стремительно бросается к ним)

Ого! А старика-то позабыли?

Ведь я живу одной кровавой мстью,

Он — мой по праву, я убью его.

(Сражается с обессилевшим Альмансором, но в тот миг, когда хочет сразить его, различает при свете факела лицо Альмансора и, пораженный, бросается к его ногам.)

Аллах! Аллах! Альмансор-бен-Абдулла!

А Л Ь М А Н С О Р

Да, это я, а ты — старик Гассан.

Встань, преданный слуга родного дома.

Нас ослепил тяжелый мрак ночной;

Отцовский дом могилой мог мне стать

И колыбель младенческая — гробом.

П Е Р В Ы Й М А В Р

Берет и плащ надел ты, как испанец,

А наши сабли всем испанцам рады.

Г А С С А Н

(медленно поднимается и говорит строгим голосом)

Альмансор-бен-Абдулла! Отвечай мне:

Зачем надел испанский ты костюм?

Кто вздумал берберийского коня

В покров змеиный, пестрый обрядить?

Сбрось ядовитый облик, сын Абдуллы,

Попри змею ногами, гордый конь!

А Л Ь М А Н С О Р

(улыбаясь.)

Всё тот же ты, усердный мой Гассан,
Как встарь, наряда держишься и цвета.
Покров змеиный — мне от змей защита;
Ведь и ягненок робкий защищен,
Когда он в волчью шкуру облечется.
Я — мусульманин, несмотря на платье,
А свой тюбан ношу с собою в сердце.

Г А С С А Н

Хвала Аллаху! Милостив Аллах!
Ложитесь, братья, я на страже стану,
Помолодел опять старик Гассан.

Мавры уходят.

А Л Ь М А Н С О Р

Кто те, кого сейчас ты назвал «братья»?

Г А С С А Н

Последние из тех, кто сохранил
Аллаху верность в нашей стороне.
Ах! Мало их, и с каждым днем все меньше,
И с каждым днем растет число неверных.

А Л Ь М А Н С О Р

Как низко пала ты, моя Гренада!

Г А С С А Н

И как не пасть, коль враг двойной тревожит:
Внутри — раздоры, а извне — коварство.
Проклятье ночи той, что сочетала
В один союз коварство и корысть!
Проклятье ночи той, когда решилась
В объятьях жарких гибель всей Гренады!
Проклятье ночи той, когда возлег
Фернанд на ложе брака к Изабелле!
Коль их чета костер вражды зажжет,
То пламенем охвачен будет дом.

Не от копья отважного леонца
 И не от гордой пики аррагёнской,
 Не от меча дворян кастильских, нет —
 Лишь от своей руки Гренада пала!
 Когда родитель душит в колыбели
 Своих детей невинных, беззащитных,
 И сын преступно подымает руку
 На голову священную отца,
 И всходит брат чрез труп родного брата
 По ступеням кровавым на престол,
 И сильные, забыв свой долг, бесчестно
 Под знаменем скрываются враждебным, —
 Тогда бегут, прикрыв стыдливо лица,
 Те ангелы, что охраняли входы,
 И с торжеством враги вступают в город.

А Л Ь М А Н С О Р

Мне памятен тот злополучный день;
 Я у ворот стоял, когда внезапно
 На вороном коне примчался всадник,
 Со взором мутным, диким, чуть дыша,
 Спросил отца; потом взбежал наверх
 И пал отцу в раскрытые объятия.
 Тут я узнал, что то был добрый Али...

Г а с с а н
 (с горечью)

Да, добрый Али!

А Л Ь М А Н С О Р

«Али, с чем пришел ты?» —
 Спросил отец мой. — Хлынули потоком
 Из Али глаз, мутнее крови, слезы,
 И он сказал, рыдая, что в Гренаду
 Дон Фердинанд и донна Изабелла
 При звуках труб торжественно вступили,
 Что Боабдил на блюде золоченом
 Поднес ключи им, преклонив колени,
 И на стенах Альхамбры водружен
 Кастильский стяг и с ним Мендосы крест.

Г А С С А Н
(*прикрывая глаза*)

Аллах! Одной лишь милости прошу!
Дай мне забыть ужасную картину!

А л ь м а н с о р

Мне помнится еще, как эта весть
Громовая сковала языки.
Отец стоял недвижим, нем и бледен,
Безжизненные руки опустив;
Колени затряслись. Потом упал он.
Тут поднялся унылый женский вой.

Г А С С А Н
Дай мне забыть ужасную картину!

А л ь м а н с о р
Меня привлек в объятья добрый Али,
Прикрыл рукою влажные глаза,
Чтоб от такого зрелища избавить,
Увел меня и поднял на коня.

Г А С С А Н
(*горько улыбаясь*)
И в замок свой увез тебя потом,
Где встретила тебя твоя Зюлейма,
Улыбкой нежной слезы осушила,
Иль поцелуем даже.

А л ь м а н с о р
Злой Гассан!
Не забывай, что я ребенком был.
Ошибся ты, Зюлеймы милой взоры
Не осушили слез моих тогда.
Из замка Али вырвавшись тайком,
Я в тот же день вернулся в дом к отцу.
Он на полу лежал и бился в муках;
В лохмотьях — платье, в пепле — голова,
И борода всклокочена седая,
И мать моя лежала тут же, плача,
И с ней рабыни, в черных покрывалах.

Смолкало все порой, но вот со словом
«Гренада!» — вырывался чей-то вздох,
И вопли вновь неслись с двойною силою.

Г А С С А Н

(плача)

Да не иссякнет слез источник вечный!

А Л Ь М А Н С О Р

Не сокрушайся так. Подходит больше
К тебе упорство львиное твое,
С каким предстал ты взорам изумленным,
Оружием звеня блестящим в зале.
Мне не забыть, как ты сказал отцу:
«Я больше не слуга тебе, Абдулла,
Аллах меня к служенью призывает».
Ты твердою стопой покинул замок,
И с той поры тебя уж я не видел.

Г А С С А Н

Примкнул тогда я к доблестным борцам,
Которые на высях гор холодных
Укрыли пылкие свои сердца.
И как хранят вершины гор свой снег,
Так мы хранили жар в своей груди;
И как они стоят неколебимо,
Так были мы неколебимы в вере;
И как порой с утесов тех обломки
Свергаются и рушат всё в долине,
Так мы порой свергались вниз с высот
И сокрушали силу христиан;
И вот, тогда предсмертный хрип неверных,
И дальний звон колоколов печальный,
И скорбные напевы их — звучали
В ушах у нас восторгом сладострастья.

Но раз, недавно, тем же нам ответил
Граф Аквилар с дружиною своею,
Нас на последний танец пригласив.
Под звуки труб пронзительно-победных,
Под грохот оглушающий орудий,

При взмахах шпаг кастильских, легкокрылых.
Под свист веселый пуль над головами,
Переселилось в небо много мавров,
Осталась горсть одна на месте танца.

А как, Альмансор, ты с твоей семьею?
Недавно мы с друзьями были здесь,
Но залы опустели, и на нас
Уныло стены скорбные глядели,
И мрачный замок нам сулил печаль.

А л ь м а н с о р

Не требуй песен скорбных, пусть в могиле
Спят мертвецы и все мои страданья.
Ты помнишь, как на вороном коне
Примчался Али с горестною вестью.
Несчастье без свиты не приходит!
Одна другой печальней доходили
К нам вести из Гренады; и, как путник
Бросается стремглав лицом к земле,
Когда самум навстречу жаркий дует,
Так мы бросались в горести на землю,
Чтобы тлетворной вести не услышать.
Узнали мы, что и жрецы отпали —
Альфакисы и с ними Моравиты.

Г а с с а н

Коль нужно где продать за деньги веру,
То первые в делах таких попы.

А л ь м а н с о р

Узнали мы, что и великий Сегри
За тот же крест трусливо ухватился,
Что их пример увлек толпы народа
И тысячи людей креститься стали.

Г а с с а н

Спасенье видит грешник в новом небе.

А л ь м а н с о р

Пришла к нам весть, что Хименес ужасный
Посередине площади, в Гренаде, —

Я не могу, язык немеет, — бросил
Коран священный на огонь костра.

Г а с с а н

Вступленье это. Там, где книги жгут,
Там и людей потом в огонь бросают.

А л ь м а н с о р

Дошло до нас известье, всех ужасней.

(Запинаясь)

Что добрый Али принял христианство.

Пауза.

Тут мой отец не проронил слезинки,
Ни звука жалобы не произнес,
Ни волоска из головы не вырвал.
Лишь судорожно жилы натянулись,
И вырвался внезапно из груди
Безумный смех с пронзительною силой.
Когда же я, в слезах, к нему склонился,
Схватил кинжал он, бешенством охвачен,
«Змеиное отродье», — закричал
И заколоть хотел меня, — но тут же
Вкруг уст сомкнулась складка кроткой грусти.
«Ребенок неповинен», — он промолвил
И медленно побрел в свои покои.
Там он сидел без пищи и питья
Три долгих дня. Когда же появился,
То был неузнаваем. Стал спокоен
И приказал рабам, собрав добро,
Навьючить все на мулов и телеги;
А женщинам велел вино и хлеб
На дальнюю дорогу заготовить.
И сам понес, из рук не выпуская,
Сокровище всех драгоценней — свиток
Законов Магометовых святых,
Тот самый древний и святой пергамент,
В Испанию отцами привезенный.
Так мы страну покинули родную
И двинулись, спеша, но и колеблясь,

♦

Как будто бы невидимые руки
И нежный голос нас влекли назад,
А волчий вой нас гнал вперед неудержимо.
Как матери прощальный поцелуй,
Впивали мы чудесный аромат
Испанских миртов и лимонных рощ;
Уныло вслед деревья шелестели,
И веял ветер сладостно и скорбно,
И птички грустно реяли вкруг нас
И свой привет прощальный щебетали.

Г а с с а н

У вас в руках надежный посох был
Для путников — завет отцовской веры.

А л ь м а н с о р

Прибыв в тот край, где Тарика скала,
Мы быстро переправились в Марокко,
Куда бежали лучшие из нас.
Но, лишь пристали к берегу, зачала
И в гроб легла, убита горем, мать.

Г а с с а н

Да, должен был увянуть цвет лилейный,
Так грубо пересажен на чужбину.

А л ь м а н с о р

И облеклись мы в траурное платье
И двинулись, примкнувши к караванам,
Что держат путь в священный город Мекку.
И в Иемене, в стране своих отцов,
Сомкнул Абдулла горестные очи,
Чтобы потом в отчизне пробудиться,
Где Хименеса нет и Изабеллы.

Г а с с а н

И не нашел в Аравии ты места,
Чтобы отца оплакивать кончину?

А Л Ь М А Н С О Р

О, если б знал ты муки беспокойства,
Когда огонь незримый нас сжигает!
Прижать уста к родной земле испанской...

Г А С С А Н

А кстати и к устам своей Зюлеймы.

А л ь м а н с о р

(сурово)

Слуга отца — не господин над сыном;
Оставь свои обидные попреки.
Да, признаюсь, Зюлеймы жажду я,
Как утренней росы — песок пустыни.
Сегодня же иду я в замок Али.

Г А С С А Н

Нет, не ходи! И, как чумы, беги
Тех мест, где новой веры семена.
Там сладостно-пленительною речью
Исторгнут сердце из твоей груди,
Чтоб заменить его потом змеей.
Там станут лить на голову тебе
Свинец по капле, чтобы бедный мозг
Не мог от дикой боли отдохнуть.
Там имя прежнее твое подменят
И новое дадут, чтобы твой ангел,
Когда тебя по имени окликнет,
Остался без ответа. Не ходи,
Обманутый ребенок, в замок Али,
Альмансора признают — ты погиб!

А л ь м а н с о р

Спокоен будь; никто меня не знает.
В лице моем следы бывшего горя,
Мой взор слезами скорби омрачен,
Походкой я подобен бледной тени,
И голос мой надтреснут, как и сердце, —
Кто ж прежнего Альмансора признает?
Да, да, Гассан, люблю я Али дочь!
Еще хоть раз прелестную увидеть!

Мне только раз любовью опьянеть
При виде стана нежного ее,
В ее глаза душою погрузиться
И аромат вдохнуть ее дыханья, —
И я вернусь в Аравию, в пустыню,
И снова сяду на скале отвесной,
Где некогда Меджнун вздыхал о Лейле! —
А потому спокоен будь, старик.
Никем не признанный, в плаще испанском,
Я незаметно замок обойду;
Союзницей моею будет ночь.

Г а с с а н

Коварна ночь; под черным покрывалом
Она таит кошмары, змей и гадов
И тайно их к ногам твоим подбросит.
Не верь и спутнику ее, что в небе
Средь туч блистает в трепете любовном
И так коварно льет свой свет дрожащий
На призрачные тени вдоль дороги.
Не верь ее лукавому отродью,
Тем золотым звездам, что так приветно
Мигают нам, так нежно разгораясь,
И всё же, словно тысячами пальцев,
Насмешливо указывают сверху.
Нет, не ходи! Сидят у входа в замок
И ждут тебя три женщины, все в черном,
Чтоб задушить тебя в своих объятьях,
Из сердца поцелуем выпить кровь.

А л ь м а н с о р

Останови вращающийся жернов,
Напор потока грудью удержи
И прегради дорогу водопаду, —
Но только не удерживай меня!
Туда влекут меня миллионы нитей,
Причудливо в мозгу переплетенных
И в жилах сердца моего. — Гассан,
Спокойно спи! Мой спутник — старый меч,

Г А С С А Н

А светочем да будет вера предков!

Замок Али. Освещенный кабинет с большою дверью посредине. Слышна музыка танцев. Д о н Э н р и к е лежит у ног З ю л е й м ы.

Д о н Э н р и к е
(напыщенно)

Я опьянен чудесным ароматом,
Теряюсь я, волнением объятый!
Молитвенно колени я склоняю,
В тебе святую деву обожаю!
Ты королева в небесах лучистых,
Не смею я коснуться рук пречистых —
Пусть суждены нам узы Гименея —
У ног твоих лежу, благоговея!

Музыка умолкла. Дон Диего прокрался во время этого объяснения и открыл обе половинки двери. Виден великолепный, переполненный людьми танцевальный зал. Танцующие пары останавливаются и смотрят приветливо на дона Энрике и Зюлейму. Несколько голосов восклицают: «Да здравствует прекрасная чета!»

Трубные звуки. Дон Энрике встает. Дон Диего крадется прочь. Двери остаются открытыми.

З ю л е й м а
(сурово)

Пойдемте в залу.

Д о н Э н р и к е
(подает ей руку, смущенно)

Мой слуга, сеньора,
Виною тому.

З ю л е й м а

Пойдемте, хорошо.

Али и Рыцарь встречаются с ними в дверях.

А л и

Нет, Клара, нет, позволь мне разлучить вас.
Тебя проводит дон Родриго в зал.

*Дверь затворяется.**Зюлейма в сопровождении Рыцаря уходит.*

Д о н Э н р и к е

Я удивляюсь...

А л и

(серьезным тоном)

Вспомните, сеньор,
Что у меня от вас хранится тайна,
Которую я обещал до свадьбы
Открыть вам.

Д о н Э н р и к е

(с любопытством и лъстиво)

Ах, ведь я уже и так
Обязан многим вам...

А л и

Вы — мне? Ничем!
Зависело от Клары лишь одной
Согласием ответить.

Д о н Э н р и к е

Нет, ваш голос
Родительский решил ее судьбу.

А л и

Имел причины я, чтоб отказать вам
В ее руке, но права не имел.
Узнайте: донне Кларе не отец я.

Д о н Э н р и к е
(смущенно)

Вы не отец?

А л и
(улыбаясь)

Сеньор, не беспокойтесь,
Соблюдены законы в завещанье,
Ее своей я дочерью признал.
Теперь вы видите, что только Клара
Располагать могла своей рукой.
Заметьте, что никто не знает тайны,
И даже Клара.

Д о н Э н р и к е
Я дивлюсь, сеньор...

А л и
Вам, жениху, я тайну открываю,
Но вы должны молчание хранить, —
Перед невестой даже, чтоб ее
Не огорчить такой тяжелой вестью
И сохранить ее покой душевный.

Д о н Э н р и к е
(подает ему руку)

Клянусь вам честью, что молчать я буду.

А л и
Я не всегда Гонсальво назывался.

Д о н Э н р и к е
Не менее прекрасно было имя
И прежнее: вас звали добрый Али.

А л и
Да, добрым Али звали все меня!
Но правильное было бы назвать
Счастливым. Али был когда-то счастлив

В любви и дружбе. Друга мне послал —
Редчайшее сокровище господь.
Он дал жену мне, кроткую жену —
Нет, грех именовать ее женою —
Я ангела в объятия заключил;
И радости отца познал я тоже.
Мне мальчика супруга подарила;
Сама же начала бледнеть и вянуть,
И умерла. Меня утешил друг;

И так как в то же время у него
Дочь родилась, то добрая супруга
Взяла осиротевшее дитя,
Взрастила и лелеяла, как мать.
Когда ж его я снова в замок взял,
То каждый раз, когда глядел на сына,
Опять я чувствовал былую скорбь
И горевал о матери. От друга
Не скрылось это. Как-то он сказал:
«Не думаешь ли, Али, что пора нам
Их обручить, как жениха с невестой,
Чтоб закрепить прочнее узы дружбы?»
Я обнял друга, громко зарыдав,
И в тот же час мы вместе порешили,
Что друга дочь возьму я в замок,
Приставлю к ней кормилицу и буду
Воспитывать, чтоб сыну своему
Достойную супругу приготовить,
И что мой сын воспитываться будет
У друга, с тем, чтоб из него он сделал
Достойного для дочери супруга.
Так и сбылось.

Д о н Э н р и к е

Горю от любопытства.

А л и

Они росли, встречались, и любовь
Их сблизила, — но грянула гроза.
Вы помните, как гром ударил с неба

И поразил альхамбрские твердыни
И как дома знатнейшие Гренады
Восприняли религию креста.
Вы знаете, что няня-христианка
Сумела сердце кроткое Зюлеймы
Привлечь к Христу и что Зюлейма вскоре
Спасителя признала перед всеми.
И, восприняв крещения благодать,
Как христианка, Кларой нареклась.
Я тот же путь избрал, влеченью сердца
Последовав и дочери примеру.
Не сомневался я, что старый друг
Рассудит и поступит точно так же.
Но горе мне! Слепой слуга ислама,
Он принял эту весть с холодным гневом
И отвечал, что ненавидит он
Врагов Аллаха, как своих врагов,
Что не желает видеть никогда
Он дочери-отступницы в лицо,
Что он страну змеиную покинет
И что питомца, сына моего,
Он в жертву принесет Аллаха гневу,
Чтоб искупить родителя вину.
Безумец слово страшное сдержал.
Я в замок поспешил к нему, но тщетно:
Он скрылся вместе со своей добычей.
Мне сына больше не пришлось увидеть;
Купцы, прибыв недавно из Марокко,
Сказали мне, что нет его в живых.

Д о н Э н р и к е
(с притворным состраданьем)

Ужасно, право! Страшно я взволнован!
О, сердце кровью облилось! Но вы
Ему не захотели отомстить?
Ведь все-таки осталась дочь злодея
У вас в руках? Как поступили вы?

А л и
(гордо)

Сеньор, я поступил как христианин.
(Уходит.)

Д о н Э н р и к е
(один)

Сказать о том Диего? Да, скажу.
Пусть видит, что не знает он всего.
Он дураком меня считает. Пусть!
Теперь посмотрим, кто из нас умней.
Вновь начинается музыка танцев.
Довольно. Я иные слышу звуки,
Я слишком долго ждать заставил донну.

(Уходит.)

Ночь. Замок Али. Окна освещены. Веселая танцевальная музыка
А л ь м а н с о р стоит в задумчивости. Музыка умолкает.

А л ь м а н с о р

Да, музыка прекрасная. Но грустно,
Что стоит только зазвенеть цимбалам —
И сердце жалят сотни скорпионов;
При мягких и протяжных звуках скрипок
Вонзается мне в сердце острый меч;
Заслышу я победных труб раскаты —
И тело все охватывает дрожь;
Когда ж, гремя, литавры загрохочут,
Мне молоты раскалывают мозг.
Что общего меж мной и этим домом?

(Указывает на замок и на грудь)

Веселье там и звуки арф певучих;
Здесь — только боль с ее змеиным жалом.
Там — светлый день и лампы золотые,
Здесь — ночь с ее раздумьем тяжким, черным.
Там — милая, прекрасная Зюлейма.

(Задумывается, потом показывает на грудь)

Есть общее — Зюлейма также здесь.
Душа Зюлеймы — в этом тесном доме,

В пурпурно-красных комнатках, и с сердцем
Играет в мяч или бренчит на струнах
Моей певучей грусти, как на арфе,
И свитою мои ей служат вздохи, —
И бодрствует на страже у ворот,
Как черный евнух, черное унынье.

(Указывает на замок)

А та, что в светлом зале наверху
Расхаживает в царственном наряде
И шлет привет головкою кудрявой
Мошеннику в шелках, что к ней склонился, —
Она лишь тень бесплотная Зюлеймы,
Лишь кукла со стеклянными глазами
На восковом, безжизненном лице,
Которая под действием пружин
Пустую грудь поднимет и опустит.

Трубные звуки.

Увы! Подходит шелковый мошенник
И приглашает куклу танцевать...
Стеклянные глаза приветливо сверкают!
На милом восковом лице улыбка!
Пружинная приподнялася грудь!
Мошенник грубо трогает руками
Искусственную, хрупкую игрушку...

Шумная музыка.

Он нагло обхватил ее, влечет
С собой в толпу неистовых танцоров!
Стой! Стой! Вы, демоны моих страданий,
Отторгните мошенника от милой!
Разите, громы сердца моего!
Обрушьте на злодея, стены замка,
И раздробите голову ему!

Пауза. Музыка тише.

Попрежнему недвижны эти стены;
О плиты их моя разбилась ярость.
Вы сложены так крепко, прочно, стены,
Но слабая у вас, плохая память!
Альмансор я, и был любимец Али,
Сидел почасту на его коленях,
И говорил мне Али: «Милый сын» —

И гладил ласково по голове, —

И вот, как нищий, я стою у входа.

Музыка смолкла. В замке слышен смутный говор и смех.

Они смеются. Посмеюсь и я!

(Стучится в дверь)

Откройте дверь! Ночлега просит странник!

Двери замка отворяются. Появляется Педрильо с подсвечником; он останавливается в дверях.

П е д р и л ь о

Клянусь Пилатом! Вы стучите крепко:

На бал вы опоздали, кончен он.

А л ь м а н с о р

Я не на бал. Нуждаюсь я в приюте;

Устал с дороги дальней; ночь темна.

П е д р и л ь о

Клянусь пророка бороною, то есть

Клянусь Елизаветою святою...

Не принимают больше здесь. Но близко

Отсюда дом — гостиницей зовется.

А л ь м а н с о р

Здесь не живет уж, значит, добрый Али,

Коль странникам отказывают в крове?

П е д р и л ь о

Клянусь Яго де... де-Компостелла!

Приходит дон Гонсальво в сильный гнев,

Когда его по-старому зовут.

Одна Зюлейма...

(Хлопает себя по лбу)

То есть донна Клара,

Так смеет звать его. И Али часто

Ей по ошибке говорит «Зюлейма».

И я теперь уж больше не Гамама, —

Педрильо я. Так назывался в детстве

Апостол Петр, а старая кухарка

Теперь уж не Габаба — Петронелла,

Так звали в древности жену Петра;

А старое гостеприимство — вздор,
Языческий обычай устаревший
И не по нраву добрым христианам.
Спокойной ночи. Посвечу гостям,
Иные очень далеко живут.

Возвращается в замок и захлопывает двери. В замке движение.

А Л Ь М А Н С О Р
(один)

Вернись, о странник, здесь уж не живут
Ни добрый Али, ни гостеприимство;
Вернись, о мусульманин, вера предков
Покинула давно уж этот дом;
Вернись, Альмансор, старую любовь
С презрением отвергли, посмеялись
Над жалобным ее предсмертным стоном.
Все изменилось — имена и люди;
И ненавистью нареклась любовь.
Выходят, слышу, гости дорогие,
И я смиренно уступаю путь.

(Уходит.)

*Двери замка раскрываются; гулелока и смутный говор.
Слуги с факелами впереди.*

Г о л о с   А л и

Нет, нет, сеньор, нельзя, не допущу.

Д р у г о й   г о л о с

Но эта ночь так хороша, светла,
Невдалеке и лошади, и мулы,
И мягкие носилки нежным дамам.

Т р е т и й   г о л о с
(успокаивающе)

Ведь здесь совсем недалеко, сеньора:
Для ваших ножек путь не так велик.

*Дамы, рыцари, слуги с факелами, музыканты и прочие
выходят из замка. Каждую из дам сопровождает рыцарь.*

П Е Р В Ы Й Р Ы Ц А Р Ь

Вы поняли намек его, сеньора?

Д А М А
(улыбаясь)

О, как вы злы сегодня, дон Антонио.

Проходят.

Д Р У Г А Я Д А М А
(горячо)

Нет, слишком все же вычурно шитье,
И что-то мавританское в покрое.

Р Ы Ц А Р Ь
(с деланной серьезностью)

А что же бедной девушке поделать
С таким запасом мавританских платьев?

Д А М А
На что же маскарады, злой насмешник?
Проходят.
Двое рыцарей идут под руку.

П Е Р В Ы Й
Заметно недоволен был старик,
Когда предстал слуга, *скрестивши руки*,
И доложил о неладах на кухне.

В Т О Р О Й
(насмешливо)
Нет, это что! Как закусил он губы,
Когда дон Карлос стал хвалить свинину
И на пророка в шутку нападать
За то, что это блюдо запретил он.

П Е Р В Ы Й
(добродушно)
Сболтнул кутила старый, видно, сдуру,
Вино с жарким рассудок помutilи.

Второй
(хитро подмигивая, в сторону)

Нередко дурь живет в ладу со злостью.

Проходят.
Два других рыцаря подходят, разговаривая.

Первый рыцарь
(осторожно озираясь)

Из мавро-христиан лишь мы с тобою
У Али были, и когда дон Карлос...

Второй рыцарь

Да, дрогнули черты его от боли,
На нас взглянул он — как узнать, кто друг?

Медленно проходят.
Музыканты идут, настраивая инструменты.

Молодой скрипач

Струна опять сегодня порвалась.

Старик

Да, да, а в голове-то не порвется;
В мозгу ты не натягиваешь струн —
И глупые вопросы задаешь.

Молодой скрипач
(льстиво)

В последний раз! Ведь ум-то у тебя
Тончайший — словно волосок смычка;
Ведь ты у нас бесспорно самый умный,
Ты среди нас, как контрабас среди скрипок, —
Зато же и сердит, как контрабас, —
Скажи мне, почему сорвался с места
И нас испуганно остановил
Хозяин наш, когда играть мы стали
Веселый мавританский танец — самбру,
И почему он приказал сыграть
Взамен его испанское фанданго?

С Т А Р И К

(с самодовольной хитростью)

Эге! Я знаю, только не скажу:
 Политикой попахивает тут.

*Проходят.**Из замка доносится голос дон Энрике.*

Д О Н Э Н Р И К Е

Мне факельщика *одного* довольно,
 Осел Диего будет мне светить.

(Нежно)

А впереди две звездочки зажгутся
 Приветливые — очи донны Клары!

*Смутный говор. Двери закрываются. Появляются дон
 Энрике и дон Диего; последний в одежде слуги
 с факелом.*

Д О Н Д И Е Г О

Теперь мы можем поменяться ролью,
 Теперь уж вы — слуга мой и осел.

Д О Н Э Н Р И К Е

(берет факел)

Старался я, как мог. Не придирайтесь.

Д О Н Д И Е Г О

(величественно)

По чести, вы другим мне показались,
 Совсем другим, когда знакомство с вами
 Я свел в тюрьме Пуэнте-дель-Саурро.

Д О Н Э Н Р И К Е

(успокаивающе)

Не гневайтесь, я верный ваш питомец.

Д О Н Д И Е Г О

Нет, мой питомец должен искусней
 Располагать к себе сеньор богатых.
 Сравнили вы со звездочками очи, —

Такую прелесть вам сравнить бы с солнцем!
 Внимательней поэтов изучайте
 И смажьте хорошенько свой язык,
 Ведь он у вас ко рту прилип как будто,
 Когда вы молча с Кларою сидели.

Д о н Э н р и к е
(тая)

Я восхищался белоснежной ручкой!

Д о н Д и е г о
(громко смеется)

Коль блеск перстней брильянтовых
 прельстил вас,

Сковал язык и ослепил глаза,
 Готов простить я ваше онеменье;
(медленно, с иронией)

Ее рука вас приведет в восторг,
 Когда старик ее позолотит.
 Я разделю тогда восторг ваш с вами,
 Из золота восторг, блестящий, звонкий!
 И вам представлю — любоваться
 Игрою сладкой пальцев белоснежных,
 И пышную упругость фигуры,
 И голубыми жилками под кожей!

Д о н Э н р и к е
(обидчиво)

Без шуток! Добиваюсь я богатства,
 Но, признаюсь, и красотой пленен.

Д о н Д и е г о .

Избави бог разрыть копну навоза!
 Разрой ее — так амброй не запахнет.
 Люби не изнутри, а лишь снаружи!
 В делах любви плохой союзник — чувство,
 Полезней слово, мимика, подвижность.
 А если не помогут и они,
 Помогут нарумяненные щеки,
 Искусственные икры из Мадрида,

Тугой корсет и накладная грудь —
Оружье из портновских арсеналов;
А если нет, то уж помогут, верно,
Ножи, отмычки...

(Смотрит на него с холодной улыбкой.)

Помните, сеньор,
Подделанные мною документы —
Старинный шрифт и бледные чернила —
Те, будто бы потерянные письма,
В которых дон Гонсальво прочитал...

(Смеется.)

Лишь мне, сеньор, обязаны вы честью
Считаться принцем; будьте же разумны
И говорите так, как я учил;
Толкуйте о религии, морали,
Следы кнута показывайте чаще
Тюремного; зовите их рубцами,
Которые получены в борьбе
За дело правды; к мужеству взывайте,
А главное, бородку завивайте.

Д о н Э н р и к е

Сеньор, я преклоняюсь перед вами,
Но не возьму я в толк, каким манером
Попа втянуть вам в дело удалось?

Д о н Д и е г о

И у попов есть ремесло на свете;
Но у святых отцов — святые цели:
Им нужно золото для чаш церковных
И вина разные, чтоб их наполнить.
Заметили, как передернул я?
Я ловко сдал, вам нужно козырнуть
По даме — сердцем, а по королю,
По старику, конечно уж, — крестом,
И ваши карты выиграли, и завтра
Я принесу вам свадебный привет.

Д о н Э н р и к е
(набожно смотрит в небо)

Отец всевышний мой! Благодарю!

Д о н Д и е г о
Да, он всевышний, он в Сан-Сальвадоре
На виселице вздернут высоко.

Уходят.

Альмансор выходит.

А л ь м а н с о р

Рассеялись нетопыри и совы —
Вся стая пестрая. Их хриплый крик
Мой слух наполнил жутким содроганьем,
Дыхание мое остановил.
И ты, Зюлейма, в этой черной стае,
Средь воронья? Ты, белая голубка?
Червями роза дивная покрыта?
Неужто ты во власти чар, Зюлейма?
Альмансора тоскующего образ
В душе твоей рассеялся бесследно?
И о любви его воспоминанье
В груди не возникает с нежным вздохом?
Там, наверху, блещут любви посланцы.
Я тысячи к ним посылал приветов,
И сладостно моя точилась кровь
Из тысячи любовных ран сердечных.
И ни один посланец не доставил
Моей любимой от меня привета!
Стыдитесь же, неверные посланцы,
Вы так умно мигаете нам сверху
И хвалитесь, что судьбы вам подвластны!
Моих вы не доставили приветов,
А голуби приносят неизменно
Слова любви от пастухов пустыни!
Давно уж улеглась в постели челядь,
Заботливо погашены огни,
И лишь единственный горит в окне;
Оно знакомо мне: там спит Зюлейма.

Под ним, что ночь, стоял я дивным летом,
Играл на лютне, и моя подруга
С улыбкой выходила на балкон.

(Вынимает лютню.)

Вот лютня старая. Ее напевы
Еще звучат в душе; я испытаю,
Подействует ли власть старинных чар.

(Играет и поет)

Блещут звезды голубые,
Озаряя землю светом,
И цветочки полевые
Смотрят с ласковым приветом.

Месяц с неба вниз глядится
В воды темные потока,
И любовью он томится,
Погружаясь в них глубоко.

Голубки воркуют жарко
В душном зное ночи юга,
И, поблескивая ярко,
К светлячку летит подруга.

Ветерочек налетает,
Шелестит, резвясь, листвою,
Поцелуи посылает,
Грезой зыблется ночью.

Ждут цветы, поток струится,
Вот звезда с небес скатилась,
Все смеется, веселится,
Все любовью озарилось.

Г о л о с   З ю л е й м ы

(из замка)

Не сон ли то, меня окутав лаской,
Забытые созвучья воскресил?
Не дух ли зла, чтоб обольстить меня,
Поет ту песню голосом любимым?
Не мертвый ли Альмансор здесь блуждает
И призраком является в ночи?

А Л Ь М А Н С О Р

Нет, то не сон тебя чарует грезой,
Не злобный дух готовит обольщение,
И не Альмансор мертвый здесь блуждает —
Нет, это сам Альмансор, сын Абдуллы.
Он возвратился и хранит, как прежде,
В живой груди любовь к тебе живую.
Зюлейма со свечою выходит на балкон.

З ю л е й м а

Привет тебе, Альмансор-бен-Абдулла,
Привет тебе, восставший из могилы!
Была нам весть печальная: погиб
Альмансор — и глаза Зюлеймы стали
Источниками слез неосушимых.

А л ь м а н с о р

О звезды светлые, глаза-фиалки!
Вы и тогда мне верными остались,
Когда душа Зюлеймы изменила.

З ю л е й м а

Глаза — души светящиеся окна,
И слезы — кровь прозрачная души.

А л ь м а н с о р

Коль кровь сочилась из души слезами,
Когда отца и мать похоронил я,
То истечет душа и вовсе кровью
Здесь, над могилою любви Зюлеймы.

З ю л е й м а

О горькие слова, и горше — весть!
Вы тяжко грудь терзаете мою,
Душа Зюлеймы истекает кровью.

(Плачет.)

А л ь м а н с о р

О нет, не плачь! Не плачь! Смолой кипящей
На сердце слезы падают твои,

Тебя уж я не огорчу отныне!
В тебе святыню сердцем буду чтить,
Вблизи которой нет кровавой мести
И острое ломается кинжала;
Вблизи которой голубь и газель
Защищены от стрел, несущих гибель;
Вблизи которой хищник беспощадный
Благоговейно скрещивает руки.
Ты для меня священная Кааба:
Тебя лобзал я жаркими устами,
Священный камень Мекки лобызая, —
Ты и сладка и холодна, как он!

З ю л е й м а

Когда во мне ты чтить свою святыню,
То обломи кинжал своих речей;
Держи в колчане яростные стрелы,
Которые пронзают больно сердце;
И руки не сжимай, как на молитве,
Чтоб тем верней похитить мой покой.
Я ранена и так ужасной вестью
О смерти бен-Абдуллы и Фатимы;
Обоих я любила, как родных,
И дочьрю Зюлейму оба звали!
О, расскажи, как умерла Фатима?

А л ь м а н с о р

Безмолвно мать покоилась на ложе,
Я слева плакал, преклонив колени;
Стоял Абдулла справа, недвижим;
И ангел смерти с пальмовою ветвью
Уже витал над ложем наяву.
Я не хотел со смертью примириться
И в страхе руку матери схватил.
Но, как песок в часах течет все тише,
Так замедлялся жизни ток в руке.
В лице ее сменялись непрестанно
Боль и улыбка, и, когда я тихо
Склонился к ней, промолвила она,
Вздохнув глубоко: «Поцелуй Зюлейму...»

При этом слове застонал Абдулла,
Как стонет насмерть пораженный зверь.
Умолкла мать и лишь в руке холодной
Мою держала руку в знак обета.

З ю л е й м а

О мать моя, Фатима, до конца
Любила ты несчастное дитя!
Но ненависть Абдулла сохранил,
Сходя в свой темный и глубокий дом.

А л ь м а н с о р

Он не унес ее с собой. Хотя
При случае, когда он слышал имя
«Зюлейма» или «Али», то в груди
Рождалась буря, собирались тучи
Вокруг чела, глаза его сверкали,
И он проклятье дико извергал.
Но как-то раз, волнением разбитый,
Отец упал и погрузился в сон.
Я ожидал, пока отец проснется.
Я поразился! Он ресницы поднял,
И отразились у него во взоре
Не гнев, а только нежность и участие;
Веселая улыбка заиграла
Вкруг уст его, взамен безумной скорби;
И вместо прежних яростных проклятий
Он тихим, кротким голосом сказал:
«Так хочет мать, я изменить не в силах,
А потому сядь на корабль, мой сын,
И возвратись в Испанию, поди
В дом Али, разыщи мою Зюлейму
И ей скажи...» —

Но бледный ангел смерти
Пресек своим пылающим мечом
Абдуллы жизнь, а с ней и речь Абдуллы.

Пауза.

Я схоронил его, но положил
Лицом не к Мекке, как велит Коран;
Я положил покойника лицом

К Гренаде — так, как он хотел при жизни.
Там он лежит с раскрытыми глазами
И смотрит вслед мне.

(Медленно оборачивается назад)

О отец покойный,
Ты видел, как я брел песком пустыни,
Ты видел, как я плыл к земле испанской,
Ты видел, как спешил я к замку Али,
И видишь здесь меня.

Я здесь, с Зюлеймой.
Открой мне, дух Абдуллы, что сказать?

Появляется Тень в черном плаще.

Т Е Н ь

Ты ей скажи: «Сойди, сойди, Зюлейма,
Покинь покой мраморные замка
И на коня с Альмансором садись.
В стране, где тени пальм дают прохладу,
Где от земли струятся ароматы
И с песнею пастух пасет овец,
Там есть шатер роскошный, полотняный,
Там есть газели с умными глазами,
И кроткие верблюды с длинной шеей,
И девушки там черные в венках
Стоят у разукрашенной палатки
И ждут свою царицу. — О Зюлейма,
Туда, туда с Альмансором беги!»

Сад перед замком Али, весь в цветах, освещенный утренним солнцем. З ю л е й м а распростерлась с молитвою перед распятием. Она медленно встает.

З ю л е й м а

И все же грудь заботой стеснена!
Трепетет сердце. Или это радость,
Что жив, кого оплакивала я?
Не радость, нет: ее не совместить
С моей священной клятвой, с обетом,

Который я духовнику дала.
 Альмансор возвратился. Но когда
 Отец узнает, разразится гнев
 Над сыном смертного врага. Обиды
 Он не забыл. Еще гнездятся в сердце
 Те демоны, что ярость возбуждают,
 Когда Абдуллы имя слышит он.
 В чем виноват Абдулла? Мой родитель
 Всегда так кроток. Замечала я:
 Он по ночам по замку часто бродит
 И все зовет: «Абдулла, выходи
 Со мной сразиться, кровь за кровь». —
Альмансор!

Не попадайся на глаза, беги!
 Вражда отцов приносит детям смерть.
 Я на тебя накинута покрывало,
 Чтоб взор отца не встретился с тобой.
 Тебе грозит опасность, и проснулись
 Те чувства, что меня так волновали,
 Когда играли мы, жених с невестой,
 И ты на ветви яблони взобрался,
 А я тебя просила со слезами,
 Чтоб ты спустился с страшной высоты.
(Задумавшись)

«Альмансор мертв», — сказали злые люди,
 Поверило злой вести злое сердце,
 И стала я невестою другого!
 Тебя любить я буду так, как брата, —
 Будь братом мне, мой дорогой Альмансор!

Потупляет взор и со вздохом произносит: «Альмансор». Альмансор, между тем, появился незаметно; он приближается к Зюлейме, кладет ей руки на плечи и, улыбаясь, произносит со вздохом, как и она: «Зюлейма».

З ю л е й м а

(испуганно оглядывается и долго смотрит на него)

Ты сильно изменился, мой Альмансор.
 Ты стал мужчиной взрослым, но привычки
 Ребяческой доныне не оставил.

Попрежнему пугаешь ты меня,
Когда я разговор веду с цветами.

А л ь м а н с о р
(с веселой улыбкой)

Какой цветок, скажи мне, дорогая,
«Альмансорем» зовется? Это имя
Подходит только к мрачному цветку!

З ю л е й м а

Скажи сначала, друг унылый, хмурый,
Какая тень являлась к нам в ночи?

А л ь м а н с о р

То старый друг, он и тебе знаком,
То был старик Гассан, который ходит,
Как верный пес, за мною по пятам.
Оставь, мой милый друг, свою суровость
И сбрось покров, что омрачает взор твой.
Как мотылек личинку отряхает
И расправляет радужные крылья,
Так и земля покров стряхнула черный,
В который мрак ночной ее укутал.
Склоняясь к ней, ее целует солнце,
В лесу зеленом песня раздается,
Ручей шумит и рассыпает жемчуг,
Роса кропит цветы слезами счастья,
Как будто свет дневной — волшебный жезл,
Что, пробудив цветы и песни, даже
В душе Альмансора рассеял мрак.

З ю л е й м а

Не верь цветам, что ласково кивают,
Не верь и песням, что звучат так нежно:
Они тебя к гибели зовут.

А л ь м а н с о р

Не отступлю и смерти не боюсь.
Так хорошо мне, так отрадно здесь!
Проснулись золотые грезы детства!

Вот сад, где было сладко мне играть,
Я узнаю цветы, что мне кивали,
И чиж поет, как прежде, по утрам, —
Но где же мирт, скажи мне, дорогая?
Где он стоял, там ныне кипарисы.

З ю л е й м а

Погиб тот мирт, и на его могиле
В саду посажен кипарис печальный.

А л ь м а н с о р

Еще стоит беседка из жасминов,
Где мы с тобой рассказывали сказки
Про Лейлы страсть и Меджнуна безумье,
Про их любовь взаимную и смерть.
И фиговое дерево стоит,
Его плоды дарила ты за сказки;
И виноград, как прежде, здесь, и дыни, —
Мы освежались ими, наболтавшись;
Но где гранат, скажи мне, дорогая?
На нем сидел когда-то соловей
И изливался страстью к красной розе.

З ю л е й м а

С той розы ветер лепестки сорвал,
И соловей с чудесной песней умер,
И топором срубили стройный ствол
Цветущего, прекрасного граната.

А л ь м а н с о р

Здесь хорошо! Так твердо я стою
На этой почве, будто к ней прикован;
Я неподвижен в этом нежном круге,
Которым обвела меня ты, фея;
Здесь веет ароматами бальзама,
Здесь говорят цветы, поют деревья,
Знакомые картины воскресают.

(Увидев распятие, изумляется.)

Но, что за чуждый образ там, скажи?
Он смотрит кротко так и так печально,

И горькая слеза катится в чашу
Покоя и блаженства моего.

З ю л е й м а

Тебе неведом лик святой, Альмансор?
В блаженных снах тебе он не являлся?
Ты на путях своих его не встретил?
Опомнись поскорей, мой брат заблудший!

А л ь м а н с о р

Да, этот образ на пути я встретил
В тот день, когда в Испанию вернулся.
Там, по дороге к Хересу, стоит
Роскошная, чудесная мечеть.
И там, где с башни муэдзин зывал:
«Аллах — единый бог и Магомет,
Пророк его!» — там колокольный звон
Услышал я, густой, протяжный, гулкий.
Из врат ко мне, как темная река,
Неслись могучие органа звуки,
Взлетая ввысь и бурно клокая,
Как будто бы смола в котле волшебном.
И, как руками длинными, меня
Те звуки в дом насильно увлекли,
И грудь мою обвили, словно змея,
И больно в сердце жалили меня,
Как будто Кафф давил меня собою
И клюв Симурга сердце мне терзал.
И в доме том, как похоронный гимн,
Звучало пенье странных незнакомцев,
На вид суровых, с бритой головою,
В цветных одеждах; отроки, то в белом,
То в красном платье, вторили им звонко,
Порою в колокольчики звонили
И ладаном кадили благовонным.
И тысячи свечей сиянье лили
На этот блеск, на эту позолоту.
Куда бы взор очей ни проникал,
Повсюду, в каждой нише он встречался
С тем образом, что вижу здесь опять,

Но бледен был и полон тяжелой скорби
Страдальца лик, глядевший с тех картин.
То сыпался на тело град ударов,
То падал он под бременем креста,
То на него с презрением плевали
Или венчали тернием чело,
То распинали на кресте и острым
Копьем пронзали ребра — кровь и кровь
Лилась повсюду. Видел я еще
Печальную жену, она в руках
Держала тело мертвое страдальца,
Поблекшее, нагое, в страшных ранах, —
Тут голос я пронзительный услышал:
«Се кровь его» — и, оглянувшись, вижу...

(содрогаюсь)

Из чаши пьет какой-то человек.

Пауза.

З ю л е й м а

Ты в храм любви вступил тогда, Альмансор,
Но слепотою омрачились очи.
Ты не нашел в нем светлого приволья,
Что красит так языческие храмы,
И чужд ему тот будничный уют,
Что свойственен мечетям мусульманским.
Иной приют, суровее и чище,
Любовь себе в сем мире избрала.
Ребенок взрослым делается там,
И взрослые становятся как дети;
Богатство обретает в нем бедняк,
И в нищете богач блаженство видит;
В нем радость претворяется в печаль,
Уныние сменяется восторгом.
Сама любовь на землю к нам сошла,
Как скорбный образ нищего ребенка.
Ей ложем ясли тесные служили,
Солома изголовьем ей была;
Она была гонима, словно лань,
Ученостью и глупостью людскою.

И продана была любовь за деньги,
И презрели, и распяли ее, —
Но от ее семи предсмертных вздохов
Раскрылись семь замков железных, — их
Сам сатана привесил к райской двери, —
И точно семь отверстых ран любви,
И семь небес отверзлись чередою
И приняли и праведных и грешных.
Ты зрел любовь, как хладный труп в объятьях
Жены печальной на святой картине.
О, верь, весь род людской согреться может
Близ этого безжизненного тела;
Из крови той взросли цветы, чудесней,
Чем все цветы в садах у Аль-Рашида;
О, верь, что из очей жены печальной
Струится сладкий розовый елей,
Душистее, чем все Шираза розы.
И ты вкусишь, Альмансор-бен-Абдулла,
От вечной плоти и от вечной крови,
Ты с ангелами в трапезе участник,
Ты причастишься и вина и хлеба,
И для тебя открыт чертог блаженства,
И от могучих козней сатаны
Твоя защита — Иисус Христос,
Коль ты вкусишь от «хлеба и вина».

А л ь м а н с о р

Ты слово дивное произнесла,
Оно творит миры, миры объемлет,
И это слово дивное — «любовь»! —
Ликую, вторят ангелы тебе,
И небеса созвучным эхом вторят.
Ты слово молвила — и облака
Сомкнулись, словно купол над собором,
И вязы зашумели, как орган,
И песни птиц — как тихая молитва,
И от земли струится благовонье,
И луг в цветах стал божьим алтарем.
И вся земля — как храм любви единой.

З ю л е й м а

Великая Голгофа — вся земля,
Любовь царит, но истекает кровью.

А л ь м а н с о р

О, не вплетай в венец надгробный мирт,
Любви не облакай покровом черным.
Любви ты жрица на земле, Зюлейма.
Сама любовь живет в груди твоей,
Из светлых окон глаз твоих глядит;
От нежных уст любви дыханьем веет:
На вас, пурпурно-розовые губы,
На вас любовь воздвигла царский трон,
Вы для души моей приют отрадный.
Что молвила Фатима, умирая? —
«Мой поцелуй отдай моей Зюлейме».

Они долго и скорбно смотрят друг на друга. Торжественно обмениваются поцелуем.

З ю л е й м а

То был предсмертный поцелуй Фатимы,
Прими же поцелуй живой Христа.

А л ь м а н с о р

Любви впитал я дивный аромат
Из чаши уст рубиновых твоих.
Я прикоснулся к пламенной струе,
Мне сладостный бальзам наполнил жилы
И сердце освежил и опалил.

(Обнимает ее.)

Нет, не покину я тебя, Зюлейма!
Пусть золотой чертог Аллах раскроет
И гурии манят меня очами,
Я буду тверд, останусь я с тобою
И крепче стан твой нежный обниму.
Отныне только небеса Зюлеймы —
Альмансора приют, Зюлеймы бог —
Альмансора господь, Зюлеймы крест —
Альмансору защита, твой Христос —

Альмансора спаситель, и молиться
 Я буду там, где молится Зюлейма.
 В волнах любви я плаваю блаженно,
 И звуки дивных арф мой нежат слух.
 Деревья водят странный хоровод,
 И ангелы в меня лучами мечут
 И осыпают пылью от цветов.
 Отверзлись небеса в сиянье славы,
 И я несусь на крыльях золотых
 К блаженству вечному!..

*Издали доносятся колокольный перезвон и церковное
 пение.*

З ю л е й м а
(в испуге отворачивается)

Иисус-Мария!

А л ь м а н с о р

Кто разодрал покровы золотые,
 Что мне соткали радостные грезы?
 Любимая, ты побледнела вдруг,
 И стала роза лилии белее, —
 Скажи, не смерть ли увидала ты,
 Которая нас разлучить явилась?

З ю л е й м а

Смерть не разлучит, смерть соединит нас,
 И только жизнь разлукой нам грозит.
 Ты слышишь колокольный звон, Альмансор?
 Вещает он:

(прикрывает лицо)

«Зюлейма в брак вступает,
 Но не Альмансор мужем будет ей».

Пауза.

А л ь м а н с о р

Так, — значит, самый страшный яд влила
 Ты в сердце мне, царица страшных змей!
 Его — пары мертвят цветов дыханье,

Окрасилась вода фонтана в кровь,
 И падают отравленные птицы.
 Ты вовлекла меня напевом лъстивым
 В застенок тот, что церковью зовется,
 И пригвоздила к своему кресту.
 Ты в колокол звонишь теперь усердно,
 Игрой органа заглушить ты хочешь
 Раскаянье мое, мольбы к Аллаху!
 Меня ты, злая фея, заманила
 В жемчужную коляску с голубками
 И к облакам взнесла меня высоко,
 Чтобы оттуда вниз внезапно сбросить.
 Я падаю, я смех твой слышу громкий
 И вижу, что волшебная коляска
 Вся в пламени и превратилась в гроб,
 Что голубки в драконов обратились,
 Что правишь ты змеиными вожжами —
 И я лечу, проклятье изрыгая,
 Все ниже, ниже — прямо в бездну ада,
 И дьяволы бледнеют от испуга,
 Проклятиям моим безумным внемля.
 Прочь! Прочь отсюда! Знаю я проклятье
 Ужасней всех, сам Эблис побледнеет,
 И солнце вспять в испуге обратится,
 И мертвецы поднимутся из гроба,
 И станут камнем зверь и человек.

(Убегает.)

*Зюлейма, которая стояла неподвижно, с прикры-
 тым руками лицом, падает ниц перед распятием.
 Слышно церковное пение; проходит процессия монахов
 с хоругвями и иконами.*

Лес.

Х о р

Испания — большой, прекрасный сад,
 В нем дивные деревья распустились,
 Плоды, цветы; но мавров города
 Цвели пышнее в их великолепье,

Когда своею мощною рукою
Их насадил в земле испанской Тарик.
Возвысилась держава их, росла,
И расцвела в величье громких дел,
И светом славы вскоре превзошла
Отчизны древней почести и блеск.
Когда бежал последний Омаяд
От трапезы ужасной Абассида,
Который завалил, смеясь, столы
Кровавыми телами Омаядов;
Когда, затем, в Испанию он спасся,
Собрав всех мавров, верность сохранивших
Последней ветви царственного дома, —
Вражда возникла ярая меж ними
И братьями по вере на Востоке;
Нить порвалась, что от земли испанской
Шла по морю до самого Дамаска,
Кончаясь там, где был калифов трон;
И в раззолоченных дворцах Кордовы
Повеял дух и чище и живей,
Чем тот, что был в гаремах на Востоке.
И письма на стенах заменились
Картинами, где в светлом сочетанье
И звери и цветы являлись взору;
Где тамбурин с цимбалами бренчали,
Там раздались напевы под гитару,
И зазвучали страстные романсы;
И где владыки мрачный, строгий взор
На ложе звал рабыню, там жена
Явилась с поднятою головою
И нежною рукой смирила грубость
Обычаев суровых мавританских.
И расцвело прекрасное в прекрасном.
Искусство, знание, слава и любовь
Взросли тогда, лелеемые пышно
Абдерраимов царственной рукой.
Из Византии стали прибывать
Ученые и привозили свитки;
И мудрость их дала плодов избыток;
Тогда в Кордову начали стекаться

Из разных стран толпой ученики,
Чтоб наблюдать течение светил
И разрешать загадки нашей жизни.
Кордова пала, и на смену ей
В величии Гренада вознеслась.
Еще поется в песнях до сих пор
О рыцарях Гренады благородных,
О чести их, об их великодушие,
О том, как билось у красавиц сердце,
Когда те рыцари вступали в бой.
Но наступил иной, кровавый бой,
И пала светозарная Гренада,
И победитель, чести бранной чуждый,
Коварно слову изменил, которым
Свободу веры маврам обещал,
И побежденным предоставил выбор
Испанию для Африки покинуть
Иль веру христианскую принять.
Крестился Али. Он не захотел
Вернуться снова в дикую страну.
Его влекли искусство, красота,
Наука, здесь расцветшие так пышно.
Он о судьбе заботился Зюлеймы,
Которая могла увянуть вскоре
В покоях тесных душного гарема.
Его влекла любовь к отчизне милой,
К Испании прекрасной и цветущей.
Но более всего его влекло
Чудесное виденье, дивный сон,
В котором вихрь и буря, стонет ветер,
Звенит оружие и несется клич:
«Кирога и Риего!» — клич безумный,—
Струится кровь ручьями, и темницы
И замки угнетателей — в дыму
И в пламени, и восстает в дыму
И в пламени глагол святой, извечный,
Сиянье благодати излучая.

(Удаляется.)

А Л Ь М А Н С О Р

(появляется в задумчивости. Холодно и вяло)

В старинных сказках — замки золотые,
Под звуки арф красавицы там пляшут,
Блестят одежды праздничные слуг,
Благоухают розы и жасмины.
Но стоит слово вымолвить одно,
И миг исчезнет все очарованье,
Останутся развалины в пыли
И карканье болотных птиц в трясине.
Так я одним своим единым словом
Цветущий мир расколдовал в мгновенье.
Недвижим он, и холоден, и вял,
Подобно телу мертвого владыки,
Чьи щеки покрывает слой румян
И в руки вложен скиптр величавый,
Но губы вянут блеклой желтизной —
Забыли их, как щеки, нарумянить,
И мыши нагло возятся у носа,
Над скипетром владыки издеваясь...
Не наша ль кровь слепит порой нам очи
И розовым сияньем озаряет,
И красит так чудесно листья розы,
Ланиты дев, и облака над нами,
И прочий вздор, что нас в восторг приводит?
Но вот я снял волшебные очки —
И что за скверный мир передо мной!
Фальшивят птицы, и кряхтят деревья,
Как древние старухи; не лучи
Льет солнце с неба, а одни лишь тени;
Бесстыжие фиалки, как блудницы;
Тюльпаны, и гвоздики, и левкой
Наряд воскресный пестрый поснимали
И облеклись в заштопанные платья.
Во мне всего заметней перемена:
Девичий нрав, и тот не так изменчив!
Я превратился в костяной скелет;
Мои слова — порыв холодный ветра,
Что дребезжит по ребрам обнаженным,

Бесследно сгинул, выселился умник
Из головы, и в черепе моем
Паук спокойно тянет паутину.
И плачу я лишь внутренне: во сне
Глаза мои украдены, взамен
Мне вставили пылающие угли.

Ты, ангел, о котором говорила
Мне няня встарь, что будто счет ведешь ты
Слезам, которые ронял Альмансор,
Ты отдохнешь теперь. Тяжел был труд,
Твой каждодневный труд, мой бедный счетчик:
Не просчитался ль ты? И как ты мог
Запомнить наизусть такие числа?
Ты утомился, да и я устал.
Устало сердце биться непрерывно.
Мы отдохнем.

(Ложится под каштановым деревом.)

Я очень утомлен,
Я очень болен, более чем болен!
Ведь наша жизнь болезней всех страшней;
Нас исцелит лишь смерть одна. Она —
Последнее, хоть горькое, лекарство,
И под рукой всегда, и дешева.

(Вынимает кинжал.)

Лекарство из металла, ты глядишь
С сомнением. Поможешь ли ты мне?

Г а с с а н

(подходит незаметно)

Аллах тебе поможет!

А л ь м а н с о р

(не замечая его, обращается к кинжалу)

Что бормочешь?

Ужель нуждаешься ты в остром слове,
Чтобы пронзить измученное сердце?

Г а с с а н

Все благо, что Аллах творит,

А Л Ь М А Н С О Р

(продолжает обращаться к кинжалу)

Ха, ха!

Кинжал пустился, кажется, в мораль!
 Своим молчаньем больше скажешь ты,
 Чем моралист своею болтовнею.

Г А С С А Н

(со вздохом)

Альмансор-бен-Абдулла, что ты хочешь?

А Л Ь М А Н С О Р

(увидев Гассана)

А! Это ты, двуногий умник, ты!
 С глазами ты и с бородой Гассана?
 Ты — сам Гассан? Вот это хорошо.
 С тобою мы расстанемся. Прощай!
 Я ухожу.

(Показывает кинжал)

Вот этот узкий мостик

Ведет из края скорби в край улады.
 Пускай при входе в этот край стоит
 С мечом в руках гигант, как уголь, черный,
 Он только трусам страшен, а отважный
 Пройдет спокойно мимо, в край улады.
 Да, там улада истинная, или —
 Что все равно — там истинный покой.
 Не слышно там докучного жужжания,
 И даже мухи не щекочут носа,
 И яркий свет очей там не слепит;
 Неведомы жара там, стужа, голод
 И жажда; что всего важней, там спишь
 День напролет, и ночью тоже спишь.

Г А С С А Н

Нет, сын Абдуллы, только малодушный
 Страданию противиться не в силах,
 И кажет тыл, и в ужасе бежит,
 Оставив поле битвы; встань, Альмансор!

А Л Ь М А Н С О Р
(поднимает каштан с земли)

По чьей вине упал каштан на землю?

Г А С С А Н

Червяк волокна подточил каштана,
И вихрем наземь сбросило его.

А Л Ь М А Н С О Р

Как удержаться может человек,
Плод всех слабей, когда ему червяк...
(показывает на сердце)

И самый злой червяк подточит силы,
И вихрь отчаянья его колеблет?

Г А С С А Н

Альмансор, встань скорей! Презренный червь
Пускай во прахе корчится — орел
Взлетает ввысь, к лучам извечным солнца.

А Л Ь М А Н С О Р

Обрежь орлу могучих два крыла,
И он, как червь, падет во прах на землю.
Отчаянье меня лишило крыльев,
Тех крыльев золотых, что в раннем детстве
Меня возносили к небу высоко.

Г А С С А Н

Коль скажут мне про камень неподвижный
«Альмансор это!», я готов поверить.
Но не Альмансор ты, глядящий тупо
Раскрытыми, застывшими глазами,
Как брата твоего позорит враг,
Как нагло и надменно он смеется
Над лучшими, знатнейшими из нас,
Как разоряет их и на чужбину,
Беспомощных, бичами гонит прочь, —
Будь ты Альмансор, ты бы услышал
Стенанье жен и старцев беззащитных,

И наглый смех врагов, и вопль ужасный
Их жертв в дыму и пламени костров.

А л ь м а н с о р

Альмансор я. Я вижу этих псов!
Они собратьям в бороду плюют
И попирают их затем ногой.
Я слышу женщины несчастной плач:
Она в посту отведала жаркого
И жарится теперь во славу божью.
Вот девушку прекрасную связали —
Ее влюбленный пламень обнимает
И огненными лижет языками;
Она кричит, и рвется, вся зардевшись
От пламенных поклонников, и плачет,
Несчастная! И в яростное пламя
Роняет жемчуг светлых слез своих.
Однако же какое дело мне?
Все сердце исколола мне судьба,
И нет в нем места для уколов новых.
К пчелиным жалам равнодушен тот,
Кто, окровавленный, лежит на плахе.
Альмансор я, поверь, и грудь открыта
Моя, как прежде, для чужих страданий;
Но узкими вратами в эту грудь
Уж слишком много тяжких мук проникло,
И грудь полна...

(С тихой робостью)

А кой-какие гости
И в мозг проникли в поисках приюта.

Г а с с а н

Вставай скорей! Не то скажу я слово,
Которое тебя встряхнет и кровь
Наполнит новым жаром...

(Наклоняясь к нему)

Знай, Зюлейма
В объятиях испанца ночью будет.

А Л Ь М А Н С О Р
(*судорожно вскакивает*)

Обрушилось мне на голову солнце
И расколело бедный мозг, и гости;
Что там гнездились, выползли на свет
И надо мной кружат нетопырями,
Жужжат, и вьются, и туманят мысли
Дыханием смертельным, ядовитым!

(*Хватается за голову.*)

О, горе мне! Колдунья сорвала
Мой череп и забросила его
В тот зал, где свадьба, где испанский пес
Целует, лая, милую мою
И языком поцелкивает. — Ужас!

(*Бросается к ногам Гассана.*)

Приди на помощь голове моей,
В крови, без рук она — кто пса задушит? —
Гассан! Гассан! отдай свои мне руки!

Г А С С А Н

Да, руки я отдам тебе, Альмансор,
И руки всех друзей отдам я также.
Испанского мы уничтожим пса,
Что захватил сокровище твое.
Вставай! Твоей Зюлейма будет скоро.

Альмансор встает.

Подслушав ваш вчерашний разговор,
Бежать я вам советовал, но тщетно;
Однако же отчаянью нет места.
Я всех друзей своих сюда созвал;
По знаку моему они ворвутся
В дом Али как непрошенные гости;
Невесту схватишь ты и отведешь
На тот корабль, что в пристани стоит;
Любовь Зюлеймы быстро возвратится.

А Л Ь М А Н С О Р

Любовь! Любовь! Ха, ха! Пустое слово,
Которое сказал спросонья ангел,

Зевнув притом. Потом опять зевнул,
И тысячи глупцов, и стар и млад,
Разинув рты, кричат: «Любовь! Любовь!»
Нет, нет! Я больше не зефир влюбленный,
Целующий девические щечки;
Я вихрь, что ей взметает волоса
И увлекает яростно с собой.
Нет, больше я не тонкий аромат,
Что девушке щекочет обонянье;
Я ядовитый пар, который жжет
И ей дурманит голову и сердце.
И не ягненок больше кроткий я,
Что ласково к ногам пастушки жмется;
Я тигр, в ее вцепляющийся стан
И тело разрывающий в куски;
Теперь я тела требую Зюлеймы,
Я только зверь счастливый, только зверь;
И, в опьянение чувства, я забуду,
Что кроткие над нами небеса.
(*Стремительно хватает Гассана за руку.*)
Останусь я с тобой, Гассан! Средь моря
Пустынного мы оснуем державу.
И данником испанец будет гордый;
Его богатства будут нам добычей.
На палубе мы рядом будем биться
И черепа испанские дробить —
Собак поганных за борт! Судно — наше!
Ну, а теперь, чтоб отдохнуть от битвы,
К Зюлейме я в каюту поспешу,
Сожму ее в объятиях коварных
И поцелуями сотру с груди
Кровавый след. — Противится она?
К ногам моим, рабыня! Пресмыкайся!
Ничтожество! Удел твой — охлаждать
Кровавый пыл бойца! К ногам, рабыня,
Покорна будь и остуди мой жар!

Оба поспешно уходят.

Зал в замке Али. Рыцари и дамы сидят в праздничных нарядах за столом. Али. Дон Энрике. Зюлейма. П А Т Е Р. Музыканты. Слуги разносят кушанья.

Р Ы Ц А Р Ь

(встает, с бокалом в руке)

Я царственное имя возглашу:
За здоровье Кастильской Изабеллы!

(Пьет.)

Ч А С Т Ь   г о с т е й

За здоровье Кастильской Изабеллы!

Звон бокалов и трубные звуки.

П А Т Е Р

Архиепископ Хименес Толедский
Да здравствует! Я возглашаю тост.

Ч А С Т Ь   г о с т е й

Да здравствует Хименес из Толедо!

Звон бокалов и трубные звуки.

В Т О Р О Й   р ы ц а р ь

Я предлагаю тост всего прекрасней:
Да здравствуют невеста и жених!

(Пьет.)

В С Е

Да здравствуют невеста и жених!

Звон бокалов и трубные звуки.

Зюлейма и Энрике кланяются.

Д о н   Э н р и к е

Благодарю.

В Т О Р О Й   р ы ц а р ь

А что ж молчит невеста?

Д о н Э н р и к е

Да, донна Клара мало говорит,
Но ведь сегодня и немного нужно:
Лишь «да» пред алтарем — и счастлив я.

З ю л е й м а

Сеньор, тоска ужасная на сердце.

Т р е т и й р ы ц а р ь

Недобрая примета, дон Энрике:
Вы опрокинули на стол солонку.

Ч е т в е р т ы й р ы ц а р ь

Гораздо худшей было бы приметой —
Бокал с вином на скатерть опрокинуть.

Т р е т и й р ы ц а р ь

Дон Карлос мастер вышить.

Ч е т в е р т ы й р ы ц а р ь

Это так.

И, к счастью, не неженка, как вы,
Которому обед пересолен,
Коль кто-нибудь солонку опрокинет.
Когда я пью, в своей стихии я!
В струях вина живых и золотистых —
Бальзам целебный для больного духа;
И мне всегда смешно, когда я вспомню
Про трезвого пророка...

Да, сеньор,

Вино, да, я хотел сказать, вино
Чудесное...

А л и

Педрильо! Эй, Педрильо!

П е д р и л ь о

Сеньор, я здесь.

А л и

Позвать сюда певцов,
Шутов, комедиантов и танцоров,
Арфистов — всякий сброд из Барселоны.
Позвать скорей!

П е д р и л ь о

Я слушаю, сеньор.
(*Уходит.*)

П я т ы й   р ы ц а р ь
(*разговаривает с дамой*)

Жениться не намерен я, сеньора.

Д а м а

Вы шутите, конечно, дон Антонио,
Ведь вы угодник дамский, друг любви.

П я т ы й   р ы ц а р ь

Люблю, конечно, мирты я; отрадны
Очам моим и зелень их и свежесть,
Приятен сердцу нежный аромат;
Но супа я из них варить не стану.
И есть не буду их — уж очень горек,
Сеньора, слишком горек этот суп.

П а т е р

(*разговаривая с соседом*)

То было чудное ауто-да-фе!
Отрадная для христиан картина,
А грешникам в горах внушает ужас.
(*К Али*)

Вы знаете, что наши победили:
Неверные разбиты и бежали,
Рассеялись и рыщут по горам,
Невдалеке от нас...

А л и
(*посмотрев на дверь*)

И слава богу!
Об этом слышал я, святой отец, —
Ну, а теперь шуты нас позабавят...

Пляцы, шуты, плясуны и арфисты входят. Комический балет.

А р ф и с т
(*поет*)

Во дворе перед Альхамброй,
На двенадцати колоннах,
Львы из мрамора поднимают
Алебастровую чашу.

В ней вода колышет розы
Ослепительного цвета;
Это кровь бойцов отважных,
Светлых рыцарей Гренады.

А л и
Нет, эта песня чересчур печальна.
Спой свадебную нам, повеселее!

А р ф и с т
(*поет*)

Жил рыцарь на свете, угрюм, молчалив,
С лицом поблекшим и впалым;
Ходил он, шатаясь, глаза опустив,
Мечтам предаваясь вялым.
Он был неловок, суров, нелюдим.
Цветы и красотки смеялись над ним,
Когда брел он шагом усталым.

Почасту он дома сидел в уголке,
Боясь любопытного взора.
Он руки тогда простирает в тоске,
Ни с кем не вел разговора.

Когда ж наступала ночная пора,
Там слышались странное пенье, игра,
И у двери дрожали затворы.

И милая входит в его уголок
В одежде, как волны, пенной,
Цветет, горит, словно вся — цветок,
Сверкает покров драгоценный.
И золотом кудри спадают вдоль плеч,
И взоры блещут, и сладостна речь —
В объятиях рыцарь блаженный.

Рукою ее обвивает он,
 Недвижный, теперь пламенеет,
 И бледный сновидец от сна пробужден,
 И робкое сердце смелеет.
 Она, забавляясь лукавой игрой,
 Тихонько прикрыла его с головой
 Покрывалом, снега белее.

И рыцарь в подводном дворце голубом,
Он замкнут в волшебном круге.
Он смотрит на блеск и на пышность кругом
И слепнет в невольном испуге.
В руках его держит русалка своих,
Русалка — невеста, а рыцарь — жених,
На цитрах играют подруги.
Поют и играют; и множество пар
В неистовом танце кружатся.
И смертный объемлет рыцаря жар,
Спешит он к милой прижаться...

П Е Д Р И Л Ь О
(врывается в страхе)

Аллах! Иосиф! Иисус, Мария!
Они идут сюда, мы все погибли!

В с е

Кто, кто идет?

П Е Д Р И Л Ь О

Да наши там!

В с е

Как? Наши?

П Е Д Р И Л Ь О

Не наши, нет. Еретики подходят,
 Презренные мятежники, из гор,
 Разулись и подкрались незаметно...
 Мы все погибли, слышите — идут!

*Слышно бряцание оружия. Смутные крики: «Гренада!
 Аллах! Магомет!»*

Н Е С К О Л Ь К О Р Ы Ц А Р Е Й

Пусть подойдут!

Д Р У Г И Е

К оружию, скорей!

*Дамы в ужасе. Зюлейма лишается чувств. В зале
 шум и движение.*

А л и

Прошу вас успокоиться, сеньоры.
 Ведь мавры вежливы и даже в гневе
 По-рыцарски встречать привыкли дам.
 А мы, мужчины, встретим их, как должно...

В с е р ы ц а р и
(обнажая мечи)

За жизнь и честь сразимся мы! К оружию!

*Звон оружия. Смутный говор. Врываются мавры;
 во главе их Гассан и Альмансор. Последний прокладывает себе дорогу к лежащей без чувств Зюлейме.
 Сражение.*

Лес. Издали доносится бряцание оружия и боевые клики. Педрилльо появляется, в ужасе заломив руки.

П Е Д Р И Л Ь О

Какое горе! Вот тебе и свадьба!
Теперь пропали шелковые платья,
Их растерзают, разорвут в клочки
И выпачкают кровью. Кровь течет
Взамен вина! Я не бежал, как трус,
Я только уступил бойцам дорогу,
Управятся и без меня. Уже
Врагов из залы вытеснили мы —
Ага!

(Смотрит в сторону.)

Теперь дерутся перед замком.
А там-то! Ах! Как саблей машет он!
Нет, было б худо, если б мне в лицо
Заехал он такой кривою штукой.
Вон там кому-то отрубили нос.
А вот вспороли толстому дон Санчо
Объемистый, упитанный живот.
А это что за красный рыцарь? Странно!
Одет в испанский плащ, а между тем
За мавров бьется. — Иисус! Аллах!

(Плачет.)

Ах, бедная, прекрасная Зюлейма!
Взвалил ее на плечи красный рыцарь
И крепко держит левою рукой,
А правою рукою саблей машет,
И рубится, как бешеный... Он ранен...
Упал! Нет! Нет! Лишь пошатнулся... встал,
Опять дерется... побежал... А я?
Опять я должен уступить дорогу.

(Поспешно убегает.)

Альмансор проходит, шатаясь от усталости. На плече у него бесчувственная Зюлейма, он волочит за собою меч и восклицает: «Зюлейма! Магомет!» Появляются мавры и испанцы, сражаясь. Мавров теснят. Гассан и Али яростно дерутся. Гассан ранен. Появляются Дон Энрике, Диего и испанские рыцари.

Г А С С А Н

(падая)

А! Я змеей ужален христианской!
 И прямо в сердце — о Аллах, ты спишь?
 Нет, праведен Аллах, и он творит
 Лишь благо. — Ты забыл Гассана? — Нет,
 Лишь человек способен позабыть
 И господу, и друга своего,
 И лучшего слугу. — Ты помнишь, Али,
 Слугу Абдуллы, старого Гассана?
 Абдулла...

А л и

(разражаясь гневом)

Да, его зовут Абдуллою.
 Предателя, трусливого злодея,
 Кровавого убийцу, что лишил
 Меня отрады драгоценной — сына.
 Альмансора убийца — он, Абдулла...

Г А С С А Н

(умирая)

Абдулла не злодей и не предатель,
 Альмансор Абдулла не убил!
 Альмансор жив, он жив, он здесь, вот он,
 Похитивший Зюлейму красный рыцарь,
 Вот он...

А л и

Мой сын, Альмансор, жив? Он здесь?
 Он — красный рыцарь, что унес Зюлейму?

Г А С С А Н

Да, да! Он не отдаст того, что взял.
 Ты лжешь, Абдулла не убийца гнусный,
 Он не предатель, не христианин.
 Оставь меня — я вижу дев прекрасных,
 Уже я вижу гурий чернооких...

(Блаженно улыбается.)

Старик Гассан и девы молодые!
(Умирает.)

А л и

Благодарю, о боже! Сын мой жив!
 Явил ты знак святого милосердья!
 Он жив, мой сын! За мной, друзья, скорей,
 За сыном вслед! Он здесь, недалеко!
 С собой он взял добычу дорогую,
 Невесту, что назначена ему.

*Общее удивление; только дон Энрике и дон Диего долго
 смотрят друг на друга в молчании.*

Д о н Э н р и к е
(плаксиво)

Ну что же, дон Диего?

Д о н Д и е г о
(передразнивая его)

Что же, дон
 Энрико дель-Пуэнта-дель-Саурро?

Д о н Э н р и к е
 Что ж делать нам теперь?

Д о н Д и е г о

Как, что нам делать?
 Теперь должны расстаться мы, сеньор.
 Вам не везет. Истратил я две сотни
 Дукатов. Денег нет. Труды пропали.
(Злобно смеется.)

Я с юных лет придумываю штуки,
 Измучен, поседела голова;
 Брожу тропой неверной по лесам,
 Колючки рвут мне кожу и костюм;
 Карабкаюсь на скалы, на вершины
 Взбираюсь — и уж если провалюсь,
 Мои мозги воронам на рагу
 Достанутся. И все же — я бедняк!
 И все ж церковной мыши я бедней!
 А мой товарищ школьный, круглый дурень,
 Идущий прямиком, без задних мыслей,

Протоптанной, широкою дорогой,
Валит все дальше поступью воловьев
И стал богатым, толстым и ученым.
Нет, нет, сеньор, простимся, я устал!

(Уходит.)

Д О Н   Э   Н   Р И   К   Е

(долго смотрит в задумчивости)

Не даст ли дон Гонсальво мне взаймы?

(Уходит.)

Горы. А л ь м а н с о р, измученный и окровавленный, взбирается на вершину утеса с бесчувственною Зюлеймою на руках.

А л ь м а н с о р

О, помоги, Аллах! Я так устал,
Я добыл козочку мою в тот миг,
Когда охотник угрожал ей смертью.

(Садится на вершину утеса с Зюлеймою на коленях.)

Я — бедный Меджнун, на скале сижу я
И забавляюсь с козочкой моей.
Ведь козочкою обернулась Лейла,
Глядит в глаза мне ясными глазами.
Сомкнулись глазки, спит теперь она.
Потише! Чижик, не свисти так громко,
Гуди потише, жук! Ты, ветерок,
Не шелести листвою так громко, — тише!
Я песенку спою моей Зюлейме.

(Укачивает Зюлейму на коленях и поет)

Оделось солнце в свой ночной,
В свой розовый наряд;
Пора и птичкам на покой,
В постель они хотят.
Спи, моя козочка, спи.

Спит козочка, да что-то очень долго.

Прекрасные, чарующие глазки

Сомкнулись, крепко-накрепко сомкнулись, —

И навсегда? Иль козочка мертва?

(Заливается слезами.)

Мертва! Нет белой козочки моей!

Навек погасли звездочки-глаза!

О козочка! Тебя я упокою

Средь лилий, роз, фиалок, гиацинтов.

Из света лунного покров сотку я

На гроб тебе. Малиновка споет

Отходный гимн, двенадцать золотых

Жуков весь день стоять на страже будут

У беленькой твоей кровати; ночью

Засветятся двенадцать светлячков,

Как свечи погребальные; а сам я

У гроба буду плакать день и ночь.

Зюлейма открывает глаза.

Но что я вижу? Вздрогнула она!

Попевельнулась. Шелковым покровом

Уж больше не задернуты глаза!

Не козочка, не Лейла предо мною,

Дочь Али предо мной, моя Зюлейма...

Зюлейма открывает глаза.

Передо мной раскрылись небеса!

З ю л е й м а

Уж я — на небе?

А л ь м а н с о р

Нет, сейчас восстала

Из мертвых ты.

З ю л е й м а

Да, знаю, умерла,

И вот теперь с тобой на небе я.

(Озирается кругом.)

Как хорошо, легко, как воздух чист,

Какой на всем здесь розовый наряд.

А л ь м а н с о р

Да, милая, на небе мы с тобой.

Взгляни, как там, внизу, цветы пестреют,

И мотыльки порхают над цветами
И пеструю брильянтовую пыль,
Резвясь, цветочкам бедным сыплют в глазки.
Ты слышишь, ручеек внизу журчит.
Над ним стрекозы вьются голубые,
И плещутся и плавают русалки
В его волнах багряно-золотых?
Ты видишь, облака над нами ходят?
То тени праведных спешат толпою
В сады неувядающей весны.

З ю л е й м а

Коль здесь обитель праведных, Альмансор,
Скажи мне, как ты очутился здесь?
Мне говорил благочестивый патер,
Что небо для одних лишь христиан.

А л ь м а н с о р

Не думай о блаженстве ты моем.
Тебя держу я, милая, в объятьях,
И я блажен, стократ блажен Альмансор.

З ю л е й м а

Так он солгал! Ведь он мне говорил,
Что полюбить должна я дон Энрике.
Ему была послушна я. Старалась
Альмансора забыть. Но не могла.
Я с жалобой к Пречистой обратилась;
Она мне кротко, нежно улыбнулась,
Окутала меня своим покровом
И вознесла на светлую вершину.
В пути звучала музыка. Трубили
Архангелы в чудесные рога
И пели песни... Как здесь хорошо!
Я в небесах — и радостней всего,
Что мой Альмансор здесь и что в притворстве
Здесь, в небесах, уж больше нужды нет,
И я могу сказать: «Люблю тебя,
Люблю тебя, люблю тебя, Альмансор!»

Догорающий закат озаряет их обоих.

А Л Ь М А Н С О Р

Я знал давно, меня ты только любишь,
И больше, чем себя. Мне соловей
Об этом спел, и розы аромат
Донес о том, и ветерок поведал,
И по ночам твердили мне об этом
Златые буквы в книге голубой.

З ю л е й м а

Нет, не солгал благочестивый патер:
Здесь, в небесах, так дивно хорошо!
Сожми меня любимыми руками
И на коленях укачай меня,
Дай мне лежать, блаженством опьяненной,
На небесах, с тобой, тысячелетия.

А Л Ь М А Н С О Р

Мы в небесах, и ангелы поют,
И слышен шелест их атласных крыльев, —
Сам бог живет здесь, в ямках этих щек...
Звон оружия в отдаленье. Альмансор вздрагивает.
А там, внизу, там — Эблис; он ужасным
Из глубины вызывает к небу вошлем,
И руки простирает он за мной.

З ю л е й м а

(в страхе)

Ты задрожал! Чего ты испугался?

А Л Ь М А Н С О Р

То Эблис, или дьявол, или люди,
Не все ль равно, — сюда они стремятся,
В мой светлый рай, за мной.

З ю л е й м а

Тогда бежим
В долину, где цветы пестреют ярко,
Порхают мотыльки, журчит ручей,

Жужжат стрекозы, соловьи поют,
И облаков гряды блаженно ходят, —
Возьми с собой, прижми меня к груди!

(Прижимается к нему.)

А Л Ь М А Н С О Р

(вскакивает, держа в объятьях Зюлейму)

Скорее вниз! Цветы кивают в страхе,
Манит пугливой трелью соловей,
И тени праведных средь облаков
Протягивают руки и зовут
Туда, туда...

Мавры бегут, гонимые.

Охотники бегут

Зарезать козочку! За ними — смерть,
А жизнь внизу, в долине, расцветает,
И небо я держу в своих объятьях.

(Бросается с утеса вместе с Зюлеймою.)

*Испанские рыцари, преследующие мавров, увидев это,
испуганно останавливаются.*

Г о л о с А л и

Найти его! Он здесь, недалеко!

Али появляется.

Н е с к о л ь к о р ы ц а р е й

Ужасно!

А л и

Что ж, нашли вы их обоих?

Р ы ц а р ь

(указывая на утес)

Мы их нашли, но в пропасть соскочил
Безумец, вместе с ношей дорогой.

Пауза.

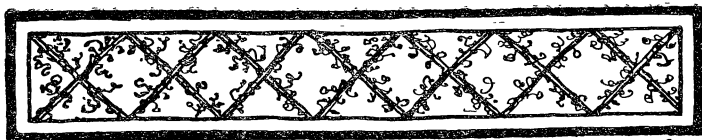
А л и

В твоём теперь нуждаюсь я глаголе,
В примере, в утешенье, Иисус.
Мне не постигнуть воли всемогущей,
Но чувствую: заглохнуть суждено
И лилии и мирту на пути,
Где золотая божья колесница
В величии победном прогремит.

СТИХОТВОРЕНИЯ
1816—1827

1816

Когда в Оттэнзене я был,
Могилу Клопштока я посетил.
Нарядный люд подходил вереницей
И возлагал цветы на гробницу,
И каждый глядел другому в глаза,
Как будто вершились тут чудеса. —
А я над святыней, безмолвен и тих,
Тоскуя, один стоял среди них,
Прикованный сердцем к могиле той,
Где спал немецкий певец святой.

* * *

Когда подступает волшебный миг,
И ширится грудь, вдохновенья родник,
Берусь за перо я, поспешен и дик, —
И образ чудесный из слова возник!

1819

Будь безумцем и поэтом,
Если сердце рвется ввысь;
Только в жизни ты при этом
К воплощеньям не стремись!

Были дни — я помню гору,
Рейн манил внизу меня;
Вся страна цвела в ту пору
Предо мной в сиянье дня.

И под рокот мелодичный
Волны свой свершали путь;

Дрожь услады необычной
Мне закрадывалась в грудь.

А теперь дойду до цели —
Уж мелодия не та:
Сны и грезы облетели,
В прах развеялась мечта.

А теперь взгляну с вершины
На простор родной земли:
Там, где жили исполины,
Ныне карлики пошли.

Вместо мира золотого,
Что добыт ценой смертей,
Вижу я, куются снова
Злые цепи для людей.

Слышу я, поносят с жаром
Тех, кто в яростном бою
Подставлял не раз ударам
Грудь бесстрашную свою.

О позор! Страной забыты,
В небреженье храбрецы;
Жалким рубищем прикрыты
Их священные рубцы!

Соль земли, надежда края,
Ходят неженки в шелках,
Честь венчает негодяя
И наемника — размах.

Клеветой на предков чинных
Стал немецкий наш наряд,
И камзолы о старинных,
Презисних днях нам говорят:

Днях, когда с простым обличем
Добрый нрав в согласье жил

O Glück ist kein Glück und My liebster Grund
Ist Glück! — Frag den Glück auf Glück und
Erfolge

Dem Glück und Glück, der Glück in Glück

Frage mich, dann sagst du mir

Herr, Herr

1813
Dresden am 6ten

Факсимиле отроческого стихотворения Г. Гейне «Oh, habet ihr über Glück und Unglück Gewalt» 1813 года.

И, покорствуя приличьям,
Старца юный возраст чтил;

Когда девушке не лгали
Вздохи модного юнца,
И князьки не украшали
Лжеприсягою венца.

Когда все вершилось словом,
А не записями книг,
И под панцырем суровым
Билось сердце каждый миг.

Здесь, в садах, родные недра
Не один взрастили цвет;
Их земля питает щедро,
Небо льет им кроткий свет.

Но цветок, что встарь когда-то
Расцветал и на скалах,
Он, источник аромата,
Не растет у нас в садах.

Люди с твердою рукою
Чтили в нем любви залог;
Благосклонностью людскою
Именуется цветок.

Путник, к замку на вершине
Тщетно ты направишь шаг:
Не уют ты встретишь ныне,
А лишь холод, жуть и мрак.

Мост подъемный кверху вскинут,
Не трубят дозор в трубу;
Властелин и стража стынут
Под землей, уснув в гробу.

Жены дремлют в склепах тоже,
Те, что нежностью цвели;

Тут сокровища дороже
Высших ценностей земли.

Песней неги и томленья
Веет в сумраке могил,
Ибо дух благоговенья
И любви там опочил.

Но и нашим дамам нежным,
Тоже любящим — хвала:
Так подходят им, прилежным,
Танцы, живопись, игла.

Воспевают звучно очень
Старину, любовь навек,
Сомневаюсь тут же, впрочем,
Так ли создан человек.

Наши матери когда-то
Полагали, что алмаз,
В мире всех прекрасней, свято
Погребен в душе у нас.

Не совсем уж от мамыши
Отличается и дочь;
Быть в алмазах дамы наши,
Как никак, отнюдь непрочь.

Призрак дружбы . . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

Пусть во власти суеверья
. . . . .
. . . . .
. . . . .

Дивный жемчуг Иордана
Алчным Римом подменен,

. . . . .
. . . . .

Прочь, видения былого,
Скройтесь, призраки теней!
Не вернет пустое слово
Красоты ушедших дней.

* * *

Разлуку я сносил с трудом,
Теперь живу от тебя через дом;
Вот то-то будет благодать —
Твоим соседом близким стать!

* * *

Цветы к лучезарному солнцу
Согласно возводят взор;
Струи к лучезарному морю
Согласно текут, на простор.

Все песни к моей лучезарной
Согласно взлетают вдаль.
Вы, песни, возьмите с собою
Тоску мою и печаль.

* * *

Весь день о ней я помышлял,
Полночи был во власти грез,
И тяжкий сон меня сковал
И к ней мгновенно перенес.

Как роза юная, она
Цветет, спокойна и светла.
Ягнят на глади полотна
Выводит тонкая игла.

Так кроток взор, ей не понять,
Что я поник, душой скорбя.

«Ты бледен, Генрих, как узнать,
Что огорчило так тебя?»

Так кроток взор, и странно ей,
Что горько плачу я, любя.
«Ты плачешь, Расскажи скорей,
Мой друг, кто огорчил тебя?»

Так кроток нежный взор, а я
Готов в стenanьях изойти.
«Виною ты, любовь моя,
Что эта боль вот здесь, в груди».

Она встает, душой светла,
И руку мне на грудь кладет;
И разом боль моя прошла;
И ясен утра был восход.

* * *

Когда я с милою вдвоем,
То всё идет на лад.
И целый мир мне нипочем,
И в мыслях я богат.

Но лишь объятия ее
Покину — в сердце мрак,
Богатство рушится мое,
Я снова нищ и наг.

* * *

Мне в лес бы зеленый! Как дивно там
Цветы цветут, распевают птицы!
Умру, и тьма могильной ночи
Землей забьет мне слух и очи, —
И не цвести для меня цветам,
И звонким щебетом мне не упиться.

* * *

Если даже не добьешься
Смысла книги, не беда;
А поймешь — и сам тогда
В лапы чорту попадешься.

1820

Взгромоздясь на Роландсек,
Млел влюбленный человек;
Клял, вздыхая, свой удел,
Чуть что глаз не проглядел
На прелестный монастырь
Там, внизу, где Рейна ширь.

Фриц фон-Бейгтем! Вспоминай
Про чудесный рейнский край —
Как, свершив с тобой подъем,
Любовались мы вдвоем
На скалу, где восседал
Скорбный сердцем феодал.

ФРИЦУ ФОН-БЕЙГТЕМУ

Мой Фриц живет в отечестве свинины,
В стране, богатой свеклой кормовою,
Где хлеб просушен печью огневою,
Где глухи к поэтической святыне.

Мой Фриц, ключом священным впоен, ныне
С коровами шагает к водопою,
Он, слышу я, Фемиде стал слугою —
Боюсь, что он вконец погрязнет в тине.

Мой Фриц, кого носил в былое время
Послушный конь, крылатый, быстроногий,
И ввысь вздымал, туда, где коршун вьется,

Мой Фриц теперь, чтоб грусти сбросить бремя,
На кляче прозаической доро́гой
От Мюнстера до Дорстена трясется.

* * *

За алтарем укрылся поп в тревоге,
Трепещет деспот за сохранность трона,
Вот-вот спадет с чела его корона —
Затем, что «Рúссо» звук раздался строгий.

Но не считай, что куколка в берлоге
У мистиков — для Рúссо *веры* лоно,
Что верх его *свободы* и закона —
Тот суп, что нам готовят демагоги.

Будь имени достоин, не химеру,
А истинную вольность вносишь в мир ты;
Пребудь, борясь мечом и словом, честен.

Храни в душе *любовь, свободу, веру*,
И пусть тебе чела не красят *мирты* —
Стягаешь ты *венец лавровый* песен.

* * *

Знай зубри, юнец, упорно,
Нагоняй вовсю хвосты;
Кайся в том, что так позорно
Убивал досуги ты!

1821

Чуждый скорби, чая нег,
Дни проводит человек —
И консилиумом высшим
Вдруг сражен, над ним нависшим.
И приходится бедняге
Дальше плыть, забрав бумаги.

[illegible]

Фиксимиле сонета Г. Гейне «Die Schlechten siegen, untergehn die Mackern...» 1820 года.

* * *

Мужчины, девы, женщины, внимлите
И двигайте подписку без стеснения!
Воздвигнуть, Гете в честь, сооруженье
Во Франкфурте решили на синклите.

«Чужой торгош» — так мыслит местный
житель, —
Решит, что Гете — *наше* порожденье,
Что *наш* навоз был почвой для цветенья,
И, ясно, не откажет нам в кредите.

Удел певца — венок его лавровый!
Так придержите деньги — ваш кумир,
Он памятник воздвиг себе и сам.

В грязи пеленок был он близок вам,
Но ныне отделяет целый мир
Величие от площади торговой.

БАМБЕРГ И ВЮРЦБУРГ

И там и тут источник благодати,
И чудо он за чудом совершает.
И князя можно видеть: исцеляет
Он страждущих бесчисленные рати.

Он молвит «Встань!» — хромой встает с кровати
Без костылей и знай себе шагает;
«Прозри!» он молвит — зренье обретает
Невидящий (слепорожденный, кстати).

Притек юнец, с водянкой в бренном теле:
«Волшебник, помоги, изнемогаю!»
И молвит князь: «Пиши, благословляю».

И в Бамберге и в Вюрцбурге волнение,
Ликует фирма Гёбгардт: «Наводнение!
Уж девять *драм*! Не чудо ль, в самом деле!»

КАРТИНА

Трагедия барона Э. фон-Гувальда

Лессинг да-Винчи — «Натан» и «Галотти»,
 Шиллер-Рафаэль — «Валленштейн» и «Поза»,
 «Эгмонт» и «Фауст», Гете-Буонаротти —
 Пример тебе, о Гувальд-Спинароза.

* * *

Под Липами, друг, по чести,
 Ты сердце отведешь.
 Всех наших красавиц вместе
 Ты, там проходя, найдешь.

Цветут они негой и жаром
 В обличье пестроты.
 Поэт про них молвил недаром:
Гуляющие цветы.

Какие перья на шляпах
 И шали на плечах!
 Какой одуряющий запах
 И стройность какая — ах!

1822

ОКАССЕН И НИКОЛЕТТА,
 или

Любовь в доброе старое время

И.-К. КОРЕФФУ

Ковер твой всеми красками сверкает,
 И тешат взор светящиеся тени.
 В борьбу с крестом, за веру поколений,
 Отвага полумесяца вступает.

Гремит труба и в битву призывает;
 В темнице двое, чуждые измене;

Султан проходит рынком в Карфагене;
Свирель поля Прованса оглашает.

О, сколько света, красок и игры!
Блуждаем мы, как в сказочной пустыне,
И вот, вражда любовью смятена.

Да, мастер ты, и в наши времена
Явил нам для контраста на картине
Любовь старинной, сказочной поры.

1823

Мне грезится, снова я мчусь на коне,
Былой отвагой томимый,
Что снова я мчусь, в любовном огне,
Туда, к чертогу любимой.

Мне грезится, снова я мчусь на коне,
Былой отвагой томимый,
Что мчусь я на битву, где встретится мне
Мой недруг неумолимый.

Я мчусь ураганом, поля и леса
Мелькают в быстром полете!
Мой недруг и ты, девица-краса,
Моею жертвой падете.

* * *

Боль и муку без границы
Отразила книга эта;
Разверни ее страницы,
И познаешь ты поэта.

* * *

Я отодвинул ржавые засовы
У врат, ведущих в смутный мир видений;

Сорвал печати с огненно-багровой,
Волшебной книги страсти и томлений;
И то, что в ней прочел я, вечно новой,
Отобразил я в строках песнопений.
Пройдут века, забудет мир поэта,
Но устоит нетленной песня эта.

* * *

Моим бы песням нежным
Цветами расцветать:
Я их послал бы милой —
Чудесный запах впивать.

Моим бы песням нежным
Лобзаньем легким взлетать:
Я их послал бы — щечки
Любимой целовать.

Моим бы песням нежным
Горошинками стать:
Какой бы можно дивный
Гороховый суп подать!

ДРЕЗДЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Там, в Дрездене, где фабрики соломы,
Сигар саксонских и стихотворений,
Там учрежден приют для песнопений,
Любителям поэзии знакомый.

И там, когда заполнены хоромы,
Читают Кун, отечественный гений,
И фрейлейн Ностиц — чудо, без сомнений!
Умолкните, критические громы!

Назавтра все описано в газете;
Гелль хлопает, Кинд славит по-ребячьи,
И рецензент виляет по-собачьи.

Арнольди, тот печется о монете,
А Бёттигер вещает, полон пыла:
«Вечерняя газета всех затмила!»

1824

Ты, лилия грез моих белых,
Склонилась ты над ручьем,
Исходишь в стенаньях несмелых,
И скорбь во взоре твоём!

«Оставь свои речи, льстивый!
Ты лжешь, я знаю давно,
Что с розой, моею красивой
Кузиной, ты заодно».

* * *

Поля и леса зеленеют,
И жаворонки звенят,
Весна явилась и сеет
Цветы, лучи, аромат.

От звонкого птичьего пенья
Развеялся зимний мой сон,
И песней исходит томленье,
Печальный слышится стон.

«О чем ты грустишь, бедняжка?»
Мне жаворонок поет.
Я эту песенку, пташка,
Твержу из года в год!

Вдыхаю уныло и тяжко
И в роще зеленой пою.
Твой дед и бабушка, пташка,
Слыхали песню мою.

* * *

Дни и ночи сочиняя,
Не добыл себе добра я;
В сладких звуках растекался
И ни с чем, увы, остался.

* * *

Что я люблю тебя, мопсик,
Ты знаешь отлично сам.
Когда я тебя ласкаю,
Ты жмешься к моим ногам.

Ты — только пес и покорен
Своей собачьей судьбе;
Друзья же мои остальные
Уж слишком мнят о себе.

* * *

Вражда с любовью, любовь с враждою —
Хоть в жизни изведаль я их немало,
От них ко мне ничего не пристало,
И я остался самим собою.

СОНЕТ-БУФФ

Как с бедностью покончил бы я разом,
Когда бы кисть использовал умело,
Когда б дворцы и церкви то и дело
Расписывал искусно по заказам.

Не знал бы счета золоту, алмазам,
Когда б играл я живо, бойко, смело
На скрипке или флейте, чтобы млела
Толпа мужчин и дам, теряя разум.

Но нет! Бедняге мне не повезло!
Одной тобою в жизни был я занят,
Поэзия, пустое ремесло!

Konfession

Weges Rinde, jener Strömung,
Oise fließt Maaßfetter,
Bauhe Mauer. Furchtlos —
Auf! denn sie sind gezogen fatter!

Großes in der Welt, und Lieder,
Bauer Lieder in der Großen —
Auf, und Lieder ist die Größe
Der ewigen Liederfänger!

Auf die Wege alle ist die Größe,
so die Frauen Lieder fangen,
so die Welt ist die Größe
so die Frauen Lieder fangen.

Факсимиле «Пролога» к «Путешествию в Гарц» 1824 года.

И вот, увы, когда я наблюдаю,
Как прочим мозг шампанское туманит,
Я жажду иль деньги занимаю.

ЭДОМУ

Мы с тобой друг друга тершим
Больше тысячи уж лет;
Ты, ты терпишь, что дышу я,
Я терплю твой буйный бред.

Лишь порою, поддаваясь
Вдохновенью, не со зла,
Ты меня своею лапкой
Гладил так, что кровь текла.

Но теперь у нас с тобою
Дружба крепнет и растет,
Ибо сам я свирепею
И с тобой сравнюсь, вот-вот.

* * *

Излейся, сердце больное,
Томленье пылкой души,
Той песней, что давно я
Таю от мира в тиши!

Отныне скорбному звуку
Открыты слух и сердца;
Тысячелетнюю муку
Я заклиал заклитьем певца.

Рыдают старый и малый,
И важные господа,
Цветочек рыдает алый,
Рыдает в небе звезда.

И все эти слезы потоком
Единым текут на юг,

Чтоб смыть в Иордане глубоком
Старинный, тяжкий недуг.

ОТЩЕПЕНЦУ

О, как юность беззаботна!
О, как быстро ты поддался!
Как легко и как охотно
Со всевышним сталкивался!

Малодушно и бесславно
Ухватился за распятье,
То, которому недавно
Посылал еще проклятья!

Вот оно — читать запоем!
Шлегель, Галлер, Бёрк — о бредни!
Был вчера еще героем,
А сегодня плут последний!

1825

ОТРЫВОК

Сова изучала пандекты,
Статьи канонов и глоссы,
В Италию залетела
И всюду искала Каноссы.

И дряхлых воронов стая,
В ответ на поиски эти,
Прокаркала скорбно: «Каноссы
Давно уже нет на свете.

Хотим мы новую строить,
Но мрамора целая груда
Нужна для этой постройки,
И нет королей ниоткуда».

1826

Я в мире любви блаженной искал,
И мне платили враждой, не любовью,
Я тяжело скорбел, судьбу проклинал,
Из тысячи ран истекая кровью.

Прилежно возился, не зная сна,
Со всякой сволочью недостойной.
И, лишь изучив все это до дна,
Я «Ратклифа» сочинил спокойно.

* * *

Был месяц март, когда любовь
Мне мукой взволновала кровь.
Но вот зеленый май пришел,
И скорби я конец обрел.

То было, помню, светлым днем,
Мы на скамье сидели вдвоем,
Под липой, спрятавшись от людей,
И там открыл я сердце ей.

Цветами пахло, и в ветвях
Пел соловей. Но в его словах
Мы разбирались тогда едва ли,
Мы с нею о важных вещах толковали.

Мы в верности друг другу клялись.
Закат померк, и часы неслись;
Но долго мы сидели еще
Во тьме и плакали горячо.

ВОСПОМИНАНИЕ

Чего ты хочешь, нежное виденье?
Ты снова в душу смотришься мою!
Твой взор исполнен кроткого томленья;
Да, это ты, тебя я узнаю.

Я тяжко ныне болен, неудачи
Сломали дух, от жизни я устал.
Тоска гнетет. Как было все иначе
В те дни, когда тебя я повстречал!

Покинув дом родной, исполнен пыла,
Стремился я за призраком мечты,
Попрать готовый землю и светила,
Сорвать их с лучезарной высоты. —

Ты, Франкфурт, полон жуликов, но это
Прощаю я, ты дал моей стране
Благуя власть и лучшего поэта,
Ты — город, где *она* явилась мне.

В разгаре были дни торговли шумной,
Дни ярмарки, и я в толпе густой
Шел улицей нарядною, бездумно
И как во сне следя за суетой.

И вдруг — она! Скользящая походка
Меня повергла в сладостную жуть;
Блаженный взор светился лаской кроткой,
И я в толпе за ней направил путь.

И так мы шли и в переулок тесный
Вступили; замер ярмарочный гул;
И тут она, с улыбкою прелестной,
Скользнула в дом, и я за ней скользнул.

Вот только алчной оказалась тетка,
И жертвой стал девичий первый цвет;
Мне добровольно отдалась красotka,
Не из корысти низменной, о, нет!

О, нет! Не только музы мне знакомы,
И личиком меня не проведешь:
В продажном сердце нет такой истомы,
Так не глядит заученная Ложь.

Она была прекрасна! Красотою
Богини, взмывшей в пене и волнах,
Была, быть может, светлою мечтою,
Меня томившей в отроческих снах!

Я не узнал ее! Я был во власти
Тумана, взор заметил колдовство.
Быть может, я держал свое же счастье
В объятиях — и не узнал его!

Еще прекрасней, в горести безбрежной,
Была она, спустя три долгих дня,
Когда мечта от встречи этой нежной
Вдаль повлекла попрежнему меня.

Когда она, в отчаянье и муке,
С распущенными прядями волос,
Упала ниц и заломила руки
У ног моих, дрожа от горьких слез!

Ей шпоры лоб изранили — о боже! —
Я видел сам, как выступила кровь;
И от бедняжки вырвался я все же,
Расстался с ней — и не увидел вновь!

Конец мечте старинной, но и ныне
Со мной бедняжка, всюду и везде.
В какой глухой блуждаешь ты пустыне?
Тебя я предал боли и нужде!

1827

ОТРЫВОК

Блаженный миг — когда устами
Бутон трепещущий примят;
Не меньше счастья нам дарует
Цветущей розы аромат.

РАМСГЕТ

I

«О поэт, любезный сердцу,
Как о нем мы все тоскуем!
Как бы нам его хотелось
Осчастливить поцелуем!» —

Так любезно наши дамы
О поэте рассуждали,
Между тем как на чужбине
Изнывал я от печали.

Солнце юга не согреет
Тех, кого терзает холод.
От воздушных поцелуев
Не уймется в сердце голод.

II

Огромная известковая скала, видом своим подобная белой женской груди, вздымается над морем; влюбленное море подступает к ней вплотную, брызгами своими задорно кропит ее и норовит заключить в объятия гигантских своих волн. На белой скале высится город, и там, на высоком балконе, стоит красавица, наигрывая на испанской гитаре веселые мелодии.

Внизу, под балконом, стоит немецкий поэт, и душа его, в невольном порыве, аккомпанирует долетающим до него нежным звукам, и возникают слова:

О, стать бы мне морской волной,
И пусть бы ты слилась со мной...

Однако наш немецкий поэт не спел этих слов вслух, но только мысленно их произнес. Во-первых, ему нехватало голоса и, во-вторых, он был слишком застенчив. — Когда в тот же вечер он гулял с красавицей по берегу моря, он оказался совершенно немой.

Волны еще неистовее бились в белую грудь утеса, и месяц поверх воды простер длинный свой луч — словно золотой мост в страну обетования.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

«КНИГА ПЕСЕН»

В ПЕРЕВОДАХ РУССКИХ ПОЭТОВ

А. МАЙКОВ

ГЕЙНЕ

(Пролог)

Давно его мелькает тень
В садах поэзии родимой,
Как в роце трепетный олень,
Врагом невидимым гонимый.
И скачем мы за ним толпой,
Коней ретивых утомляя,
Звеня уздечкою стальной
И криком воздух оглашая.
Олень бежит по ребрам гор,
И с гор кидается стрелою
В туманы дремлющих озер,
Осеребрённые луною...
И мы стоим у берегов...
В туманах — замки, песен звуки,
И благовоения цветов,
И хохот, полный адской муки...

М. ЛЕРМОНТОВ

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.
И снится ей все, что в пустыне далекой
— В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.
(«Лирическое интермеццо», 33)

Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!
Но как враги избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.

Они расстались в безмолвном и гордом страданье,
И милый образ во сне лишь порою видали, —
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали.
(«Опять на родине», 33)

Ф. ТЮТЧЕВ

Друг, откройся предо мною —
Ты не призрак ли какой,
Как выводит их порою
Мозг поэта огневой!

Нет, не верю: этих щечек,
Этих глазок милый свет,
Этот ангельский роточек —
Не создаст сего поэт.

Василиски и вампиры,
Конь крылат и змий зубаст —
Вот мечты, его кумиры, —
Их творить поэт горазд.

Но тебя, твой стан эфирный,
Сих ланит волшебный цвет,
Этот взор лукаво-смирный —
Не создаст сего поэт.

(«Лирическое интермеццо», 16)

На севере мрачном, на дикой скале,
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он и в инистой мгле,
И сон его буря лелеет.

Про юную пальму снится ему,
Что в краю отдаленном Востока
Под мирной лазурью, на светлом холму
Стоит и растет одинока.

(«Лирическое интермеццо», 33)

Закралась в сердце грусть — и смутно
Я вспомянул о старине —
Тогда все было так уютно,
И люди жили как во сне.

А нынче мир весь как распался:
Всё кверху дном, все сбились с ног —
Господь-бог на небе скончался —
И в аде сатана издох.

Живут как нехотя на свете.
Везде брюзга, везде раскол, —
Не будь крохи любви в предмете,
Давно б из мира вон ушел.

(«Опять на родине», 39)

Как порою светлый месяц
Выплывает из-за туч —
Так, один, в ночи бывшего,
Светит мне отрадный луч.

Все на палубе сидели —
Вдоль по Рейну неслись,
Зеленеющие брега
Перед нами раздались.

И у ног прелестной дамы —
Я в раздумии сидел —
И на милом, бледном лице
Тихий вечер пламенел.

Дети пели, в бубны били,
Шуму не было конца —
И лазурней стало небо,
И просторнее сердца.

Сновиденьем пролетали
Горы, замки на горах —
И светились, отражаясь —
В милых спутницы очах.

(«Опять на родине», 40)

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Надежда и любовь, всё, всё погибло!
И сам я, бледный, обнаженный труп,
Изверженный сердитым морем,

Лежу на берегу,
На диком, голом берегу!

Передо мной пустыня водяная,
За мной лежат и горе и беда,
А надо мной бредут лениво тучи,
Уродливые дочери неба!

Они в туманные сосуды
Морскую черпают волну,
И с ношей вдаль, усталые, влекутся,
И снова выливают в море!
Нерадостный и бесконечный труд!
И суетный, как жизнь моя!..

Волна шумит, морская птица стонет!
Минувшее повеяло мне в душу —

Былые сны, потухшие виденья,
 Мучительно-отрадные, встают!
 Живет на севере жена!
 Прелестный образ, царственно-прекрасный!
 Ее, как пальма, стройный стан
 Обхвачен белой сладострастной тканью —
 Кудрей роскошных темная волна,
 Как ночь богов блаженных, льется
 С увенчанной косами головы
 И в легких кольцах тихо веет
 Вкруг бледного, умильного лица,
 И из умильно-бледного лица
 Отверсто пламенное око,
 Как черное сияет солнце!
 О черно-пламенное солнце,
 О, сколько, сколько раз в лучах твоих
 Я пил восторга дикий пламень,
 И пил, и млея, и трепетал, —
 И с кротостью небесно-голубиной
 Твои уста улыбка обвевала,
 И гордо-милые уста
 Дышали тихими, как лунный свет, речами
 И сладкими, как запах роз...
 И дух во мне, оживши, воскресился
 И к солнцу, как орел, парил!
 Молчите, птицы, не шумите, волны,
 Всё, всё погибло, счастье и надежда,
 Надежда и любовь!.. Я здесь один —
 На дикий брег заброшенный грозю,
 Лежу простерт — и рдеющим лицом
 Сырой песок морской пучины рою!
 («Северное море», II, 3)

ВОПРОСЫ

Над морем, диким полуночным морем
 Муж-юноша стоит, —
 В груди тоска, в душе сомненье, —
 И сумрачный — он вопрошает волны:
 «О, разрешите мне загадку жизни,

Мучительно-старинную загадку,
Над коей сотни, тысячи голов —
В египетских, халдейских шапках,
Гieroглифами ушитых,
В чалмах, и митрах, и скуфьях,
И с париками, и обритых, —
Тьмы бедных человеческих голов
Кружилися, и сохли, и потели —
Скажите мне, что значит человек?

Откуда он, куда идет, —
И кто живет над звездным сводом?»
Попрежнему шумят и ропщут волны,
И дует ветер и гонит тучи,
И звезды светят хладно-ясно, —
Глупец стоит и ждет ответа!

(«Северное море», II, 7)

К. ПАВЛОВА

ЛОРЕЛЕЯ

И горя, и тоскуя,
Чем мечты мои полны?
Позабыть всё не могу я
Небылицу старины.

Тихо Рейн протекает,
Вечер светел и без туч,
И блестит и догорает
На утесах солнца луч.

Села на скалу крутую
Дева, вся облита им;
Чешет косу золотую,
Чешет гребнем золотым.

Чешет косу золотую
И поет при плеске вод
Песню, словно неземную,
Песню дивную поет.

И пловец тоскою страстной
Поражен и упоен,
Не глядит на путь опасный;
Только деvu видит он.

Скоро волны, свирепея,
Разобьют челнок с певцом;
И певица Лорелея
Виновата будет в том.

(«Опять на родине», 2)

А. П. ГРИГОРЬЕВ

Страдаешь ты, и молкнет ропот мой;
Дитя мое, нам поровну страдать...
Пока вся жизнь замрет в груди больной,
Дитя мое, нам поровну страдать.

Пусть, прям и смел, блестит огнем твой взор,
В устах скользит насмешка, как змея,
И рвется грудь так гордо на простор, —
Страдаешь ты, и столько же, как я.

В очах слеза прокрадется порой;
Дано тебе улыбку обличать,
И грудь твоя не сдавит язвы злой...
Дитя мое, нам поровну страдать.

(«Лирическое интермеццо», 19)

Ядовиты мои песни,
Но виною в том не я:
Это ты влила мне яду
В светлый кубок бытия.

Ядовиты мои песни,
Но виною в том не я:
Много змей ношу я в сердце, —
И тебя, любовь моя.

(«Лирическое интермеццо», 51)

Они меня истерзали
И сделали смерти бледней, —
Одни своею любовью,
Другие враждою своей.

Они мне мой хлеб отравили,
Давали мне яда с водой, —
Одни своею любовью,
Другие своею враждой.

Но та, от которой всех больше
Душа и доселе больна,
Мне зла никогда не желала,
И меня не любила она.

(«Лирическое интермеццо», 47)

Пригрезился снова мне сон былой...
Майская ночь — в небе звезды зажглись...
Сидели мы снова под липой густой
И в верности вечной клялися.

То были клятвы и клятвы вновь,
То слезы, то смех, то лобзание было...
Чтобы лучше я клятвы запомнил, ты в кровь
Мне руку взяла — укусила.

О милочка, с ясной лазурью очей,
О друг мой, и злой и прелестный!
Целоваться, конечно, в порядке вещей,
Но кусаться совсем неуместно.

(«Лирическое интермеццо», 52)

Не пора ль из души старый вымести сор,
Давно прожитого наследия?
Я с тобою, мой друг, как искусный актер,
Разыгрывал долго комедию.

Романтический стиль отражался во всем
(Был романтик в любви и искусстве я),
Паладинский мой плащ весь блистал серебром,
Изливал я сладчайшие *чувствия*.

Но ведь странно, что вот и теперь, как гожусь
Уж не в рыцари больше, в медведи я,
Все какой-то безумной тоскою томлюсь,
Словно прежняя длится комедия.

О мой боже! должно быть, и сам я не знал,
Что был не актер, а страдающий,
И что, с смертною язвой в груди, представлял:
Я сцену: «Боец умирающий».
(«Опять на родине», 44)

Л. МЕЙ

Отравой полны мои песни —
И может ли иначе быть?
Ты, милая, гибельным ядом
Умела мне жизнь отравить.

Отравой полны мои песни —
И может ли иначе быть?
Немало змей в сердце ношу я
И должен тебя в нем носить!
(«Лирическое интермеццо», 51)

ЛОРЕЛЕЯ

Бог весть, отчего так неожиданно
Тоска мне всю душу щемит,
И в памяти так неустанно
Старинная песня звучит?..

Прохладой и сумраком веет;
День выждал вечерней поры;

Рейн катится тихо, и рдеет,
Вся в искрах, вершина горы.

Взошла на утесы крутые
И села девица-краса,
И чешет свои золотые,
Что солнечный луч, волоса.

Их чешет она, распевая,
И гребень у ней золотой —
А песня такая чудная,
Что нет и на свете другой.

И обмер рыбак запоздалый,
И, песню слышавши ту,
Забыл про подводные скалы
И смотрит туда — в высоту...

Мне кажется: так вот и канет
Челнок: ведь рыбак без ума,
Ведь песней призывною манит
Его Лорелея сама.

(«Опять на родине», 2)

Хотел бы в единое слово
Я слить мою грусть и печаль,
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унес его вдаль.

И пусть бы то слово печали
По ветру к тебе донеслось,
И пусть бы всегда и повсюду
Оно тебе в сердце лилось!

И если б усталые очи
Сомкнулись под грезой ночной,
О, пусть бы то слово печали
Звучало во сне над тобой!

(«Опять на родине», 61)

М. МИХАЙЛОВ

ГРЕНАДЕРЫ

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели,
И оба душой приуныли,
Дойдя до немецкой земли.

Придется им слышать и видеть
В позоре родную страну...
Их храброе войско разбито,
И сам император в плену!

Печальные слушая вести,
Один из них вымолвил: «Брат,
Болит мое скорбное сердце,
И старые раны горят!»

Другой отвечает: «Товарищ,
И мне умереть бы пора;
Но дома жена, малолетки:
У них ни кола, ни двора.

Да что мне? Просить Христа ради
Пуцу и детей и жену.
Иная на сердце забота:
В плену император! в плену!

Исполни завет мой: коль здесь я
Окончу солдатские дни,
Возьми мое тело, товарищ,
Во Францию! Там схорони!

Ты орден на ленточке красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опояшешь,
И в руки мне вложишь ружье.

И смирно и чутко я буду
Лежать, как на страже, в гробу.
Заслышу я конское ржанье,
И пушечный гром, и трубу.

То Он над могилою едет!
Знамена победно шумят...
Тут выйдет к тебе, император,
Из гроба твой верный солдат!

(«Страдания юности», Романсы, 6)

ГОНЕЦ

Вставай, слуга! Коня седлай!
Чрез рощи и поля
Скачи скорее ко дворцу
Дункана-короля!

Зайди в конюшню там и жди!
И, если кто войдет,
Спроси, которую Дункан
Дочь замуж отдает.

Коль чернобровую — лети
Во весь опор назад!
Коль ту, что с русою косою, —
Спешить не надо, брат.

Тогда ступай на рынок ты;
Купи веревку там!
Вернешься шагом — и молчи:
Я угадаю сам.

(«Страдания юности», Романсы, 7)

Как из пены волн рожденная,
И прекрасна и пышна,
За другого обрученная,
Дышит прелестью она.

Сердце многотерпеливое!
Не рощи и не грусти,
И безумство торопливое
Бедной женщине прости.

(«Лирическое интермеццо», 17)

Я не ропщу, хоть в сердце стынет кровь,
Моя навек погибшая любовь!
Алмазы, что в кудрях твоих горят,
Ночь сердца твоего не озарят.

Я это знал. Все это снилось мне:
И ночь в твоей сердечной глубине,
И грудь твою грызущая змея,
И как несчастна ты, любовь моя!
(«Лирическое интермеццо», 18)

Несчастлива ты,— и ропот мой молчит.
Любовь моя, несчастны оба мы!
Пока нам смерть сердец не сокрушит,
Любовь моя, несчастны оба мы!

Как ни играй насмешка на устах,
Как гордо ни вздымайся грудь твоя,
Как ни гори упорный блеск в глазах,—
Несчастлива ты,— несчастна, как и я.

Незримо скорбь уста твои мертвит;
Глаза пылают, горечь слез тая,
От скрытой язвы грудь твоя болит;
Несчастливы оба мы, любовь моя!
(«Лирическое интермеццо», 19)

А. К. ТОЛСТОЙ

Довольно! Пора мне забыть этот вздор!
Пора мне вернуться к рассудку!
Довольно с тобой, как искусный актер,
Я драму разыгрывал в шутку!

Расписаны были кулисы пестро,
Я так декламировал страстно.
И мантии блеск, и на шляпе перо,
И чувства — все было прекрасно.

Но вот, хоть уж сбросил я это тряпье,
Хоть нет театрального хлама,
Доселе болит еще сердце мое,
Как будто играю я драму!

И что я поддельною болью считал,
То боль оказалась живая, —
О боже! Я, раненный насмерть, играл,
Гладьятора смерть представляя!

(«Опять на родине», 14)

ИНН. АННЕНСКИЙ

ДВОЙНИК

Ночь, и давно спит закоулок:
Вот ее дом — никаких перемен —
Только жилицы не стало, и гулок
Шаг безответный меж каменных стен.

Тише... Там тень... руки ломает,
С неба безумных не сводит очей...
Месяц подкрался и маску снимает.
«Это не я: ты лжешь, чародей!» —

«Бледный товарищ, зачем обезьянить?
Или со мной и тогда заодно
Сердце себе приходил ты тиранить
Лунною ночью под это окно?»

(«Опять на родине», 20)

АЛЕКСАНДР БЛОК

В этой жизни слишком темной
Светлый образ был со мной;
Светлый образ помутился,
Поглощен я тьмой ночной.

Трусят маленькие дети,
Если их застигнет ночь;
Дети страхи полуночи
Громкой песней гонят прочь.

Так и я, ребенок странный,
Песнь мою пою впотьмах;
Незатейливая песня,
Но зато разгонит страх.

(«Опять на родине», 1)

Не знаю, что значит такое,
Что скорбью я смущен;
Давно не дает покоя
Мне сказка старых времен.

Прохладой сумерки веют,
И Рейна тих простор.
В вечерних лучах алеют
Вершины дальних гор.

Над страшной высотой
Девушка дивной красоты
Одеждой горит золотою,
Играет златом косы;

Златым убирает гребнем
И песню поет она:
В ее чудесном пенье
Тревога затаена.

Пловца на лодочке малой
Дикой тоской полонит;
Забывая подводные скалы,
Он только наверх глядит.

Пловец и лодочка, знаю,
Погибнут среди зыбей;

И всякий так погибает
От песен Лорелей.

(«Опять на родине», 2)

Сырая ночь и буря,
Беззвездны небеса;
Один средь шумящих деревьев
Молча бреду сквозь леса.

Светик далекий кажет
В охотничий домик путь;
Мне им прельщаться не надо,
Ведь скучно туда заглянуть.

Там бабушка в кожаном кресле,
Как изваянье, страшна,
Слепая, сидит без движенья
И слова не молвит она.

Там бродит, ругаясь, рыжий
Сын лесничего взад и вперед.
То яростным смехом зальется,
То в стену винтовку швырнет.

Там плачет красавица-пряха,
И лен отсырел от слез;
У ног ее с урчаньем
Жметя отцовский пес.

(«Опять на родине», 5)

Красавица-рыбачка,
Оставь челнок на песке,
Посиди со мной, поболтаем,
Рука в моей руке.

Прижмись головкой к сердцу,
Не бойся ласки моей;

Ведь каждый день ты с морем
Играешь судьбой своей.

И сердце мое, как море,
Там бури, прилив и отлив,
В его глубинах много
Жемчужных дремлет див.

(«Опять на родине», 8)

Играет буря танец,
В нем свист, и рев, и вой;
Эй! Прыгает кораблик,
Веселый паяц ночной.

Вздымает гулкое море
Живые горы из вод;
Здесь пропасти чернеют,
Там белая башня растет.

Молитвы, рвота и ругань
Слышны из каюты в дверь;
Мечтаю, схватившись за мачту:
Попасть бы домой теперь!

(«Опять на родине», 11)

Вечер пришел безмолвный,
Над морем туманы свились;
Таинственно роищут волны,
Кто-то белый тянется ввысь.

Из волн встает Водяница,
Садится на берег со мной;
Белая грудь серебрится
За ее прозрачной фатой.

Стесняет объятия, душит
Всё крепче, всё больней —

Ты слишком больно душишь,
Краса подводных фей.

«Душú тебя с силою нежной,
Обнимаю сильной рукой;
Этот вечер слишком свежий,
Хочу согреться с тобой».

Лик месяца бледнеет,
И пасмурны небеса;
Твой сумрачный взор влажнеет,
Подводных фей краса!

«Всегда он влажен и мутен,
Не сумрачней, не влажней;
Когда я вставала из глуби,
В нем застыла капля морей».

Чайки стонут, море туманно,
Глухо бьет прибой меж камней —
Твое сердце трепещет странно,
Краса подводных фей!

«Мое сердце дико и странно,
Его трепет странен и дик,
Я люблю тебя несказанно,
Человеческий милый лик».

(«Опять на родине», 12)

Тихая ночь, на улицах дрема,
В этом доме жила моя звезда;
Она ушла из этого дома,
А он стоит, как стоял всегда.

Там стоит человек, заломивший руки,
Не сводит глаз с высоты ночной;
Мне страшен лик, полный страшной муки, —
Мои черты под неверной луной.

Двойник! Ты — призрак! Иль не довольно
Ломаться в муках тех страстей?
От них давно мне было больно
На этом месте столько ночей!

(«Опять на родине», 20)

Ты знаешь, что живу я,
И спишь спокойным сном?
Мой старый гнев проснется,
И я сломяю мой ярем.

Ты знаешь — в старой песне:
Однажды в час ночной
Подругу юноша мертвый
В могилу взял с собой?

Поверь, краса и диво,
Ты, чистое дитя,
Я жив, у меня есть сила,
Сильней всех мертвых я!

(«Опять на родине», 21)

Три светлых царя из восточной страны
Стучались у всяких домишек,
Справлялись: как пройти в Вифлеем? —
У девочек всех, у мальчишек.

Ни старый, ни малый не мог рассказать,
Цари прошли все страны:
Любовным лучом золотая звезда
В пути разгоняла туманы.

Над домом Иосифа встала звезда,
Они туда постучали;
Мычал бычок, кричало дитя,
Три светлых царя распевали.

(«Опять на родине», 37)

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ПРЕДИСЛОВИЯ К «КНИГЕ ПЕСЕН» И К «ВИЛЬЯМУ РАТКЛИФУ»

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ «КНИГИ ПЕСЕН»

Я не могу переправить это новое издание «Книги песен» зарейнской публике, не сопроводив его дружественными приветствиями, выраженными самой честной прозой. Не знаю, какое странное чувство удерживает меня от того, чтобы переложить настоящее предисловие в прекрасные рифмы, как это вообще принято в собраниях стихотворений. С недавнего времени что-то во мне противится всякой метрической речи, и, как я слышу, подобное же нерасположение шевелится также у многих современников. Я начинаю думать, что слишком много налгано в прекрасных стихах и что правде стало страшно появляться в метрических одеждах.

Не без смущения вручаю я читателям обновленное издание этой книги. Величайшей внутренней борьбы стоило мне это; я колебался в течение почти целого года, прежде чем решиться бегло просмотреть ее. При виде ее во мне проснулась вся та тоска, что угнетала мое сердце десять лет тому назад, когда эти стихотворения были впервые опубликованы. Это чувство поймет только поэт или стихоплет, увидавший в печати первые свои стихи. Первые стихи! Их нужно писать на не-

брежных, блеклых листах, между ними должны лежать то тут, то там увядшие цветы, или белокурый локон, или выцветший обрывочек ленты, а еще в иных местах должен быть виден след слезы... Но вышедшие в свет первые стихи, напечатанные таким ярко-черным шрифтом, на такой ужасно гладкой бумаге, — стихи эти теряют свою чудесную, девическую прелесть и вызывают у автора страшное уныние.

Да, вот уже десять лет прошло с тех пор, как эти стихи появились впервые, и я даю их, как тогда, в хронологической последовательности, и впереди всех выступают снова песни, сложенные в те минувшие годы, когда в душе моей горели первые поцелуи немецкой музыки. Ах, поцелуи этой славной девушки утратили с тех пор добрую долю огня и свежести! При столь многолетней связи пламень медового месяца должен был мало-помалу рассеяться дымом; но тем сердечнее становилась порою нежность, особенно в ненастные дни, и тогда, в эти дни, она на деле доказала мне всю свою любовь и верность, немецкая муза! Она утешала меня среди домашних неприятностей, последовала за мною в ссылку, развлекала меня в злые часы душевного упадка, в пору безденежья ухитрялась даже помочь мне, немецкая муза, славная девушка.

Так же мало изменений, как в хронологическую последовательность, внес я и в самый текст стихотворений. Только кое-где в первом разделе исправлены отдельные строфы. Ради сбережения места я отбросил посвящения первого издания. Однако я считаю необходимым упомянуть, что «Лирическое интермеццо» извлечено из книги, которая появилась в 1823 под заглавием «Трагедия» и была посвящена моему дяде Соломону Гейне. Этим посвящением я хотел засвидетельствовать глубокое уважение, по праву принадлежащее этому великоллепному человеку, равно как и благодарность за любовь, которую он в то время ко мне проявил. «Опять на родине», цикл, который появился раньше в «Путевых картинах», посвящен был блаженной памяти Фредерике Фарнгаген-фон-Энзе, и я в праве гордиться тем, что был первым, почтившим эту замеча-

тельную женщину всенародным признанием. Подлинным подвигом со стороны Августа Фарнгагена было то, что он, пренебрегая всякого рода мелочными опасениями, опубликовал письма, в которых Рахель раскрывается во всем своем своеобразии. Эта книга пришла в самое подходящее время, как раз тогда, когда она лучше всего могла оказывать влияние, доставлять поддержку и утешение. Эта книга пришла как раз в то время, когда в утешении люди нуждались больше чем когда-либо. Кажется, будто Рахель знала, какая посмертная миссия была ей суждена. Она, правда, думала, что все станет лучше, и ждала; однако, когда это ожидание затянулось бесконечно, она нетерпеливо трянула головою, взглянула на Фарнгагена и скоренько умерла — чтобы тем скорее воскреснуть. Она напоминает мне легенду о другой Рахели, которая восстала из гроба, остановилась у проезжей дороги и плакала, когда чада ее проходили мимо в неволю.

Я не могу без скорби подумать о ней, об этом милом друге, всегда дарившем мне неустанное сочувствие и немало порою тревожившемся из-за меня во времена моих юношеских продерзостей, в те времена, когда пламя истины больше распаляло меня, чем просвещало.

Это время ушло! Я теперь более просвещен, чем распален. Однако эта холодная просвещенность приходит к людям обычно слишком поздно. Я вижу теперь при самом ясном свете камни, о которые когда-то спотыкался. Мне было бы так легко обойти их, не вступая ради этого на несправедные пути. И еще я знаю теперь, что в жизни можно связываться с чем угодно, стоит только надеть необходимые в таких случаях перчатки. И затем и в жизни и в искусстве нам следует принимать только за то, что осуществимо и к чему у нас больше всего способностей. Ах, губительнейшие ошибки человека состоят в том, что он по-детски пренебрегает теми дарами, на которые всего щедрее природа, и, наоборот, чрезмерно ценит блага, достающиеся ему с наибольшим трудом. Драгоценный камень, вросший в недра земли, жемчужину, погребенную в морской

бездне, человек считает величайшими сокровищами; он отнесся бы к ним с пренебрежением, если бы природа кинула их у его ног, точно гальку или ракушки. Мы равнодушны к нашим преимуществам; мы до тех пор стремимся обмануться в собственных слабостях, пока сами не возведем их, наконец, в совершенства. Когда я однажды после концерта Паганини обратился к нему со страстной похвалой по поводу его мастерской игры на скрипке, он прервал меня словами: «Но как вам понравились сегодня мои приветствия, мои поклоны?»

Со смирением в душе и с просьбой о снисхождении передаю я публике «Книгу песен»; за слабость этих стихотворений ее вознаградят, быть может, до известной степени мои политические, богословские и философские произведения.

Однако я должен при этом заметить, что моя поэзия полностью выросла из той же идеи, что и политические, богословские и философские писания, и что нельзя осудить одни, не лишив все другие всяческого одобрения. В то же время я позволю себе обратить внимание еще на то, что слухи, будто идея эта претерпела в моей душе какие-то сомнительные изменения, покоятся на свидетельствах, вызывающих во мне в равной степени презрение и сожаление. Только подлинно тупые умы могли принять сравнительную умеренность моих речей или, еще больше, мое вынужденное молчание за отступничество от самого себя. Они ложно истолковали мою умеренность, и это было тем бессовестнее, что я все же никогда не истолковывал ложно их чрезмерное беснование. Наибольшее, в чем меня можно было бы обвинить, — это некоторое утомление. Но у меня есть право быть утомленным... И затем каждому приходится подчиняться закону времени, хочет он того или не хочет.

И как бы прекрасно ни светило солнце,
В конце концов зайдет и оно.

Мелодия этих стихов с утра жужжит у меня в мозгу, и она же, быть может, отзывается во всем, что я только

что написал. В одной из пьес Раймунда, честного комика, который недавно застрелился от меланхолии, юность и старость выступают в виде аллегорических персонажей, и только что приведенными стихами начинается песенка, которую юность поет, прощаясь с героем. Много лет тому назад в Мюнхене видел я эту пьесу; мне кажется, она называлась: «Крестьянин-миллионщик». Стоит уйти юности, и мы сразу же замечаем странную перемену, которую претерпевает личность героя, одиноко остающегося на сцене. Его каштановые волосы мало-помалу седеют и становятся, в конце концов, снежно белыми; спина сгибается, колени трясутся; вместо былой страсти появляется плаксивая размягченность. . . старость приходит.

Неужели это уже приближается и к написавшему эти страницы? Ты уже замечаешь, дорогой читатель, что эти изменения происходят в писателе, который так по-юношески, может быть, слишком по-юношески, двигался в литературе? Какое печальное зрелище представляют собою писатели, мало-помалу стареющие у нас на глазах, на виду у публики. Мы видели это не у Вольфганга Гете, вечного юноши, но у Августа-Вильгельма Шлегеля, престарелого фата; мы видели это не у Адальберта Шамиссо, который с каждым годом молодеет, расцветая все пышнее, но у господина Людвига Тика, у этого бывшего романтического Штрюмиана, ставшего ныне старым, паршивым псом... О боги! я не прошу вас сохранить мне юность, но сохраните за мной добродетели юности, бескорыстное негодование, бескорыстную слезу! Не дайте мне сделаться старым ворчуном, обливающим более юных духом, или пошлым нытиком, беспрестанно хнычущим о добрых старых временах... Дайте мне быть старцем, любящим юность и вопреки старческой немощи все еще причастным к ее играм и опасностям! Пускай мой голос дрожит и звучит не твердо, но смысл моих слов пусть останется бесстрашным и свежим!

Она улыбалась вчера так странно, то жалостливо, то язвительно, прекрасная подруга, поглаживая розовыми пальцами мои кудри... Не правда ли,

ТЫ заметила несколько седых волосков на моей голове?

И как бы прекрасно ни светило солнце,
В конце концов зайдет и оно!

Генрих Гейне

Написано в Париже весной 1837.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОМУ ИЗДАНИЮ «КНИГИ ПЕСЕН»

К четвертому изданию этой книги я, к сожалению, не мог отнестись с особою заботливостью, и она была напечатана без предварительного просмотра. К счастью, небрежность этого рода не повторилась при настоящем, пятом, издании, поскольку я случайно находился на месте печатания и имел возможность самолично провести корректуру. Здесь же, в том же издательстве у Гофмана и Кампе в Гамбурге, я одновременно опубликовал под титулом «Новые стихотворения» собрание поэтических произведений, которые следует рассматривать как вторую часть «Книги песен». — Самые светлые мои приветствия друзьям, пребывающим на родине!

Генрих Гейне

Писано в Гамбурге 21 августа 1844.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ СТИХОТВОРЕНИЙ

Книга, которую я в настоящее время публикую, содержит в себе французский перевод части тех лирических произведений, что доставили мне в моей стране звание поэта. Это — прекрасное звание, и, конечно, оно столь же драгоценно, как и звание великого трибуна, которому я тоже радовался в течение некоторого времени; у меня до сих пор осталась от него горечь во рту.

Соображения материальной экономии при издании этого тома лишили меня возможности дать здесь полное собрание моих стихотворений; но выбор — дело слишком трудное для отеческого сердца поэта, питающего нежные чувства равно ко всем своим рифмованным отпрыскам. Впав в это затруднение, я решился собрать здесь только те поэтические произведения, которые были раньше мною переведены в счастливые часы досуга, и добавил к ним те, которые в разное время уже были опубликованы мною в журналах, в сотрудничестве с друзьями, владевшими искусством стиля и искусством терпения, искусством еще более редким.

Я не мог отказаться от скорбной радости воспроизвести в этой книге грациозные страницы, которые мой умерший друг Жерар де-Нерваль предпослал «Интермеццо» и «Северному морю». Я не могу без глубокого умиления вспомнить мартовские вечера 1848, когда милый, тихий Жерар навещал меня ежедневно в моем одиночестве близ Барьер-де-ла-Санте (Barrière de la Santé), чтобы спокойно работать вместе со мною над переводом моих мирных немецких мечтаний, в то время, когда вокруг нас бушевали всевозможные политические страсти и с ужасающим грохотом рушился старый мир! Погруженные — как обычно — в наши эстетические и даже идиллические беседы, мы не слышали криков той знаменитой женщины с большими грудями, что проносилась в то время по улицам Парижа и рычала свою песню: «Фонарики! Фонари!», эту марсельезу печальной памяти февральской революции. К сожалению, мой друг Жерар, даже в светлые свои дни, был подвержен постоянным проявлениям рассеянности, и я открыл, — слишком поздно, чтобы исправить, — что он пропустил семь стихотворений из цикла, который составляет «Северное море». Я оставил этот пробел в моей поэме, чтобы не нанести ущерба целому, гармоническое единство колорита и ритма которого могло быть нарушено включением опытов собственного моего не-искусного пера. Речь Жерара текла с очаровательной и неподражаемой чистотой, подобно только разве несравненной прелести его души. Он был поистине

скорее «душа», чем человек, я сказал бы — ангельская душа, как бы избито ни было это слово. Этой душе был свойственен дар симпатии, и, не обладая большим знанием немецкого языка, Жерар угадывал смысл какого-нибудь немецкого стихотворения лучше тех, кто сделал изучение этого наречия делом всей своей жизни. И это был великий художник, он хранил благовония своих мыслей в украшенных превосходной чеканкой золотых курильницах. И в то же время он не обладал ни малейшею чертою художнического эгоизма; он был полон детского чистосердечия и деликатнейшей чувствительности; он был добр, он любил весь мир; он никому не завидовал; он не обидел и мухи; он пожимал плечами, если в него случайно вцеплялась какая-нибудь шавка.

И несмотря на все эти превосходные качества таланта, очарование и сердечную доброту, мой друг Жерар окончил свою жизнь известным вам образом в подлом закулке «Старого фонаря».

Не нищета была причиною этого мрачного события, но она повлекла его за собою. Во всяком случае, было доказано, что несчастный не располагал в час гибели даже сколько-нибудь приличной, теплой комнатой, где бы можно было с комфортом расположиться для того, чтобы...

Бедное дитя! Ты стоишь слез, пролитых в твою память, и я не в силах сдержаться от них, когда пишу эти строки. Но твои земные страдания прекратились, а у твоего соратника из Барьер-де-ла-Санте они идут своею чередою.

Пусть эти слова не настраивают тебя слишком чувствительно, дорогой читатель: быть может, недалек день, где все наличное милосердие понадобится тебе для себя самого. Ты разве знаешь, какой тебя ждет конец?

Однако возвратимся к поэмам и легендам, собранным в этой книге. Я отметил над каждым разделом время его возникновения. Это услуга, за которую меня отблагодарят пытливые критики, которые так любят доискиваться в произведениях поэта первоисточника его мысли и вскрывать потаенные тенденции его духа

во время различных фазисов его жизни. Мои первые лирические произведения находятся в цикле «Ночных песен» и датированы 1816. Это четыре первых стихотворения, и они относились к циклу необузданных видений. В ту же эпоху я написал «Двух гренадеров», и это юношеское произведение было издано в 1822 в первом сборнике моих стихотворений. Я привожу это хронологическое примечание, чтобы не создавалось впечатление, будто я брел по стопам одного австрийского поэта.

Я уже сказал, что в «Ночных песнях» слышится первый детский лепет лирического поэта; его последние вздохи, — я чуть не сказал: его предсмертное хрипение, — находятся в конце этого тома в ряде ламентаций, которым я дал заглавие «Книга Лазаря». Перевод является делом одного столь же проникательного, сколь и изящного писателя, которому удалось лучше, чем многим из его соотечественников, усвоить интеллектуальные ценности основательной и ученой Германии, не жертвуя при этом рассудительностью и благородством, качествами, свойственными французскому духу. Я не мог побороть искушение еще раз повторить немногие строки, сопровождавшие «Книгу Лазаря».

Воспроизводя также предисловие, предваряющее «Германию», зимнюю сказку, я забыл указать, что слова эти предназначены для немецкой публики, а не для французского читателя, который, вероятно, найдет поэму «Германия» подчас слишком германской и слишком малопонятной. Я признаю, что в ней заключается целый муравейник специфически немецких намеков, нуждающихся в нескольких томах комментариев. Кроме того, во многих эпизодах мысль автора вращается с помощью шутовских и гротескных рифм, невозможность передать которые делает французскую версию очень вялой, если не бесцветной.

Это всегда очень рискованное предприятие — пытаться передать в прозе одного из романских наречий стихотворное произведение, принадлежащее языку германского корня. Наиболее интимная мысль оригинала легко испаряется в переводе, и остается одно

лишь «чучело лунного света», как выразился один злостный человек, насмежавшийся над переводами моих стихотворений.

Приветствую тебя, дорогой читатель, и молю господа, дабы он тебя благословил и сохранил.

Анри Гейне

Париж 25 июня 1855.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ «ВИЛЬЯМА РАТКЛИФА»

Зимнюю сказку, под названием «Германия», включавшуюся в прежние издания этого тома, я из настоящего издания изъяс, так как она с тех пор неоднократно выходила в свет отдельными выпусками и, помимо того, мною намечено для нее в собрании моих стихотворений особое место. Я пользуюсь освободившимися страницами, чтобы напечатать здесь небольшую трагедию «Вильям Ратклиф», вышедшую, примерно, двадцать девять лет тому назад в Берлине, у Дюмлера, под общим заголовком: «Трагедии и лирическое интермеццо». После того «Лирическое интермеццо» было введено в состав обширного сборника моих стихотворений и снискало себе чрезвычайную популярность. Но «Вильям Ратклиф» оставался малоизвестным; да и в самом деле, фамилия его издателя — Дюмлер. Ныне я с полным основанием отвожу этой трагедии, или драматической балладе, место в собрании моих стихотворений, ибо она является одним из немаловажных документов моей писательской жизни. Она подводит итог моему поэтическому периоду «бури и натиска», тому, что в «Книге песен», в отделе «Страдания юности», отразился весьма несовершенно и смутно. Юный автор, тот, что в «Страданиях юности» тяжелым, беспомощным языком лепечет о сонных своих грезах, обретает в «Ратклифе» ясный, зрелый голос и высказывает открыто последнее свое слово. Это слово стало затем лозунгом, при звуке которого пурпуром воспламеняются серые лица нищеты и розовощекие сыны счастья бледнеют, как мел. У очага

честного Тома в Ратклифе закипает уже тот великий вопрос о похлебке, в который ныне запускают свою ложку тысячи незадачливых поваров и который что ни день закипает и бьет через край все неистовее. Удивительный баловень судьбы — поэт: ему дано видеть дубовые леса, которые дремлют еще в оболочке жолудя, и он ведет разговоры с поколениями, которые еще не народились на свет. Они нашептывают ему свои тайны, и он разбалтывает их на рынках и площадях. Но голос его заглушается громким шумом повседневных страстей; немногие слышат его, никто его не понимает. Фридрих Шлегель назвал историка пророком, взиравшим вспять в прошлое; — можно бы с большим правом сказать о поэте, что он историк, взор которого обращен в будущее.

Я написал «Вильяма Ратклифа» в Берлине под Липами, в последние три дня января 1821 года, когда солнце с каким-то тепловатым благоволением озаряло своим светом покрытые снегом крыши и уныло облежавшие деревья. Я написал его в один прием и без каких бы то ни было предварительных набросков. В то время как я писал, мне казалось, что над головой своей я слышу шум как бы от крыльев птицы. Когда я рассказал об этом моим друзьям, юным берлинским поэтам, они посмотрели друг на друга со странным выражением лица и в один голос уверили меня, что с ними, когда они сочиняют стихи, ничего подобного не случалось.

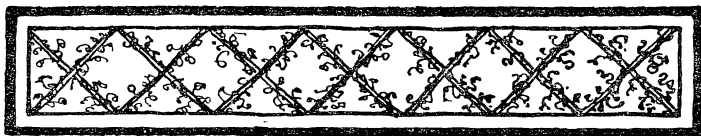
Генрих Гейне

Париж 24 ноября 1851.

КОММЕНТАРИИ

КНИГА ПЕСЕН

«Книга песен» явилась сводом стихотворений Гейне, до того печатавшихся как отдельные самостоятельные циклы и как лирические сборники. Предистория «Книги песен», история отдельных ее частей, вначале существовавших как вполне автономные произведения, такова:

1

Еще в Бонне Гейне начал хлопотать об издании сборника своих стихотворений. Издатель Вебер ему отказал, фирма Брокгауза в Лейпциге тоже отказала. Внимательней к нему отнеслись в Берлине. В журнале «Gesellschaftler» Гейне в 1821 году напечатал серию своих стихотворений. Редактор этого журнала Губиц рекомендовал поэта книгоиздателю Мауреру — тот принял его книгу. Она появилась в декабре 1821 года: «Gedichte von H. Heine, Berlin, in der Maurerschen Buchhandlung», 1822.

Содержание ее в основном покрывается циклом «Страдания юности» из «Книги песен», о чем более точные указания мы даем в дальнейших комментариях.

В том же «Gesellschaftler», в приложении к нему от 26 декабря 1821 года, напечатано было извещение от Маурера:

«В нашем издательстве на днях вышла в свет книга — «Стихотворения Г. Гейне». Цена — 1 талер. Каковы бы ни были суждения о достоинстве этой книги, все же каждый признает за автором ее резкую оригинальность — редкостная глубина чувствований, живость юмористических созерцаний и дерзкая изобразительная сила свидетельствуют о ней. Почти все стихотворения этого сборника, который состоит из циклов — 1. Сновидения, 2. Любовные песни, 3. Романсы, 4. Бурлескные сонеты и 5. Переводы из сочинений лорда Байрона, — почти все эти стихотворения написаны в духе немецкой народной песни и следуют простоте ее общего тона. «Сновидения» — это цикл Ночных рассказов, и своеобразие их не поддается сравнению с каким-либо из уже известных нам видов литературы, Берлин, декабрь 1821. Книготорговля Маурера».

По всей видимости, извещение писалось самим Генрихом Гейне. Таким образом, первый критический отзыв на стихотворе-

ния Гейне принадлежит собственной его руке. В этом отзыве даны также существенные историко-литературные указания: действительно, традиция немецкой народной песни (Volkslied) и традиция готического «страшного» жанра («Ночные рассказы» — «Nachtstücke» — Э.-Т.-А. Гофмана) определяют художественное направление первого сборника Гейне. Фольклорная традиция в дальнейшем увеличила свое действие на творчество Гейне, «готическая» традиция преодолевалась им и ослабевала.

Как относительно скромны ни были эпитеты и определения в заметке «Gesellschaftler», тогдашняя критика, еще непривычная к издательской рекламе, встретила их язвительно. Доброжелательный к Гейне Фарнгаген все-таки писал, что издательство Маурер несколько преувеличило свои функции — оно поторопилось сказать слова, которые надлежало услышать из уст литературной критики.

Маурер расплатился с Гейне 40 даровыми экземплярами. Гейне тогда еще не рассматривали как профессионального писателя. Впрочем, в дальнейшем, издатели всегда предпочитали тот же принцип дележа с поэтом: Гейне они предоставляли славу, а доход себе. Маурер был в этом отношении прямым предшественником Юлиуса Кампе.

2

В апреле 1823 года в Берлине у издателя Дюмлера вышел в свет второй сборник стихов Гейне — «Трагедии с лирическим интермеццо» — «Tragödien nebst einem lyrischen Intermezzo, Berlin, Dümmler, 1823». Здесь между «Вильямом Ратклифом» и «Альмансором» был помещен лирический цикл из 66 стихотворений. Некоторые вещи из «Лирического интермеццо» в «Книге песен» отпали, некоторые были введены в этот цикл впервые (в этом первом самостоятельном издании «Лирического интермеццо» отсутствуют «Пролог» и пьеса первая). Трагедии «Альмансор» и «Вильям Ратклиф» из «Книги песен» были исключены.

Этот второй сборник Гейне представлял собою законченное целое. Трагедия «Ратклиф» была обобщенным, драматизованным введением к лирическому роману «Интермеццо»; здесь изображалась внутренняя коллизия этого романа в иноземных символах «драмы судьбы» с ее шотландской темой и с общим ее стилем, тяготеющим к «готическому» («черному», «страшному») романтизму — в этом смысле «Ратклиф» продолжал тенденции более ранних «Сновидений». Трагедия «Альмансор» замыкала сборник — она являлась новым обобщением в порядке послесловия. «Лирическое интермеццо» — лирический роман современности, «Ратклиф» и «Альмансор», каждая по-своему, — исторические драмы. Гейне в начале и в конце своего сборника переводит современные коллизии на язык истории — каждый раз на язык другой исторической эпохи: «Ратклиф» по своей тематике близко подходит к романам Вальтер Скотта, тогда как действие «Альмансора» проходит в период формирования испанского абсолютизма,

формирования всего современного общества буржуазии в целом. Этот сборник по широте масштабов, по смелости сближений осуществляет романтическое требование «универсальности» искусства: «универсальность» состояла в умении ставить и оценивать частные темы и вопросы в свете грандиозного исторического и социального опыта.

«Книга песен» отнюдь не отказалась от принципа «универсальности», но видоизменила его, в частности и по отношению к «Интермеццо», включив этот цикл в иную среду.

3

Следующий цикл «Книги песен» — «Опять на родине» — как самостоятельное произведение не печатался; он был включен в первый том «Путевых картин», вышедший у Юлиуса Кампе в мае 1826 года в Гамбурге. «Опять на родине» — «Heimkehr» — за этим названием лежат биографические факты: здесь изображалось возвращение в родные места, на Рейн и в Гамбург, — поездка, предпринятая Гейне, после того как в 1823 году он покинул Берлин и Берлинский университет. Поставленные в «Книге песен» непосредственно после «Лирического интермеццо» стихотворения из цикла «Опять на родине» явились продолжением конкретной фабулы и конкретных коллизий предшествующего им лирического романа. И «Лирическое интермеццо» и цикл «Опять на родине» взаимно преобразовали друг друга, преобразовали свой прежний смысл, встретившись друг с другом под переплетом «Книги песен». В «Путевых картинах» цикл «Опять на родине» находился по соседству с «Путешествием по Гарцу», предшествуя ему. Таким образом, там этот цикл давался как часть путевого романа.

4

«Северное море» тоже вначале печаталось как часть «Путевых картин». В тот же первый том «Путевых картин» 1826 года входила первая часть «Северного моря». Вторая часть этого цикла была внесена во второй том «Путевых картин» — апрель 1827 года; она стояла перед «Северным морем», написанным прозой, затем следовали «Книга Ле-Гран» и «Письма из Берлина». Начиная со второго издания «Путевых картин», том I, Гейне разделил «Северное море» в стихах с «Северным морем» в прозе — обе части стихотворного цикла «Северное море» перешли в первый том «Путевых картин», в соседство с «Путешествием по Гарцу». Таким образом, путь, проделанный «Северным морем», до того как этот цикл нашел свое место в «Книге песен», был особо сложным.

5

Песни из «Путешествия по Гарцу» как отдельный цикл впервые появились в «Книге песен»; до того они печатались как стихо-

творные эпизоды, включенные в различные места прозаического текста в первом томе «Путевых картин».

«Книга песен» вышла в свет в октябре 1827 года. Гейне создал новую книгу, использовав почти все лучшее из стихов, написанных им до того времени. Гейне и сам указывал, и это же было сразу отмечено его критиками, что «Книга песен» от начала до конца является книгой строго организованной. В ней отсутствует случайность подбора стихов и случайность расположения материала, характерная для обычных поэтических антологий.

Место каждого стихотворения в цикле тщательно обдумано, и каждый цикл сюжетно и идейно связывается с остальными. Ни одно стихотворение не имеет отдельного, изолированного от общей массы смысла. Вернее: его самостоятельный смысл изменяется как только стихотворение вступает в цикл — изменяются акценты смысла и значения; подавленные акценты усиливаются и становятся главными, акценты же, преобладавшие в отдельном стихотворении, в общей экономии цикла ступеваются. Эту разницу в значении стихотворной пьесы, взятой отдельно и затем включенной в цикл, Гейне учитывал; для него были важны эти колебания смысла, эта своеобразная художественная диалектика частей и целого.

«Книга песен» в целом — это единый «образ», — роман любви, лежащий в основании книги, перерастает постепенно в большой социальный роман «воспитания чувств», в роман критики нравов и этических идей феодально-бюргерского общества, в роман социального возмущения и социальных надежд. Именно в этом направлении срастаются друг с другом циклы, вынутые Гейне из прежних его книг и заново сопоставленные в «Книге песен». Циклы срастаются и как части единой конкретной фабулы — история любви от «Страданий юности» до последних стихотворений из цикла «Опять на родине» — и как части общей идейной темы. То, что «Книга песен» заканчивается вещами, не связанными с любовным романом, вещами, которые как бы ставят этот роман в скобки, — уже это одно указывает на «универсальные», социально-философские тенденции всего произведения Гейне в целом. Роман любви в художественной экономии целого приобретает подчиненное значение.

Мы здесь не даем сколько-нибудь подробного разбора «Книги песен» и ограничиваемся лишь отдельными замечаниями. Важным пособием для анализа «Книги песен» являются отзывы критики, современной Гейне. Мы приведем наиболее значительные из отзывов, по возможности систематизируя их. Несмотря на то, что критика эпохи Гейне подчас была филистерской и мешански-ограниченной, многие суждения критиков все же были остры и правильны. Критики 20-х и 30-х годов, воспитанные на высоких традициях классической немецкой философии, поэзии и эстетики, превосходят последующих буржуазных литературоведов, в своих писаниях о Гейне только копировавших старые суждения без должного смысла. Первое же крупное появление Гейне в печати, — сборник, изданный Маурером, —

привлекло к поэту общественное внимание. На его книгу отозвались лучшие литераторы тогдашней Германии. О стихотворениях, изданных у Маурера, дали отзывы: Фарнгаген — в журнале «Gesellschaftler» (№ 11, от 19 января 1822), Карл Иммерман («Kunst- und Wissenschaftsblatt», приложение к «Rheinisch-westfälischer Anzeiger», № 23, от 31 мая 1822) и некто, подписавшийся буквами Schm., в том же «Kunst- und Wissenschaftsblatt» от 7 июня 1822. Последняя статья весьма замечательна; существует предположение, что писал ее знаменитый Шлейермахер (так полагает Ф. Мельхиор вслед за Ю. Иессен).

Современники, для которых был ясен весь общественно-литературный контекст первого выступления Гейне, сразу же определили, в чем состояло своеобразие нового для них поэта.

Они отмечали, хотя почти всегда безо всякого одобрения, критическую позицию Гейне, чуждость Гейне идеям примирения с действительностью: ни «отречение» от высоких индивидуальных требований к обществу, «отречение», проповедуемое католическими романтиками, ни объективизм, спокойное «разумное» принятие того, что есть, проповедуемое гегельянцами, — ни одно из этих направлений не нашло в Гейне союзника.

Иммерман указывает, что содержание стихов Гейне нисколько не исчерпывается несчастьями любви: «Если иметь в виду только буквальный смысл слов, то причина этих мрачных (авторских) настроений лежит в разрушенных любовных отношениях. Но стоит взглянуть на дело глубже, и выяснится, что сознание поэта полнует гораздо более сильные мотивы, чем любовное несчастье, и что бедная девушка, которую поэт так горько бранит, собственно говоря, расплачивается за чужие прегрешения». Таким образом, Иммерман, не в пример всем последующим немецким литературоведам, ставит на должное место любовную тему — у Гейне она только типизует, знаменует общественные отношения, этику феодально-бюргерской Германии в целом.

Шм. (Шлейермахер?) резко отделил Гейне от господствовавших в Германии романтических тенденций: «Господин Гейне однажды на страницах этого журнала заявил о себе как о последователе Шлегеля; также и в своих стихотворениях он вполне открыто говорит об этом. Но мы должны обратить внимание господина Гейне на следующее: как бы основательно ни прошел он Шлегелевскую школу, как бы ни ободряли его учительные и «благоклонные» слова А.-В. Шлегеля, — все равно, ни в коем случае он не принадлежит к Шлегелевской школе. Эта последняя, или же романтическая школа *par excellence*, или же еще, чтоб сказать лучше, — лжеромантическая школа, состоит из двух элементов, которых, слава богу, напрасно стали бы мы искать в произведениях Гейне, из элементов рыцарского и клерикального, из феодализма и иерархии. Единственный элемент, который оживляет произведения Гейне, — это чистая гражданственность и чистая человечность; мы не найдем в его произведениях ни малейшего намека на звон рыцарских шпор или же на церковный ладан, на вещи, из которых, по существу, составлены и средневековые и

школа Шлегеля, по средневековую тоскующая. Говоря короче, Гейне — поэт для третьего сословия (*tiers état*). В пояснение следует отметить, что для 20-х годов в Германии «третье сословие» — это не имя буржуазии, но имя для всей оппозиции против официального немецкого общества и государства. Рецензент, называя Гейне поэтом третьего сословия, приурочивает его творчество к широкой демократической оппозиции.

Почти все критики Гейне бросали ему общий упрек: они писали, что Гейне подрывает идею искусства как такового, что творчество его либо игнорирует, либо разрушает эстетику. Одновременно они восхваляли его дарование художника. Художественность для них не совпадала с эстетикой, так как в эстетике они видели определенное конкретное содержание искусства, требование этого содержания. Как классическая, так и романтическая эстетика требовали «гармонии», высокой оценки существующей действительности, изображения ее противоречий примиренными — эстетика красоты, эстетика прекрасного искусства. У самих критиков сталкивались мотивы оценки — они ценили Гейне-реалиста, но в то же время хотели бы, чтобы правдиво изображенная убогая, отсталая Германия являла собою зрелище «красоты» — классической или романтической. Вернее: они еще не потеряли надежд, что Германия как она есть может вдохновлять поэтов на произведения и реалистические и прекрасные. Шм., который одобряет правдивость Гейневской лирики, пишет поэтому, что поэзии Гейне все же недостает красоты и примиренности в красоте: «...мы выскажем без всяких утаек горькую истину: эта книга состоит из одних только грехов против цели поэзии». «Разве цель поэзии состоит в этой потрясенности, в этих гальванических толчках? Нет, конечно, нет. Поэзия должна действовать как — религия... Как в частности цель нашей христианской религии состоит в том, чтобы врачевать разорванные души, сообщать им крепость и возвышенные настроения, так и наша поэзия должна избрать для себя ту же цель; и если в природе поэзии насильственно взрывать страсти, магическими словами заклиная душевные бури, то все это происходит лишь затем, чтобы тем нежнее страсти примирились друг с другом и душевная буря превратилась в нежное веянье. Подвергая оценке тот общий дух, который живет в стихотворениях Гейне, мы не только не замечаем в них принципа примирения, принципа гармонии, обязательного даже для самых яростных приступов страсти, — больше того: мы видим в них зловерный принцип резких диссонансов, стихотворения эти обуюны разрушительным духом, истребляющим все цветы жизни, не допускающим, чтобы над жизнью нашей высилась пальма мира».

Иммерман также ставил Гейне на вид «диссонансы» его поэзии, хотя и считал их неизбежными: он писал, что вся разорванность Гейне происходит от неустрашимого противоречия между эстетическим сознанием поэта и действительностью. «Все прочие вещи, споспешествующие человечеству, способны пробить себе дорогу, но нежные ростки поэзии для здорового своего разви-

тия нуждаются в разрыхленной почве современных человеческих сердец». По оценке самого Иммермана, современность, с которой враждует Гейне, — «невосприимчива и трезва», это — прозаическая культура бюргерства.

Критика сблизила начинающего Гейне с Байроном и с байронизмом, — Байрон для 20-х годов был классиком «диссонансов» и антиэстетической, разоблачающей поэзии. То считая Гейне более оптимистическим поэтом, то считая поэзию его еще более радикально отрицательной, критики не уставали сравнивать его с Байроном, этим «князем преисподней», как выражался в своей статье один из них. Звание немецкого Байрона Гейне охотно принял *. Переводы из Байрона, приложенные к первой книге стихотворений Гейне, были как бы указанием от самого автора — критики не замедлили приписать Гейне к «скорбным» поэтам.

Шм., самый тонкий из критиков Гейне, признает, что позиции эстетического («религиозного») отношения к действительности теряют кредит у современников — « пороки сами по себе интереснее, чем добродетели, и эти последние нередко даже скучны». Но р е а л и з м молодого Гейне он ценит вовсе не из соображений его «занимательности», «интереса», который он может вызвать. Реализм для него — великая моральная сила: «В нашей поэзии еще ни один поэт не изобразил свою личную жизнь, свое индивидуальное существо с такой смелостью и с такой поразительной беспощадностью, как это сделал Гейне в своих стихотворениях. И так как объективное изображение этой необычной и грандиозной субъективности носит печать правды и так как правда обладает силой всепобеждающей, то вот вам еще одна причина, почему стихотворения Гейне непреодолимо нравятся читателям».

В связи с реализмом («объективностью», «правдивостью») статья Шм. делает очень много верных замечаний о стиле Гейне, о его поэтике. «Во всех стихотворениях Гейне господствует чистая объективность изображения, и в стихотворениях личных по своему источнику Гейне опять-таки строит объективный, определенный образ субъективных своих состояний. Мы должны удивляться на эту объективность изображения. Господин Гейне проявил себя как великий поэт с врожденным даром ясного созерцания. Он не пускается в резонерство и в рефлектирование, он не пользуется философско-поэтическими словечками, но он создает картины, которые, сопоставляясь друг с другом, образуя единое целое, вызывают к жизни глубочайшие философско-поэтические идеи. Его стихотворения — это иероглифы, выражающие в немногих знаках целый мир чувствований и созерцаний. Эти поэтические иероглифы, эти образные знаки, эти аббревиатуры больших идей и глубоких чувств для всех понятны,

* См. литературу о байронизме у Гейне: Felix Melchior, *Heinrich Heines Verhältnis zu Lord Byron*, Berlin 1903; Wilh. Ochsenbein, *Die Aufnahme Lord Byrons in Deutschland und sein Einfluss auf den jungen Heine*, Berlin 1905.

так как они исключительно умело выбраны, отличаются ясностью и простотой».

И тут же автор статьи отмечает н а р о д н о с т ь Гейневского стиля, народность, сложившуюся через глубокое изучение фольклорного искусства. Уже Фарнгаген в своей рецензии указывал на фольклорные истоки лирики Гейне, истоки, роднящие Гейне с Рюккертом и Уландом. Шм. пишет: «Во всех [стихотворениях Гейне] преобладает популярный тон, обыкновенно вызывающий насмешки у наших жеманных любителей вычуров, принимаемый ими за простоватость, — однако же в истинной своей простоте тон этот является достижением лишь очень больших поэтов. Со времен Бюргера мы не знаем ни одного немецкого поэта, которому бы столь же удалась эта задача, как господину Гейне. У Гете перед глазами была совершенно иная цель: он придал народной песне более литературно-условный колорит. К тому же, подобно другим современным поэтам, обрабатывающим фольклор, Гете заимствовал из старых народных песен сюжеты, обороты, целые строфы, и из этих лоскутков сшивались у него новые народные песни. Напротив того, заслуга Гейне состоит в том, что стихотворения, написанные им в духе народной песни, совершенно оригинальны как в отношении сюжета, так и в отношении поэтических оборотов». Иначе говоря, критик подчеркивал, насколько всерьез был озабочен Гейне народностью своего искусства в то время как для его предшественников народность их произведений была лишь стилизацией. Творческое («оригинальное») отношение Гейне к народно-поэтической традиции показывало, что традиция эта была для Гейне живой и действенной. Ревнители старины, охранявшие фольклорную традицию во всей ее неприкосновенности, — гейдельбергские романтики, — на деле свидетельствовали только свое неверие в живую силу этой традиции для нового времени, сколько бы они ни заверяли о своем благоговении перед народным творчеством.

Критика, последовавшая за первой книгой Гейне, особенно интересна и богата. Позднейшая критика в основных своих приговорах мало прибавила нового. Критика хотела поставить Гейне на желательную для нее дорогу — она поощряла реализм в той мере, в какой не разрушались «красота и религия». Шм. напутствовал Гейне некоторой угрозой: он в конце своей статьи предупреждал, что от Гейне зависит — сделается ли он одним из величайших поэтов Германии, станет ли он для своего отечества блуждающим огоньком, или хуже того: гигантским ядовитым деревом.

Чем дальше, тем сильнее развивались революционные элементы творчества Гейне, элементы правды о самом себе и правды об окружающем мире. И критика, стоявшая за «гармонию», все меньше поощряла у Гейне романтический анализ и реалистическое отрицание.

«Трагедии с интермеццо» подверглись подробному разбору Виллибальда Алексиса («Wiener Jahrbücher der Literatur», Bd.

XXXI, 1825 год, без подписи). При всем признании таланта Гейне, Алексис читает ему нотации по части хорошего вкуса и правил нравственности. Алексис чрезвычайно упорно требует от Гейне «примиряющих» разрешений и очень недоволен физиологичностью, откровенностью лирики «Интермеццо» — «гиперэротические стихотворения!» Образ возлюбленной в «Интермеццо» Алексис интерпретирует как образ вульгарный, хотя и вызывающе живописный. «Мы видим, что это — существо из мяса и костей, о душе и сердце которого тоже говорится между прочим; но ежели душа и тело вступят в конфликт, то выяснится, что интересуются здесь, собственно говоря, только телом. Поэт по временам настолько откровенен, что нимб исчезает и в возлюбленной его мы узнаем существо, чья благосклонность за умеренную плату доступна каждому. Так все эти изображенные здесь любовные отношения меньше говорят о духовном восторге, чем о плотских удовольствиях. Плотские партии здесь написаны столь живыми красками, что цех поэтов может только удивиться и спрашивать — откуда автор их заимствовал?» Эти рассуждения фальшивого спиритуалиста, шаржирующего любовную лирику Гейне, интересны тем, что они показывают, насколько даже те немногие «чувственные подробности», которые содержались в «Интермеццо», нарушали этическую норму немецкого клейнбюргерства: Виллибальд Алексис отнесся к ним крайне подозрительно и, чтоб обезвредить Гейне, преувеличил их до размеров нравственного бедствия. Более справедливо «Интермеццо» оценила французская критика: Жерар де-Нерваль, переведший «Интермеццо» на французский язык, хвалил в своем предисловии («Revue des deux mondes», 15 сентября 1848) пластический эллинистический стиль Гейне, называя Гейне императором Юлианом поэзии, восстановителем языческой гармонии. Индивидуализирующая манера Гейне, умение видеть свой предмет во всех его оттенках и подробностях нашли у Нерваля и признание и правильное объяснение — он говорит о противоречии у Гейне между объемом сюжета и интенсивностью его разработки. Сюжет «Интермеццо» — «очень обыкновенная материя, которой достало бы только на две страницы романа, и вот в руках Гейне этот сюжет преобразуется в удивительное поэтическое произведение, в своем развитии полное тонких нравственных оттенков. Человеческое сердце вибрирует в этих небольших стихотворениях, из которых самое длинное насчитывает три-четыре строфы». Дальше Нерваль, подобно предшествующей критике, говорит о способности Гейне через краткий символ, через мелкую подробность выразить значительную мысль и значительное чувство.

Когда появился цикл «Опять на родине», Карл Иммерман отнесся к нему сдержаннее, чем к первому сборнику Гейне. В своей статье («Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik», Берлин 1827) он попрежнему высоко ставит дарование Гейне — его способность «модулировать и варьировать» свои темы, создавать из собрания своих стихотворений «не мозаику взаимно уничтожающихся чувств и созерцаний», но «внутреннее единство, где все переходит

точные и тона и краски согласуются друг с другом». Однако же Immermana страшило одинокая позиция Гейне, его самостоятельность по отношению к общественно-литературным авторитетам и традициям. По этому поводу Immerman размышляет об искусстве миннезингеров, французских классиков времен Людовика, даже о классицизме Веймара, где обуздывалась инициатива поэта и где новшество подчинялось исторически сложившимся правилам и вкусам.

Былой друг Гейне, Жан-Батист Руссо, отозвался с порицанием о «Северном море» («Литературное приложение» к «*Rheinische Flora*», № 28, от 20 августа 1826). Он не одобрял ни оригинальности, ни иронии: «Каждый раз кривая рожа рядом с головой Мадонны!»

Один анонимный критик из журнала «*Gesellschaftler*» называл «Северное море» «колоссальной эпиграммой». Название это понравилось Гейне и было принято им.

Когда появилась «Книга песен», она не вызвала особого оживления в критике. По частям книга была разобрана уже раньше, обновленный же смысл, который получили отдельные циклы, собранные воедино, не был достаточно осознан и оценен. Как целое, «Книга песен» в немецком литературоведении так и осталась неизученной, хотя и критика и литературоведение всегда указывали на целостный ее замысел.

Юлиус Кампе заплатил автору «Книги песен» 50 луидоров и приобрел право неограниченного переиздания. Второе издание состоялось в 1837 году, третье — в 1839, четвертое — в 1841 и пятое — в 1844 году. При жизни Гейне «Книга песен» выдержала 43 изданий. Первое издание — 5000 экземпляров — расходилось в течение десяти лет, зато дальше популярность книги возрастала, и Кампе мог радоваться совершенной сделке.

Издание пятое — от 1844 года — последнее, исправленное самим Гейне. Его мы и кладем в основу нашего текста. Вещи, исключенные из пятого издания, мы даем как дополнение.

С течением времени «Книга песен» превратилась в единственное признаваемое буржуазной Германией произведение Гейне. Если немецкие филолисты протестовали в свое время даже против «Книги песен», то позднейший Гейне, с его политической сатирой, проповедью революции и социализма, был для них чудовищем. Когда филолисты восторжествовали в послемартовской Германии, из наследия Гейне они выбрали только «Книгу песен», казавшуюся им произведением относительно безобидным. Гейне делился у них на «еврейского» Гейне и на «немецкого». Немецкий Гейне написал «Книгу песен», еврейский — все остальное.

Положение Гейне и его «Книги песен» в немецкой литературе второй половины XIX века очень хорошо описал Вильгельм Бельше. «Немецкие литературоведы, — говорит Бельше, — литературную личность Гейне конструировали всегда простейшим образом: еврейство — это ствол, и от него идут три основных

ветви — антинемецкая сущность, отсутствие характера и фривольность. Конструкция эта давала возможность ясно и быстро разбираться в написанном Гейне, она была достойным руководством для читателя. Любой немецкий компендиум, старый или новый, за вычетом риторики сводится к тем же трем пунктам, но одно обстоятельство портило конструкцию: необычайная популярность в немецком народе «Книги песен». Бельше иронизирует над филистерской критикой: «Как раньше, так и теперь, и чем дальше, тем больше, немецкий народ наслаждается стихами этого антинемецкого, беспринципного, распущенного и погрязшего во всяческой вульгарности еврея. Тут-то и приходится историкам идти на уступки. Они делают воздушный прыжок, делают чудовищное допущение, которое может принять лишь публика, понятия не имеющая о психологии. Историки готовы согласиться, что у этого мерзавца Гейне бывали светлые минуты, и вот тогда-то он и был способен улавливать немецкий народный стиль. Хотя Гейне до самой своей сердцевины был чужд всему немецкому, хотя характера у него не было, хотя он и был существом вульгарным, тем не менее именно ему удалось написать самые нежные и чистые в немецкой поэзии стихотворения. Так замыкается цепь легенды. К трем тезисам обвинителей, сходящимся в едином «потому что» семитского происхождения, к этим трем тезисам прибавляется некое «несмотря на» — так получает объяснение эта неистребимая популярность Гейне» *.

Книга Бельше возникла в период подъема немецкого натурализма. Через девять лет француз Легра выпустил свою внимательную к вопросам поэтики, не лишенную тонкости, хотя в целом и поверхностную книгу «Henri Heine poète», 1897. До сих пор на Западе это лучшие работы о Гейне, во всяком случае, во всем, что касается поэзии Гейне и «Книги песен».

Немецкие натуралисты высоко ставили народность и реализм Гейне. Эстеты и символисты сотых годов пытались за счет «Книги песен» выдвинуть позднего Гейне, автора «Романцеров», — еще Ницше и Гонкуры подготовили интерпретацию позднего Гейне в духе «бодлеризма» (у нас этой интерпретации следовал Иннокентий Анненский).

Литературная политика Гитлера, как известно, рассчиталась с Гейне начисто. Немецкий М и х е л ь ворчал против «Книги песен», потом принял ее. Фашисты в своем отношении к Гейне, как и во всех других вопросах, не проявили никакой оригинальности. Классическое немецкое филистерство они возвели в культ, привив ему агрессивные страсти. Они заставили Михеля быть более радикальным в отношении к Гейне — отказать и от «Книги песен». «Лорелея» сейчас обращается в Германии как стихотворение «неизвестного поэта». Формула «несмотря на», о которой говорил Бельше, в фашистской Германии отпала.

* W. Bölsche, Heinrich Heine, Versuch einer ästhetisch-kritischen Analyse, Leipzig 1888.

Предисловие к третьему изданию

Стихи из предисловия впервые были напечатаны в 1839 году. Во французском издании (*«Poèmes et légendes»*, 1855) они были даны как «Прелюдия» к «Лирическому интермеццо».

СТРАДАНИЯ ЮНОСТИ

В основу этого отдела «Книги песен» Гейне положил свой первый стихотворный сборник 1822 года (см. выше). Каждое стихотворение в этом сборнике носило особое заглавие. В цикле «Сновидения»: 1 — «Посвящение», 2 — «Девушка-волшебница», 3 — «Поздравление», 4 — «Венчание», 5 — «Свадьба», 6 — «Борьба», 7 — «Брачная ночь», 8 — «Кладбище», 9 — «Бледная дева», 10 — «Пробуждение». В цикле «Песни»: 1 — «Ожидание», 2 — «Нетерпение», 3 — «Маленькое словцо «любовь»», 4 — «Мастер-плотник», 5 — «Будь здоров», 6 — «Отплытие», 7 — «На Рейне», 8 — «Карлу фон-У. в альбом», 9 — «Отзвуки». В «Книге песен» заглавия этих циклов были сняты — очевидно для того, чтобы подчеркнуть несамостоятельность каждого стихотворения, взятого отдельно, их связь друг с другом.

Сновидения

5. — Во французском переводе 1855 года это стихотворение кончалось так:

«Украдкой они отделяются от гостей и пробираются к выходу из залы; я хочу следовать за ними, но ноги мои как из мрамора — я окаменел от горя.

Я окаменел от горя. Все же я добрался до брачного покоя. Две старые женщины сидели там на корточках у дверей.

Одна из них была смерть, другая — безумие. К безгубому своему рту каждая из них приставила костлявый палец — я хрипел, я задыхался, и, наконец, я стал смеяться, и от собственного смеха я проснулся».

Романсы

3. Фабула стихотворения примыкает к сказанию о двух замках, — Либенштейн и Штеренберг, — находившихся на Рейне и носивших прозвание «братья». Этим сказанием воспользовался также английский писатель Бульвер в своих «Рейнских пилигримах».

6. Во французском издании («Два гренадера») сделана пометка: «написано в 1816». Ср. перекликающиеся мотивы в «Книге Ле-Гран». В пятой строфе появляются отголоски английской баллады «Эдвард, Эдвард», помещенной Гердером в его сборнике народных песен. В стихотворении сказывается тот некритиче-

ский культ Наполеона, которому предавался молодой Гейне. Более зрелый Гейне относился гораздо сдержаннее к «Наполеоновской легенде».

10. Фабула заимствована из книги Даниила, гл. 5. У Байрона в «Еврейских мелодиях» — «Видение Вальтасара».

16. Одно из наиболее ранних стихотворений Гейне — обращено, как указывает Максимилиан Гейне в своих воспоминаниях, к примадонне дюссельдорфской оперы, участвовавшей в одном благотворительном концерте. Примадонна бывала в доме родителей Гейне.

19. Обращено к князю Александру Витгенштейну, который учился вместе с Гейне в Боннском университете.

20. Обращено к романтическому литератору Генриху Штраубе.

Сонеты

1. Сонет Шлегелю печатался впервые в журнале «Gesellschaftler», 1821, № 77, вместе с двумя другими сонетами, посвященными ему же (см. у нас в Дополнениях), под общим названием «Венок сонетов». В Боннском университете, где А.-В. Шлегель был его профессором, Гейне находился под заметным влиянием этого бывшего вождя романтической школы. Сонеты свои Гейне напечатал в защиту А.-В. Шлегеля и сопроводил их следующим послесловием: «Статьи, помещенные в «Берлинском ежемесячнике философии и литературы», а затем частично перепечатанные в «Беседе» и в «Литературном приложении» к «Утреннему листку», эти статьи, в которых содержатся выпады против великого мастера, многим доставили душевное удовольствие, меня же заставили напечатать помещенные выше сонеты. Они возникли прошлым летом в Бонне, где я имел случай видеть высокочтимого мастера во всем блеске его превосходства и в полном обладании сил. И действительно, мастер нисколько не состарился духовно. Он не успокоился настолько, чтоб с удобствами расположиться на спине того слона, который подпирает мироздание. Мы оставляем открытым вопрос, прав или неправ автор резких статей, ревностно выступающий против политического смысла нынешних устремлений Шлегеля».

Однако же он не должен был забывать о той почтительности, в которой никак нельзя отказать реформатору литературы. Что касается изучения санскрита, то время само решит, полезно ли это изучение.

Португальцы, голландцы и англичане из года в год волокут домой на своих кораблях сокровища Индии, мы же, немцы, только смотрим на это издали. Но духовные сокровища Индии не должны ускользнуть от нас. Шлегель, Бопп, Гумбольдт, Франк и другие — это наши современные открыватели Ост-Индии, Бонн и Мюнхен станут достойными факториями.

В третьем сонете, посвященном Шлегелю (см. в Дополнениях сонет 2-й), Гейне восхваляет Шлегеля за космополитизм его

литературных интересов, в частности за его деятельность в области санскрита.

Шм., автор статьи о первом лирическом сборнике Гейне (см. выше), очевидно, имел в виду это выступление поэта, утверждая, что Гейне напрасно объявляет себя оруженосцем Авг. Шлегеля. Действительно, пути Гейне и Шлегеля разошлись. В «Романтической школе» к Авг. Шлегелю, литератору и политическому мыслителю, Гейне отнесся беспощадно.

С о н е т Г. Ш. адресуется к Генриху Штраубе. Первоначальное заглавие: «Г. Шт., после того как был прочитан его журнал, посвященный воскрешению старонемецкого искусства». — В 1818 году Генрих Штраубе вместе с Горнталем издавал журнал «Волшебная палочка» («Wünschelrute»), в котором участвовали Арндт, Брентано, Кёрнер, Шваб, братья Гримм и др. Гейне был обязан этому журналу многими своими сведениями по фольклору и средневековому искусству. Со Штраубе Гейне познакомился в 1820 году в Гёттингене.

Фреско-сонеты Христиану З. посвящены Христиану Зете, одному из лучших друзей Гейне, еще со времени Дюссельдорфа. К литературе Зете отношения не имел, он служил в прусской государственной службе, скончался в 1857 году.

ЛИРИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

В первом издании — «Трагедии с лирическим интермеццо», 1823 года — имелось посвящение в стихах Соломону Гейне.

В первом издании «Книги песен» перед «Лирическим интермеццо» стояли строки: «Соломон Гейне — снова прими эти страницы, как знак почтительности и симпатий автора». Со второго издания «Лирическое интермеццо» шло без всяких посвящений.

В первом издании «Книги песен» «Лирическое интермеццо» состояло из 66 стихотворений. Начиная со второго издания, стихотворение 37 (у нас в Дополнениях к «Лирическому интермеццо» стих. 4) исключалось.

До издания отдельной книги часть стихотворений из «Лирического интермеццо» печаталась в журналах: «Gesellschaftler» 1822, № 161 (9 окт.) — «Четырнадцать стихотворений Г. Гейне (написаны осенью)», альманах «Augota», 1823 — «Семнадцать стихотворений Г. Гейне (написаны зимою)».

Рукопись некоторых стихотворений «Интермеццо» была найдена в архиве Христиана Зете и использована Э. Эльстером в его особом издании «Книги песен».

П р о л о г появился как вступление к «Интермеццо» только в «Книге песен». До того, почти в том же виде печатался в трагедии «Альмансор» — сцена свадьбы, романс арфиста.

1. Впервые появилось в «Книге песен».

6. Виллибальд Алексис отзывался об этом стихотворении: «Это всего лишь жар чувственности, выраженной мелодически и прекрасными словами».

9. Карл Гессель * указывает источники этого стихотворения: в альманахе Генриха Штраубе «*Taschenbuch für Freunde altdeutscher Zeit und Kunst auf das Jahr 1816*» была помещена статья Гроте «*Картины времени*» с таким описанием Индии: «Тут предстали перед нами странные поляны, где живет вечная весна. Казалось, что здесь и растения, и животные, и звуки, и кристаллы, и лотосы, и души людские, и звезды блаженствуют в сестринском союзе, ласкают друг друга, целуются, в легких играх возносятся над землею, затем, чтобы сойтись друг с другом в бесконечной радости, и так, в вечном объятии, переселиться в далекие миры. На берегах Инда и Ганга цветущие эти виденья проносились мимо нас с их вечною весною, с их вечным весельем, окруженные звуками и благоуханием, — к блистающим божественным высям стремились они». См. еще стихотворение 42 в «*Интермеццо*».

11. Впервые напечатано в журнале «*Rheinisches Unterhaltungsblatt*», 1822, под названием «*Ангельский привет*. Из бумаг одного художника». Отнесение образа Мадонны к образу возлюбленной отсутствовало, стихотворение было выдержано в романтически-католических тонах.

Очевидно, Гейне имел в виду «*Благовещение*» как оно изображено Стефаном Лохнером на одной из сторон алтаря в Кельнском соборе. Мадонна здесь нарисована на фоне золотой занавеси, поддерживаемой ангелами.

17—19. Печатались в первом сборнике стихотворений под общим названием «*Новобрачная*»; в издании «*Трагедий*» отсутствуют.

33. Стихотворение это сразу же приобрело популярность. Виллибальд Алексис писал: «[критик] мог бы признаться: уже ради одного этого стихотворения он готов полюбить всю книгу. Образы обоих покинутых как-то бесконечно трогательны, хотя это и психологически верная черта, что крайности всегда родственны друг другу, что несчастье сближает».

Литературоведы более или менее удачно подыскивали источники и аналогии для этого стихотворения. Карпелес указывал еврейский источник — из книги Мидраш. Гессель приводит один штрих из статьи Карове в том же альманахе, откуда взято Гейне описание мистической Индии (см. комм. к ст. 9). Карове сравнивает средневековую поэзию с немецким дубом и с немецким букком. О букке он говорит: «Бук не так печален, как северные сосны и ели, и нет в нем мощи и великолепия кедров и пальм». Быть может, из этой характеристики и родилась основная антитеза стихотворения Гейне: *ein Fichtenbaum* — *eine Palme*. В этой антитезе реализуется значение грамматических категорий мужского и женского рода — «*ein Fichtenbaum*» сопоставляется как мужское существо с «*eine Palme*» — существом женским. Лермонтов перевел точно: «Сосна и пальма» — противопоставле-

* Karl Hessel. *Dichtungen von Heinrich Heine, ausgewählt und erläutert*, Bonn 1837, стр. 312.

ние мужского и женского в его переводе исчезло. Последующим переводчикам пришлось подбирать не те символы, которые были даны в тексте Гейне, для того чтобы «эротический» смысл антигетевы сохранился. Уже Тютчев переводил «Кедр и пальма» — кедр вместо Гейневской сосны.

Реализация грамматических категорий, оживляющая их более не воспринимаемое значение, — принцип поэтики романтиков, стремившейся к углублению смысла, заложенного в языке, к этимологизации, к восстановлению забытых метафор и т. д. Фридрих Крейцер, сочинения которого были известны Гейне, писал о языке как о потускневшей первобытной мифологии, — в частности в категориях рода он усматривал сексуальную характеристику вещей, живых для мифологического сознания и потому содержащих все признаки животной жизни.

Укажем еще одну любопытную параллель к теме Гейне, до сих пор в гейнеане не отмечавшуюся:

«А о растениях рассказывают ученики мудрецов, — я сказал бы, что они рассказывают сказку, если бы не передавали того же и дети земледельцев. Рассказывают же они вот что: одни растения любят другие, но особенно тягостной бывает любовь для финиковой пальмы; говорят, среди финиковых пальм одни — мужские, другие — женские. И вот мужская любит женскую, и если, по тому, как они посажены, женская пальма оказывается далеко, влюбленный сохнет. Но земледelec понимает горе дерева и, выйдя на такое место вблизи пальмы, откуда ее видно со всех сторон, смотрит, в какую сторону она склонилась: ведь склонилась она в сторону любимой; узнав это, он излечивает страдания пальмы: он берет черенок женской пальмы и прививает его к сердцу пальмы мужской. Этим он облегчает душу растения, и умирающее тело вновь оживает и воскресает, радуясь слиянию с любимой. И вот это-то и есть брак растений» *.

Нечто похожее писал итальянский гуманист Иовиан Понтанус, в 1505 г., о любви друг к другу мужских и женских финиковых пальм. На Понтануса указал Гюнтер в своей истории естествознания, а вслед за Гюнтером — Ионас Френкель, комментатор Гейне.

50. Виллибальд Алексис об этом стихотворении: «Разговор о любви за чайным столом, быть может, — самое пикантное во всем цикле — во всем, что непосредственно здесь изображено; стихотворение полно сарказма, и еще саркастичнее оно в том своем мыслимом продолжении, которое предоставлено восполняющей фантазии читателя. Необычные рифмы довершают необычный характер стихотворения».

60. Вместе со стихотворением 64 было напечатано в журнале «Gesellschaftler», 1822, № 20 (4 февр.), таким примечанием Гейне: «Со многих сторон указывалось мне, что в цикле «Сновидения» из

* Ахилл Татий Александрийский, Левкиппа и Клитос-фонт, перевод с греческого под ред. Б. Л. Богаевского, Москва 1925, стр. 46.

сборника моих стихов, изданных у Маурера, содержится пропуск, и рецензент отметил весьма благосклонно, что пропуск этот, вероятно, возник из-за слишком строгих принципов отбора. Если уж говорить о строгости отбора, то сам я хорошо знаю, что, к сожалению, это было не совсем так, и, напротив того, в собрание моих стихов попало изрядное количество вещей незрелых и не слишком пленительных. Так как это последнее обстоятельство из снисходительности было затушевано, то я считаю своим долгом по крайней мере восполнить отмеченный пропуск — этими двумя стихотворениями. Их следовало бы поместить между восьмой и девятой пьесой в цикле «Сновидения».

62. В подлиннике — *Armesünderblum* — «цветок бедных грешников», что Мей пробовал передать далеко не точно русским словом «Грешноцветник». Этот цветок связан с фольклорными поверьями и с соответствующими ассоциациями рисуется в народной песне. Как указал Карл Гессель, Гейне опирался здесь на собрание народных песен, изданное Мейнертом, «*Altdeutsche Volkslieder in der Mundart des köhländchens, herausgegeben von J. G. Meinert, 1817*». О «цветке бедных грешников» Мейнерт пояснял: «Трогательная история превращений этого цветка и его местное название основываются на старом обычае — самоубийц (род «бедных грешников») хоронят на перекрестке дорог, за чертой деревни».

65. В первой редакции, напечатанное в журнале «*Gesellschaftler*», 1822, № 16 (28 янв.), стихотворение называлось «Ночь под Новый год». Соответственно названию здесь хоронили не любовь, но минувший год.

Во французском издании стихотворение было озаглавлено «Эпилог».

ОПЯТЬ НА РОДИНЕ

В первом издании (включенный в «Путевые картины» т. I, 1826), этот цикл напутствовался посвящением Рахели Фарнгаген. Там же циклу предшествовал эпиграф из Иммермана — «Карденио и Целинда», акт I, явление 3. Большая часть стихотворений этого цикла была написана летом и осенью 1823 года, на берегу Северного моря и в Лüneбурге. В 1824 году в журнале «*Gesellschaftler*» (№ 42—52, 26—31 марта) были напечатаны: «Тридцать три стихотворения Г. Гейне» — часть цикла «Опять на родине», — некоторые из них в «Книгу песен» не вошли.

2. Легенда о Лорелее получила известность благодаря стихотворению Клеменса Брентано, вставленному им в роман «Годви» (1801—1802). После Брентано со стихотворением о Лорелее выступил граф Лебен — 1821. В хорошо известной ему книге Алоиза Шрейбера — справочнике для путешественников по Рейну («*Handbuch für Reisende am Rhein von Aloys Schreiber*», издание 2-е, 1818) Гейне мог прочесть:

«В старинные времена часто на скале Лурлей в вечерние сумерки и при лунном свете видели девушку, которая пела голосом столь прелестным, что все слушатели ее бывали заворожены. Многие, проплывавшие мимо, разбивались о подводные камни или погибали в водовороте, так как они уже больше не следили за ходом своего судна и небесный голос волшебной певицы как бы отторгал их от жизни».

Стихотворение Гейне превратилось в народную песню и вызвало множество подражаний.

11. См. письмо Гейне к Мозесу Мозеру от 23 августа 1823 года, содержащее описание переезда морем на Гельголанд (в нашем издании — т. XI, стр. 85).

15. Стихотворение, написанное в рамках одной народной песни в сборнике «Волшебный рог мальчика» Арнима и Брентано. — Народная песня начинается той же строкой, и первые две строфы у Гейне довольно близко примыкают к строфам этой песни.

35. «*Геката*» — журнал, который в 1823 году издавал Адольф Мюльнер.

38. Стихотворение первоначально называлось «К сестре» и было обращено к сестре Гейне, Шарлотте (в замужестве Эмбден). Стихотворение имело в первой редакции более домашний и автобиографический характер.

45. Мотив из «Рамаяны»: набожный отшельник Васишта владеет священной коровой, которая доставляет все блага земные. Царь Висвамित्रа пытается выпросить ее у Васишты. Затем он прибегает к силе, и все напрасно. Корова помогает Васиште в его борьбе с Висвамитрой.

65. Стихотворение адресовано одному из лучших друзей Гейне — Рудольфу Христиани, чьей «рифмованной фотографией», по словам Максимилиана Гейне, оно является. В ганноверской палате Христиани примыкал к либеральной партии. В своем завещании, написанном в 1851 году, Гейне указывал на Христиани как на будущего издателя своих сочинений. Этой задачи Христиани не успел выполнить — он умер в 1859 году.

66. Гейне долго колебался относительно общего тона этого стихотворения — то он вводил в него точные локальные имена, то исключал их, и только с 5-го издания «Книги песен» они прочно закрепились. Берлин и берлинцы в некоторых редакциях помечались знаком X. Дружок Эйген — польский граф Евгений Бреца, с которым Гейне был знаком в Берлине. Церковь Гедвиги — единственная католическая церковь в Берлине; именно в ней не следует искать католика Евгения Бреца.

88. Вначале это было стихотворение, написанное для Генриха Штраубе при посылке ему «Трагедий». По словам Гейне: первая строфа — это имитация стиля самого Штраубе.

Донна Клара по замыслу восходит к романсу, вставленному у де-Ла-Мотт-Фуке в рыцарский роман «Волшебное кольцо», часть I, гл. XIX (роман появился в 1813 году). У Фуке героиня романа тоже донна Клара, возлюбленный ее — дон Гайферос. Донна Клара удивляется, почему дон Гайферос избегает всяких упоминаний о христианской религии, почему он не выполняет предписаний культа. Романс Фуке ведется в форме диалога, и, как у Гейне, разгадка дается с запозданием. Дон Гайферос — мавританский король, и он зовет донну Клару к себе в Гренаду, в золотую Альхамбру, обещает разделить с нею престол. Он похищает донну Клару, которая возмущена его признанием, и только обморок не позволяет ей сопротивляться. Братья донны подстерегают похитителя и убивают его. Тут донна Клара должна открыться самой себе: она все же любит мавританского рыцаря, любит его более всего. Она плачет над его трупом, распустив золотые свои волосы.

Гейне в письме к Фуке от 10 июня 1823 года (см. в нашем издании т. XI, стр. 69) писал о впечатлении, оставшемся у него от романа о доне Гайферосе. Эти мотивы перешли и в оба «Альмансора» Гейне — и в романс и в трагедию.

В письме к Мозесу Мозеру — 5 или 6 ноября 1823 года (см. у нас т. XI, стр. 90) — Гейне сообщал, что романс «Донна Клара» — это только первая часть трилогии. Предполагался еще рассказ о сыне главного героя, который, не зная, что имеет дело с собственным отцом, издевается над ним. В третьей части тот же сын еврея и испанской донны становится доминиканцем и подвергает мукам инквизиции своих еврейских братьев.

На богомолье в Кевлар. Печатая это стихотворение в «Путевых картинах», Гейне дал к нему послесловие:

«Сюжет этого стихотворения не принадлежит мне целиком. Оно возникло из воспоминаний о моей Рейнской родине. Когда я был еще маленьким мальчиком и когда в Дюссельдорфе в монастыре францисканцев я впервые подвергался дрессировке, учась грамоте и уменью сидеть тихо, там очень часто соседом моим оказывался другой мальчик, и мальчик этот мне рассказывал: однажды мать взяла его с собою в Кевлар (ударение находится на первом слоге, сам же Кевлар находится в Гельдернской округе); и в Кевларе она принесла за него в дар восковую ногу, и больная нога, таким образом, у него выздоровела. С этим мальчиком я впоследствии снова встречался в старшем классе гимназии, и когда на лекциях ректора Шальмейера по философии мы очутились рядом, он напомнил мне, смеясь, о чуде, о котором прежде мне рассказывал, но затем он прибавил довольно серьезно — сейчас бы он принес богородице в дар восковое сердце. Позднее я услышал, что тогда он страдал от какой-то несчастной любовной истории. Затем я потерял его из виду и забыл о нем.

В 1819 г. я учился в Бонне, и однажды я прогуливался по берегу Рейна, в местах около Годесберга, — тут до меня донеслись звуки знакомых мне кевларских песен, из которых лучшая

сопровождается протяжным припевом: «Мария, господь с тобой». Как только пропесня приблизилась, среди богомольцев я заметил моего школьного товарища со старухой-матерью. Мать вела его. Он же выглядел бледным и больным.

Эту заметку я не должен отрывать от стихотворения, потому что они одновременно возникли, уже однажды были напечатаны вместе и, таким образом, как бы срослись друг с другом. Я ни-сколько не хотел бы наметать на какие-либо свои пристрастия, как и не хотел бы, чтобы предыдущее стихотворение * выражало какое-либо отрицательное чувство. Это стихотворение, озаглавленное «Альмансор», в романе, откуда оно заимствовано, сочиняет и поет мавр, мятежно настроенный последователь Ислама. «И действительно, — так говорит один английский писатель, — подобно богу, творцу миров, поэт, этот творец, являющийся поэже, бесстрастно возвышается над всеми сектантскими пред-рассудками этой земли».

Эта приписка показывает, что Гейне опасался, как бы его стихотворение не было принято за романтическую хвалу католической церкви и деве Марии. На правильном пути находится интерпретация, которую дает В. Бельше в своей книге о Гейне. Бельше говорит о том, что религиозная точка зрения у Гейне дается как нечто присущее только самим героям стихотворения; как объективная истина, как реальный подход к самой действительности она снимается в двусмысленной элегической иронии эпизода.

«Дело шло о самой трудной для современной поэзии задаче — дело шло о том, чтобы сохранить для поэзии нежное обаяние религиозности и в то же время остаться на реальной почве рас-судочно понимаемой действительности». «Нужно было найти такое решение, которое, трактуя то же самое событие, соответ-ствовало бы и набожности матери и сына и удовлетворяло бы свободного мыслителя из среды читателей. И вот — как в «Гамлете», как в трагедии Гретхен из «Фауста», это решение дает смерть. С рационалистической точки зрения в смерти больного сына дана развязка его любовных страданий; но в то же время для верующих матери и сына смерть является как помощь со стороны девы Марии. Наивная вера и сила судьбы, управляющая миром, покрывают друг друга». Таким образом, наивная вера только в о с п р о з в о д и т с я у Гейне, но в целом автор не разделяет ее и оценивает ее с отнюдь не наивных позиций. Народные герои у Гейне, собственно говоря, обмануты Марией, обмануты своей верой. Но положение их настолько безнадежно, что обман они считают помощью и счастьем. Религиозная роман-тика поворачивается у Гейне так, что все его стихотворение является элегией поэта-демократа — он иронически относится к народным заблуждениям, но тронут народным несчастьем, которое оправдывает эти заблуждения.

* В «Путевых картинах», как и в «Книге песен», перед «Богомольем» стоял романс «Альмансор».

СЕВЕРНОЕ МОРЕ

В первом своем издании первый цикл «Северного моря» (печатался в «Путевых картинах», см. выше) предварялся эпиграфом из Гете: «Быть бескорыстным во всем, особенно же в дружбе и любви, составляло для меня высшую радость, являлось для меня правилом, определяло мое поведение, и, таким образом, это более позднее, дерзкое изречение — «Если я тебя люблю, то какое тебе дело до этого?» — это изречение было взято из самой глубины моей души» («Поэзия и правда», книга 14).

Перед вторым циклом, впервые появившимся во II томе «Путевых картин» (см. выше), вместо эпиграфа давалось указание — «Ксенофонт, «Анабазис», IV, 7». В первом издании «Книги песен» эпиграфы перед цитатами «Северного моря» были удалены, но появилось посвящение Фридриху Мериелю, тоже в последующих изданиях удаленное.

Цикл первый

5. О чтении Гомера Гейне сообщает в письмах к Христиани от 14 октября 1825 года и к Фр. Меркелю от 16 августа 1826 года.

10. Сказание о потонувшем городе составляло фабулу стихотворения Вильгельма Мюллера «Винета» — оно появилось в 1827 году.

Концовка этой пьесы у Гейне примыкает к эпизоду из повести Э.-Т.-А. Гофмана «Золотой горшок», вторая вигилия. Студент Ансельм, фантаст, влюбленный в золотых змеек, которые ему привиделись под бузиною, переплывает на лодке через Эльбу. «Студент Ансельм сидел углубленный в себя около гребца; но когда он увидел в воде отражение летавших в воздухе искр и огней, ему почудилось, что это золотые змейки пробегают по реке. Все странное, что он видел под бузиною, снова ожило в его чувствах и мыслях, и снова овладело им неотразимое томление, пламенное желание, которое так потрясло его грудь в судорожно-скорбном восторге. «Ах, если бы это были вы, золотые змейки, ах! пойте же, пойте! В вашем пении снова явятся для меня синие прелестные глаза, — ах, не здесь ли вы под волнами?» Так восклицал студент Ансельм и сделал при этом сильное движение, как будто хотел броситься из лодки в воду. «Сударь, в своем ли вы уме!» — закричал гребец и поймал его за борт фрака».

12. Окончание этой пьесы, напечатанное в «Путевых картинах», в «Книге песен» у Гейне опускалось; мы считаем это окончание столь органической частью пьесы, что отступаем от нашего общего принципа — в данном случае мы не следуем канону 5-го издания «Книги песен» и даем это окончание в основном тексте.

Цикл второй

1. «Талатта, Талатта!» (Море, Море!) закричали, по рассказу Ксенофонта, обрадованные греки, когда они завидели Черное море. Десятитысячное войско греков возвращалось на родину из персидского похода. Ксенофонт, принимавший участие в этом походе, описал его в своем «Анабазисе». Эпизод, который имеет в виду Гейне, рассказан в 4-й книге «Анабазиса», глава 7.

2. *Белые кони-валы* — метафора, по которой морские волны приравниваются к коням, опирается на греческую мифологию: по греческому сказанию, волны рождены от трех тысяч кобыл короля Эрихтона, их отец — *Борей*, северный ветер. *Кастор* и *Поллукс* (Полидевк) — близнецы-полубоги, к ним обращались в беде моряки. У Гейне подразумевается созвездие близнецов. Для последних строк стихотворения см. параллель у Гомера — «Коней смиритель Кастор и боец Полидевк многосильный» («Одиссея», XI, 330).

4. *Крулая ты потаскушка вселенной* — см. по поводу этого стиха письмо Гейне к Меркелю от 1 января 1827 года — Гейне пишет, что ни за что не откажется от этого «плебейского бранного слова», так как именно оно вызывает трагическое сострадание к прекрасной солнечной богине.

6. По поводу обращения к *Юноне надменной* и стихов *И никогда твоя мсть не достигнет Богом оплодотворенную деву* — см. письмо Гейне к Меркелю от 1 января 1827 года: «Можешь заменить «забеременевшую от бога» — «богом оплодотворенную». В общем, все это относится к царской дочери, которую Юнона непрестанно преследует, после того как та забеременела от Юпитера, — точно так же Юнона преследует и Геракла, тоже рожденного богом, свершителя двенадцати чудесных подвигов».

8. Стихотворение «Ф е н и к с» в издании «Путевых картин» было разбито на две пьесы: первая часть его и называлась «Феникс», вторая — «Эхо». К «Эхо» примыкала «Морская болезнь», не вошедшая в «Книгу песен».

9. *Неприметные с виду, в дубовых камзолах*. «Дубовые камзолы» заимствованы из застольной песни, помещенной в сборнике «Волшебный рог мальчика».

Концовка — выпад против философской системы Гегеля, против философии «Абсолютного духа».

ДОПОЛНЕНИЯ К «КНИГЕ ПЕСЕН»

К «Страданиям юности»

Здесь мы помещаем стихотворения, вошедшие в первый стихотворный сборник Гейне (1822 год) и не включенные поэтом в издания «Книги песен».

Сонеты

Венок сонетов А.-В. Шлегелю. См. выше комментарий к основному циклу «Страданий юности».

Второй сонет перекликается со стихотворением А.-В. Шлегеля — см. собрание сочинений А.-В. Шлегеля в изд. Бекинга «A.-W. Schlegels werke, hg. von Ed. Böcking», том III, вступительные стихи: «Поэт о самом себе». Здесь А.-В. Шлегель говорит о том, что он космополит в искусстве и в поэзии, что он равно отзывчив был к Шекспиру и к древней Индии. В универсальности своих тенденций А.-В. Шлегель видит главную свою заслугу.

Гофрату Георгу С. — Георгу Сарториусу, профессору истории в Геттингене, — см. о нем в «Путешествии по Гарцу».

Ж.-Б.Р. — Жан-Батисту Руссо, приятелю Гейне по Боннскому университету. Гейне принимал участие в альманахах и в других изданиях, предпринимавшихся Руссо.

Фреско-сонет Христиану З. — Христиану Зете.

Ночь на Драхенфельзе — Фритцу фон-Бейгему, товарищу по Боннскому университету.

Фрицу Шт. в альбом — Фрицу Штейнману, тоже товарищу по Боннскому университету.

Францу фон-Ц. Францу фон-Цуккальмально, товарищу Гейне по лицу в Дюссельдорфе.

К «Лирическому интермеццо»

Все эти стихотворения входили в сборник «Трагедии с лирическим интермеццо»; из них только 4-е перешло в 1-е издание «Книги песен» — там оно помещалось как 3-я пьеса «Лирического интермеццо».

К циклу «Опять на родине»

Стихи, входившие только в 1-е издание «Путевых картин», и стихи, появившиеся только во 2-м издании «Путевых картин», но в «Книгу песен» не включавшиеся.

1. Печаталось во 2-м издании «Путевых картин» как № 10 цикла «Опять на родине».

2. Печаталось во 2-м издании «Путевых картин» как № 11.

3. Печаталось в 1-м издании «Путевых картин» как № 62.

4. Печаталось во 2-м издании «Путевых картин» как № 65.

5 и 6. Печатались в 1-м издании «Путевых картин» под №№ 70 и 72.

7. Печаталось во 2-м издании «Путевых картин» как № 73.

8—10. Печатались в 1-м издании «Путевых картин» как №№ 76, 77 и 84.

К «Путешествию по Гарцу»

Грезы старые, проснитесь печаталось только в 1-м издании «Путевых картин».

К «Северному морю»

Морская болезнь печаталась в «Северном море» — 10-я пьеса второго цикла, только в изданиях «Путевых картин». В «Книге песен» второй цикл «Северного моря» печатался без «Морской болезни».

ТРАГЕДИИ

ВИЛЬЯМ РАТКЛИФ

Трагедия эта написана Гейне в Берлине в январе 1822 года, в течение трех дней.

Трагедия примыкает к жанру «драм судьбы», очень распространенному в школе романтиков: Клейст — «Семейство Шроффенштейн», Захария Вернер — «24 февраля», Грильпарцер — «Праматерь» и др.

В частности драма Захарии Вернера непосредственно отражается в некоторых побочных мотивах «Ратклифа». Лейтмотив Маргариты — шотландская баллада «Эдвард, Эдвард»^{*} — служит так же лейтмотивом у Вернера в его драме «24 февраля». С другой стороны, в «Ратклифе» сильно влияние английской литературы — Байрон и в особенности Вальтер Скотт.

Сама «драма судьбы» была не чем иным, как переводом на язык театра принципов и мотивов так называемого «готического черного романа», тоже имевшего своих классических представителей в английской литературе (Анна Ратклиф, Льюис, Матюрен).

То, что Гейне переносит в Британию место действия, обусловлено не одними лишь его литературными привязанностями. «Ратклиф» у Гейне трагедия современной цивилизации — и вот Англия в этом смысле представлялась Гейне страной наиболее типичной, страной наиболее развитого социального неравенства, резких контрастов богатства и нищеты, уродливых крикливых форм городской жизни и т. д. (см. диалог между Дугласом и Мак-Грегором в сцене I, см. сцены с разбойниками). Гейне не первый выразил «диссонансы» буржуазной цивилизации как «драму судьбы», как трагедию фатального разрушения индивидуальной жизни, гармонической любви — собственно, к этому содержанию сводились все классические образы как «драматургии судьбы», так и «черного романа», у того же Вернера, у Матюрена, у Льюиса, наконец у Э.-Т.-А. Гофмана, лучшего немецкого мастера «готики».

¹ См. перевод у А. К. Толстого: «Чьей кровию меч ты свой так обогрил, Эдвард, Эдвард?»

В этом смысле «Ратклиф» произведение вполне традиционное. В позднем предисловии от 1851 года (см. в Приложении II) Гейне подчеркивает социальную проблему как завязку всей трагедии «Ратклифа», и при этом ничего не прибавляет к своему юношескому произведению, — социальная проблема, действительно, уже содержалась в этой «драме судьбы», написанной политически неопытным поэтом, еще представлявшим себе противоречия буржуазного мира в грандиозных, но смутных романтических символах.

В драме Гейне Лондон с его цивилизацией надвигается на девственную, патриархальную Шотландию.

Старинная семья Мак-Грегора разрушена женихами Марии, людьми, воспитанными драматической и гибельной современностью.

Этот поединок Лондон — Шотландия неоднократно изображается в романах Вальтер Скотта («Веверлей», «Роб-Рой» и др.), и Гейне был особенно близко задет темой Вальтер Скотта. Сама Германия, с ее отсталостью и патриархальностью, представлялась своего рода Шотландией среди народов Европы, ей тоже предстояло испытать все подъемы и падения общеевропейской буржуазной цивилизации. Цивилизацию эту Гейне в свой ранний период склонен, как и большинство романтиков, толковать односторонне трагически, как коллизию без выхода и предопределенную в веках. Отсюда удвоение мотивов в драме: гибель Ратклифа-отца и матери Марии, предвещающая гибель Ратклифа-младшего и самой Марии. Трагедия наследственна, «диссонанс» заложен в самую природу мироздания, и никаким живым силам не уйти от него.

Современная Гейне критика не проявила достаточной чуткости к содержанию «Ратклифа». Так, Виллибальд Алексис в своей уже неоднократно цитировавшейся у нас статье чрезвычайно удивлялся мотиву наследственной гибели. Он писал: к мотиву наследственной вражды мы привыкли, но мотив наследственной трагической любви непонятен, — непонятен был для Алексиса социальный пессимизм молодого Гейне. Зато Алексис понимал, какие действительные отношения уловлены в «Ратклифе». «На сцене вальтер-скоттовские горные местности, и нет недостатка в страхах, внушаемых этими туманными декорациями. Драма разыгрывается в новейшее время — в нее заглядывают английские радикалы, и человек с большой дороги играет в ней главную роль».

Хвалил Алексис и реалистические детали, «истинно вальтер-скоттовский» жанризм, умелую рисовку жанровых фигур.

Гейне очень любил своего «Ратклифа», справедливо считая, что в этой драме дается один из ключей к его творчеству. До конца своих дней Гейне добивался постановки «Ратклифа» на сцене, но усилия эти ни к чему не приводили.

Однако «Ратклифу» посчастливилось на оперной сцене.

Одна за другой, с конца прошлого века, следовали оперы, написанные на текст «Ратклифа». В 1895 году Масканьи поставил

своего «Ратклифа» в Милане, оттуда он перешел на немецкую сцену. Чешский композитор Вавжинец в том же 1895 году дебютировал в Праге с «Ратклифом» собственного сочинения. Наконец, в 1909 году в Веймаре была поставлена опера «Ратклиф» Корнелиуса Доппер.

Все эти музыкальные опыты опередил у нас в России Цезарь Кюи — его «Ратклиф», создававшийся в промежутке между 1861—1869 годами, 14 февраля 1869 года был дан премьерой с участием известных певцов Мельникова и Леоновой. Но опера Кюи выдержала всего восемь представлений, с большим успехом она шла уже в 1900 году в Москве, на сцене Частной оперы.

Премьера Кюи вызвала довольно большую литературу. Для нас она интересна тем, что в новой исторической обстановке юношеская трагедия Гейне была заново подвергнута разбору и оценке. А. Н. Серов * называл текст Гейне «галиматшью и пародией» — символика «драмы судьбы» уже не воспринималась как прежде.

Немецкие литературоведы отнеслись к «Ратклифу» незаслуженно пренебрежительно. Более подробно на нем останавливается Ф. Мельхиор, чья книга о Гейне и Байроне нами уже называлась. Любопытны соображения Мельхиора о связи между фабулой Ратклифа и «байроновской легендой». Мельхиор устанавливает аналогии между фактами биографии Байрона, уже тогда известными в Европе, и подробностями судьбы Ратклифа. В 1803 году юный Байрон, школьник из Харроу, гостит в Анслейском замке — здесь он влюбляется в Марию Чауорт; семейные традиции отделяют его от Марии — один из его предков убил деда Марии Чауорт, соседа по имению. Сравните у Гейне: Ратклиф, эдинбургский студент, гостит в имении Мак-Грегора, с которым отец Ратклифа находился в кровной вражде. Ратклиф влюбляется в дочь Мак-Грегора Марию.

Пути развязки: Байрон разочарован в любви Марии Чауорт, она дразнит его, смеется над его хромотой. Он оставляет ее и старается в буйных похождениях забыть о ней. Сравните у Гейне отношения Ратклифа и Марии, после того как Ратклиф сделал признание. Черты байроновской биографии в мятежном герое трагедии Гейне делают тип этого героя еще более значительным.

213. *Воксхолл* — увеселительный сад в Лондоне.

— *Дрюрилен и Ковенгарден* — названия театров.

224. *Ботани-Бей* — колония для преступников в бухте близ Нового Южного Уэльса.

226. *Святой Павел* — лондонский собор.

229. *Фараон* — карточная игра.

* См. А. Н. Серов, Критические статьи, т. IV.

АЛЬМАНСОР

«Альмансор» в большей своей части был написан в Бонне, летом 1820 года. В 1821 году «Альмансор» был закончен. До напечатания отдельной книгой вместе с «Ратклифом» и «Интермеццо» в отрывках «Альмансор» появился в журнале «Gesellschaftler» в ноябре 1821 года.

Сценическая судьба «Альмансора» была плачевной. 20 августа 1823 года «Альмансор» был показан на брауншвейгской сцене. Несмотря на доброе отношение к пьесе со стороны дирекции (директором театра был известный Клингеман), постановка пьесы была неудачной. Пьеса была освистана, актеры едва доиграли ее.

Пьеса нуждается прежде всего в исторических пояснениях. В середине пьесы выступает хор с подробной речью на тему истории мавров в Испании. К этому эпизоду пьесы мы должны прежде всего обратиться.

В царствование короля вестготов Родриго в Испанию вторглись мавры из Северной Африки. Полководцем мавров был Тарик — в битве 19 июля 711 года он разбил вестготского короля наголову и навсегда лишил вестготов власти над Испанией. В 713 году завоевание Испании маврами было довершено.

Позднее — с 758 года — маврское государство становится независимым от арабских калифов. Когда Аббасиды свергли с престола Омаядов и династия калифов переменялась, один из Омаядов, Абдеррахман, бежал в Испанию. Здесь ему удалось установить свою власть, и как эмир Испании он больше не подчинялся арабским государям, сидевшим в Дамаске.

С XI века государство испанских мавров расчленяется на множество самостоятельных мусульманских республик и королевств. В политическом отношении оно приходит в упадок. Уцелевшие в Испании христианские государства вступают в борьбу с маврами, и борьба эта с течением времени ведется все успешнее для христиан. После 1248 года в руках мавров остается только Гренада. Но испанцы отвоевывают и Гренаду — это отвоевывание Испании испанцами вошло в историю под именем «реконкисты». В 1492 году Гренада была взята католическим королем Фердинандом Арагонским и Изабеллой Кастильской.

Победители установили террор для побежденных. Была впервые создана инквизиция (1480), инквизиционный трибунал в Севилье. Инквизиция была сначала направлена против евреев, затем против мавров, затем против всех неугодных монархии. Одной из важнейших целей инквизиции было пополнение королевской казны за счет осужденных. Руководил инквизицией Торквемада, по смерти его — кардинал Хименес.

Были сделаны первые серьезные шаги к созданию сильной абсолютной монархии в Испании.

Пьеса Гейне насыщена событиями, связанными с историей падения Гренады и со всей историей испанских мавров — от Тарика до последних дней «реконкисты».

Романтики очень часто обращались к истории «борьбы креста с полумесяцем»: об этой борьбе как об основном содержании средневековья говорил А. Шлегель в своих лекциях, она намечена как важная тема в «Офтердингене» Новалиса, она исчерпывает фабулу грандиозной драмы Л. Тика «Император Октавиан».

Пьеса Гейне была встречена крайне недружелюбно: тема у него была общеромантическая, но разрешалась она полемически по отношению к типовым тенденциям романтиков. Пьеса Гейне уклонялась от прославления «креста», в лучшем случае ставила на одну доску христиан с нехристианами, уравнивала «младшие народы» с господствующими народами: в испанских маврах Гейне видел прежде всего угнетенную и гонимую нацию.

Гейне в своей пьесе хотел дать образец объединения романтического содержания с классической формой. Он называл своими учителями Расина, автора «Федры», и Вольтера, автора «Заиры». Виллибальд Алексис в своем отзыве тоже вспоминал о «Заире» и «Натане Мудром» Лессинга.

Гейне возвращался к классикам-просветителям, к «Заире» и «Натану» не только для обновления поэтики — его толкование национальных и религиозных вопросов во многом восходит к Лессингу и Вольтеру, к идеям веротерпимости и братства народов, к идеям, опрокинутым националистическими течениями романтизма. Современная критика заподозрила у Гейне «заднюю мысль». Тот же Виллибальд Алексис, чья статья вызвала у Гейне глубокое возмущение, писал по поводу «Альмансора»: «В основе этой поэмы лежит полемика», и не объясняется ли все это тем, что «насколько мы знаем, господин Гейне не принадлежит к христианскому вероисповеданию»... «Можно было бы в маврах-выкрестах (из «Альмансора») видеть других выкрестов, и в сцене блестящего пира увидеть праздник, устроенный современным банкиром, который очень заботится, как бы отогнать у гостей все воспоминания о прошлом, покамест подают жаркое из свинины».

После Алексиса немецкие литературоведы неизменно повторяли, что мавры «Альмансора» — это только «переодетые евреи» (см., напр., Эльстера). Пьесу Гейне они считали специально еврейским памфлетом, написанным против христианства и христиан.

Конечно, в «Альмансоре» присутствуют еврейские мотивы. В немецкой литературе 20-х годов сложилась традиция писать восточные пьесы с применением к современному еврейству. О пьесе Михаэля Бера «Пария», шедшей в Берлине в 1823 году, сам Гейне говорил, что это пьеса не об индусах, но о евреях. Еврейская тема дублирует в «Альмансоре» тему мавров хотя бы даже чисто исторически: судьба евреев в Испании была теснейшим образом связана с судьбою мавров, и после падения Гренады до того богатое и граждански равноправное еврейство подверглось со стороны католических королей преследованиям и уничтожению. Поэтому до известной степени мавры могли в пьесе Гейне заменять евреев, изображать еврейскую участь и выражать еврейский протест.

По всей видимости, для замысла пьесы Гейне еврейские мотивы были очень важны, и они-то его толкнули на тему о мав-

рах в Испании. Но в развитии самой пьесы ограниченные национальные интересы и мотивы исчезают, тонут в более богатом и общезначимом ее содержании. Напрасны были старания фашистов и их предшественников выбросить Гейне из немецкой литературы — попытки, которым по-своему вторят еврейские буржуазно-националистические литераторы, выводящие из «духа еврейства» все творчество Гейне целиком и полностью. Даже в «Альмансоре», в этой своей ранней «восточной трагедии», Гейне выступает как поэт демократической Германии и как поэт европейский, чуждый какой бы то ни было националистической узости.

В пьесе Гейне мотивы национальные и религиозные теряют метафизичность вопросов «веры и крови», как понимали эти мотивы судившие Гейне критики. Они получают у него конкретно-политическую ориентацию и не выступают на сцену как отвлеченные голые первопричины.

В «Альмансоре» центр тяжести переносится на исторические коллизии гораздо более общего значения. Недаром «Альмансор» в книге Гейне, изданной в 1823 году, перекликается с «Ратклифом». Как в «Ратклифе» изображается разрушение Шотландии, так и здесь, в «Альмансоре», смысловой, идейный вес переносится на инквизицию, на испанское государство, на режим национальной централизации: конец «реконкисты» есть начало нового времени, введение в царство буржуазии, в царство крупной собственности, единообразия жизненных отношений, разгрома областничества, «местных элементов», живописных национальных культур, местных национальных свобод. Испанцы покоряют Гренаду как централизаторы, как строители абсолютистского государства.

Защита областничества, местных культур и местного развития не всегда носила у романтиков реакционный характер. Для Германии 20-х годов болезненным вопросом была политическая гегемония Пруссии над немецкими областями, часто отличающимися гораздо более демократическим строем, чем государство Гогенцоллернов. Напомним хотя бы о цветущей Рейнской области, родине Гейне, которую Венский конгресс отдал под прусский кнут.

В исторической Испании, изображенной Гейне страной огромного изобилия и огромной потенциальной гражданской свободы, Гейне почуял тот местный дух, дух свободной мелкой собственности, местного развития, который на протяжении веков препятствовал созданию в Испании централизованного государства попов, солдат и торговцев. В «Альмансоре» испанская цивилизация несет с собою пытки, плутовство, оскудение нравов, злобу и насилие — недаром из «наторжного», плутовского романа заимствован типаж жениха Зулеймы дон Энрике.

А. Шлегель, взгляды которого были Гейне хорошо известны, говорит о христианстве и магометанстве: их противоположность в том, что христианство — это идеализм, магометанство — реализм (магометанский фатализм, многоженство и т. д.) *.

* A.-W. Schlegel, Vorlesungen über schöne Litteratur und Kunst, т. III, стр. 91, изд. Minor'a.

Мусульманство изображено у Гейне именно как «реализм». Мавританская Испания, Испания, какой она была до победы католических королей, изображается у Гейне как страна цветущая, культивирующая прекрасную чувственность, материальную свободу и искусство. В этом лишний аргумент против утверждения, что мавры у Гейне псевдоним еврейства. Гейне всегда рассматривал иудаизм как мрачную аскезу.

«Магометов рай» если и является у Гейне псевдонимом, то это псевдоним для свободного народного строя, который предпоставлял режиму феодально-буржуазного угнетения. Христианство у Гейне тоже ориентировано социально-исторически. Это либо спиритуалистическая ложь и лицемерие (инквизиторы, плуты и дельцы вроде дона Энрике с его товарищем), либо прибежище для слабых и гонимых — «любовь», которая хотя и побеждает, но «истекает кровью», как объясняет Зулейма Альмансору. Христианство — идеология общества, построенного на неправде, и оно недоступно здоровой, нормальной душе человеческой. Ср. тот же диалог между Зулеймой и Альмансором со словом «любовь», которое обе стороны понимают по-разному: христианка Зулейма — метафизически, неиспорченный Альмансор — чувственно, как реалист и носитель здоровой человеческой нормы.

Возвращаемся к партии хора. В конце этой партии появляются загадочные слова о Риго и Кироге.

Комментаторы считают это упоминание современных деятелей в исторической пьесе непонятным художническим капризом Гейне. О Риго Эльстер разъяснил, что это авантюрист, захвативший на короткий срок власть в Испании и повешенный в 1823 году. Гейне этот Риго почему-то понадобился.

На деле восстание Риго и Кирога, поднятое в 1820 году, было выдающимся событием в жизни Европы, вступившей после Венского конгресса в полосу упадка революционного движения, — это был один из первых признаков новой борьбы. Риго и Кирога выступили как продолжатели испанской народной революции эпохи наполеоновских войн, они боролись за «фуэросы», за старые вольности, за демократический порядок. В 1823 году Священный союз раздавил восстание Риго.

У Гейне старик Али видит прекрасный сон, насилие рушится, гремит оружие, и произносятся имена: «Кирога и Риго». Значит, вот в чем находил Гейне разрешение коллизий своей пьесы — в народной революции, а не в религиозной контраверзе и не в дискуссии о расах. Заодно подтверждается наш анализ истинного и основного содержания этой коллизии — коллизии между свободным народом и властью, направленной против этого народа. Вопросы нации, вероисповеданий и пр. и пр. сюда только включаются. Если Гейне и начинал с этих вопросов как таковых, то пришел он к совершенно новой их постановке.

В «Альмансоре» уже предчувствуется будущий Гейне — пропагандист «эмансипации плоти» («магометанский рай»), атеист, «язычник» и сторонник народного освобождения.

**ХРОНОЛОГИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ
ИЗ «КНИГИ ПЕСЕН»
И ДОПОЛНЕНИЙ К НЕЙ**

1816

«Зловещий грезился мне сон...»	Дон Рамиро.
«В глухую ночь, в блаженном сне...»	Любовный привет.
«Я выплатил выкуп, чего же ты ждешь?..»	Томление.
«Покинув в полночь госпожу...»	Белый цветок.
	Посвящение (Романсы).
	Францу ф.-Ц.
	Урок.

1817

«Утром я встаю, гадаю...»	«Положи мне руку на сердце,
«Покоя нет и нигде не найти!..»	друг...»

1819

«Забылись муки в тишине...»	Певице, певшей старинный романс.
«Вот вызвал я силою слова...»	Любовная жалоба.
«Колыбель моей печали...»	Чаяние.
«Подожди, моряк суровый...»	Ночь на Драхенфельзе.
«Гор и замков вереницы...»	Сон и жизнь.
«Сник сперва я в тайной дрожи...»	К ней.
«О, пусть бы розы и кипарис...»	«Звезды в небе, протяните...»
Гренадеры.	

1820

Унылый.	Похищение.
Горный голос.	Валтасар.
Два брата.	Миннезингеры.
Бедный Петер (1—III).	Под окном.
Песня узника.	Раненый рыцарь.
Гонец.	Отплытие.

Песенка о раскаянье.
Песня о червонцах.
Разговор на Падерборнском
лугу.
Напутствие (в альбом).
Поистине.

А.-В. Шлегелю.
Моей матери Б. Гейне (I—II).
Г. Ш.
Венок сонетов А.-В. Шлегелю
(I—II).
Фрицу Шт. в альбом.

1821

«Мне снился пыл томлений и
измен...»
«Манжеты, бант, нарядный чер-
ный фрак...»
«Спесив, надут, торжественен
и важен...»
«Вся кровь взметнулася во
мне...»
«Бродил я под тенью дере-
вьев...»
Фреско-сонеты (I—IX).
Пролог («Лирическому интер-
меццо»)
«Как из пены воссиявшая...»

«Я не ропщу — пусть сердце
и в огне...»
«Да, ты несчастна, и мой гнев
угас...»
«Когда б цветы узнали...»
«Гигантский снился мне чер-
тог...»
«Мне мгла сомкнула очи...»
«Былые злые песни...»
Серенада мавра.
Ж.-Б. Р.
Фреско-сонет Христиану З.
«К устам моим устами...»
«Не верую я в небо...»
«Мне мысль не дает покою...»

1822

«Из слез моих расцветает...»
«Голубка и роза, заря и ли-
лея...»
«Когда гляжу тебе в глаза...»
«Твой образ кроткий, незем-
ной...»
«Прильни щекой к моей ще-
ке...»
«Я в чашу лилии белой...»
«Недвижны в небе звезды...»
«Умчу тебя, дорогая...»
«Нимфея стан свой клонит...»
«В волнах прекрасных Рей-
на...»
«Не любишь ты, не любишь
ты...»
«Целуй меня и не клянись...»
«На глазки возлюбленной мо-
ей...»
«Свет близорук, свет недалек...»
«Дорогая, что же это...»
«Ликут флейты и скрипки...»

«Вконец, вконец тобой забы-
то...»
«Почему так бледны на вид...»
«Они наплели немало...»
«Пел соловей, и липа цвела...»
«Хоть чувство друг к другу
бывало у нас...»
«Была ты из самых верных...»
«Так долго стужа нас томила...»
«И вот, пока я зевал да зе-
вал...»
«Фиалки синих-синих глаз...»
«Прекрасна земля, как сапфир
небеса...»
«Когда в гробу, любовь моя...»
«На севере кедр одиноко...»
«Когда б скамеечкой про-
стой...»
«Разлучен я с милой был...»
«Из муки моей нестерпимой...»
«Филистеры в полном пара-
де...»

«Картинки времен забытых...»
 «Девушку юноша любит...»
 «Едва услышу снова...»
 «Мне снилась она, королевская
 дочь...»
 «Обнявшись дружно, сидели...»
 «Из старых сказок, мнится...»
 «Тебя я люблю и всегда лю-
 бил!...»
 «Сияющим летним утром...»
 «Любовь моя сумрачным све-
 том...»
 «Они меня истерзали...»
 «На щечках у любимой...»
 «Когда расстанутся двое...»
 «О страсти беседуют чинно...»
 «Мои отравлены песни...»
 «Мне сон старинный приснился
 опять...»
 «Я нынче сентиментален...»
 «Я тихо еду лесом...»

«Во сне я горько плакал...»
 «Что ночь, я вижу тебя во
 сне...»
 «На улице ветрено, жутко...»
 «Качает ветер деревья...»
 «Звезда упала в бездну...»
 «Холодной полночью глухой...»
 «Самоубийц хоронят...»
 «Путь мой мгла ночная ме-
 тит...»
 «Я видел сон, что я господь...»
 Сумерки богов.
 Ратклиф.
 На богомолье в Кевлар.
 «Ты губы в кровь искусала
 мне...»
 «Когда ты меня заключила в
 объятия...»
 «Меня ты, крошка, не кон-
 фузь...»

1823

«В жизнь мою, где мрак по-
 всюду...»
 «Не знаю, что за причина...»
 «Печально, печально сердце...»
 «Брожу в лесу, рыдая...»
 «Сырая, бурная полночь...»
 «Когда мне в пути, случайно...»
 «Присев у рыбацкого дома...»
 «Красавица-рыбачка...»
 «Луна над облаками...»
 «Натягивает вихрь штаны...»
 «Буря играет танец...»
 «Вечернее зарево блещет...»
 «Под окнами твоими...»
 «Морская ширь издалека...»
 «На той горе высокой...»
 «На дальнем горизонте...»
 «Привет тебе, огромный...»
 «Бреду опять по тому же пу-
 ти...»
 «Вернулся я под своды...»
 «Ночь. Тишина. Улицы сты-
 нут...»
 «Как можешь ты спать спо-
 койно...»
 «Спит девушка в светелке...»

«Стоял я в неясных грезах...»
 «Атлант я горемычный! Целый
 мир...»
 «Идут, проходят годы...»
 «Мне снилось: был грустен лу-
 ны восход...»
 «Что ей, слезе одинокой...»
 «Сквозит осенний месяц...»
 «Сегодня плохая погода...»
 «Все думают: я страдаю...»
 «Этих пальцев — лилий бе-
 лых...»
 «Разве ей твоя влюбленность...»
 «Любили они, но признанья...»
 «Как просвечивает месяц...»
 «Любимая мне приснилась...»
 «Друг, ты все одну стреко-
 чешь...»
 «Не досадуйте напрасно...»
 «Довольно дурить, пора быть
 умней...»
 «Сердце, будь непоколебимо...»
 «Ты, как цветок весенний...»
 «Здесь, дитя, твоя погибель...»
 «Когда я лежу закутан...»
 «Девушка, чьи нежны губки...»

«Пусть себе метель кружит
ся...»
«Тот Мадонне шлет моления...»
«Так бледностью не выдал я...»
«Милый друг мой, ты влюблен...»
«Хотел я с тобой насладиться...»
«Сапфиры у тебя глаза...»
«Я голову долго ломал напрасно...»
«У них сегодня гости...»
«О если бы все мои скорби...»

«У тебя и брильянты и жемчуг...»
«Тот, кто любит в первый раз...»
«Читали мне лекцию поучительную...»
«Этот юноша любезный...»
«Как темный ряд видений...»
«Моей законной став женой...»
«Вас я понимал превратно...»
Донна Клара.
«Узы дружбы, пыл сердечный...»

1824

«Лишь только о муках я речь заводил...»
«Позвал я чорта к себе, и вот...»
«Смертный, не глумись над чортом...»
«Три светлых царя от Востока шли...»
«Дитя, мы были дети...»
«Взгрустнется ль мне — в минуты эти...»
«Владыку Виссамитру...»
«Все фрагментарно в мире этом...»
«Я с вами расстался в разгаре июля...»
«От милых губ отпрянуть, оторваться...»
«Одни мы ехали в темном...»
«Эта шалая девчонка...»
«К плечам твоим белоснежным...»
«Трубят голубые гусары...»
«Сам я в молодые годы...»
«Ты и впрямь со мной враждуешь...»
«Ах, сияют как и прежде...»

«Кастраты зароптали...»
«На валу, что в Саламанке...»
«Дон Энрикец, иль Красавчик...»
«При первой же встрече, по голосу, взглядам...»
«Солнце уже над горами, и звончок...»
«На старом рынке в Галле...»
«Летний вечер полусонно...»
«Ночь легла на путь безвестный...»
«Что смерть? Прохладной ночи тень...»
Пролог из «Путешествия по Гарцу»
Горная идиллия.
Пастушок.
На Брокене.
Ильза.
«Вас просит, о фрейлейн, питомец муз...»
«Рад бывал я побороть...»
«Превосходная хозяйка...»
«Грезы старые, проснитесь!..»

1825

Альмансор.

Первый цикл «Северного моря».

1826

«Разве нет твоей любимой...»
Второй цикл «Северного моря».

Морская болезнь (из Дополнений).

1827

«Речью страстной я при-
лгался...»

«Чудесным светлым майским
днем...»

1830

«В облаках лежит луна...»
«В тучи кутаются боги...»

«К вечно вялой и усталой...»
«Лгут уста, но ложь понятна...»

1839

Пролог к «Книге песен».

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Титульный лист первого издания «Книги песен»	
1827 г.	16—17
Г. Гейне. С гравюры Карла Герста по рисунку	
Брандта начала двадцатых годов XIX в. . .	32—33
Г. Гейне. С офорта Л.-Э. Гримма 1827 г.	64—65
Факсимиле стихотворения Г. Гейне «Lorelei». . . .	96—97
Г. Гейне. С литографии по рисунку Юлиуса Гире	
1838 г.	144—145
Факсимиле отроческого стихотворения Г. Гейне «Oh,	
habet ihr über Glück und Unglück Gewalt» 1813 г.	320—321
Факсимиле сонета Гейне «Die Schlechten siegen, unter-	
gehn die Wackern» 1820 г.	326—327
Факсимиле «Пролога» к «Путешествию по Гарцу»	
1824 г.	332—333

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Георг Лукач. Генрих Гейне	VI
-------------------------------------	----

КНИГА ПЕСЕН

Предисловие к третьему изданию. <i>Перевод стихов А. Блока</i>	3
--	---

СТРАДАНИЯ ЮНОСТИ

Сновидения

1. «Мне снился пыл томлений и измен...»	6
2. «Зловещий грезился мне сон...»	—
3. «Манжеты, бант, нарядный черный фрак...»	9
4. «Спесив, надут, торжественен и важен...»	10
5. «Вся кровь взметнулася во мне...»	—
6. «В глухую ночь, в блаженном сне...»	12
7. «Я выплатил выкуп, чего же ты ждешь?..»	14
8. «Покинув в полночь госпожу...»	16
9. «Забылись муки в тишине...»	21
10. «Вот вызвал я силою слова...»	22

Песни

1. «Утром я встаю, гадаю...» <i>Перевод В. Коломийцева</i> . .	24
2. «Покоя нет и нигде не найти!..»	—
3. «Бродил я под тенью деревьев...» <i>Перевод Л. Мея</i> . .	25
4. «Положи мне руку на сердце, друг...» <i>Перевод Е. Кни-</i> <i>пович</i>	—
5. «Колыбель моей печали...» <i>Перевод В. Коломийцева</i> .	—
6. «Подожди, моряк суровый...» <i>Перевод Л. Мея</i>	26
7. «Гор и замков вереницы...»	27
8. «Сник сперва я в тайной дрожи...»	28
9. «О, пусть бы розы и кипарис...»	—

Романсы

1. Унылый.	29
2. Горный голос.	—
3. Два брата.	30
4. Бедный Петер. <i>Перевод М. Кузмина</i>	31

5. Песня узника. <i>Перевод П. Быкова</i>	32
6. Гренадеры. <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	33
7. Гонец.	34
8. Похищение.	35
9. Дон Рамиро.	—
10. Валтасар. <i>Перевод М. Михайлова</i>	40
11. Миннезингеры.	42
12. Под окном.	43
13. Раненый рыцарь.	—
14. Отплытие.	44
15. Песенка о раскаянье. <i>Перевод В. Рождественского</i>	—
16. Певице, спевшей старинный романс.	46
17. Песня о червонцах.	47
18. Разговор на Падерборнском лугу.	—
19. Напутствие (в альбом).	49
20. Поистине.	—

Сонеты

А.-В. Шлегелю.	51
Моей матери Б. Гейне.	—
Г. Ш.	52
Фреско-сонеты	53

ЛИРИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

Пролог.	58
1. «Чудесным светлым майским днем...»	59
2. «Из слез моих расцветает...»	—
3. «Голубка и роза, заря и лилея...»	60
4. «Когда гляжу тебе в глаза...» <i>Перевод М. Михайлова</i>	—
5. «Твой образ кроткий, неземной...» <i>Перевод В. Коломийцева</i>	—
6. «Прильни щекою к моей щеке...»	61
7. «Я в чашу лилии белой...»	—
8. «Недвижны в небе звезды...»	—
9. «Умчу тебя, дорогая...»	62
10. «Нимфея стан свой клонит...» <i>Перевод В. Коломийцева</i>	63
11. «В волнах прекрасных Рейна...» <i>Перевод В. Коломийцева</i>	—
12. «Не любишь ты, не любишь ты...»	64
13. «Целуй меня и не кланись...».	—
14. «На глазки возлюбленной моей...» <i>Перевод В. Коломийцева</i>	—
15. «Свет близорук, свет недалек...» <i>Перевод В. Коломийцева</i>	65
16. «Дорогая, что же это...»	—
17. «Как из пены воссиявшая...»	66
18. «Я не рошшу — пусть сердце и в огне...» <i>Перевод А. Фета</i>	—

19. «Да, ты несчастна, — и мой гнев угас...» <i>Перевод А. Фета</i>	66
20. «Ликують флейты и скрипки...»	67
21. «Вконец, вконец тобой забыто...»	—
22. «Когда б цветы узнали...» <i>Перевод М. Михайлова</i>	—
23. «Почему так бледны на вид...»	68
24. «Они наплели немало...» <i>Перевод В. Коломийцева</i>	—
25. «Пел соловей, и липа цвела...»	69
26. «Хоть чувство друг к другу бывало у нас...»	—
27. «Была ты из самых верных...» <i>Перевод В. Коломий- цева</i>	—
28. «Так долго стужа нас томила...»	70
29. «И вот, пока я зевал да зевал...»	—
30. «Фиалки синих-синих глаз...»	71
31. «Прекрасна земля, как сапфир небеса...»	—
32. «Когда в гробу, любовь моя...»	—
33. «На севере кедр одиноко...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	72
34. «Голова говорит...»	—
35. «Разлучен я с милой был...» <i>Перевод В. Коломийцева</i>	73
36. «Из муки моей нестерпимой...»	—
37. «Филистеры в полном параде...»	—
38. «Виденья времен забытых...» <i>Перевод Е. Книпович</i>	74
39. «Девушку юноша любит...»	75
40. «Едва услышу снова...»	—
41. «Мне снилась она, королевская дочь...»	—
42. «Обнявшись дружно, сидели...» <i>Перевод А. К. Тол- стого</i>	76
43. «Из старых сказок, мнится...» <i>Перевод В. Рождествен- ского</i>	—
44. «Тебя я люблю и всегда любил...»	77
45. «Сияющим летним утром...»	—
46. «Любовь моя сумрачным светом...»	78
47. «Они меня истерзали...» <i>Перевод Ап. Григорьева</i>	—
48. «На щечках у любимой...»	79
49. «Когда расстаются двое...»	—
50. «О страсти беседуют чинно...» <i>Перевод Инн. Аннен- ского</i>	—
51. «Мои отравлены песни...»	80
52. «Мне сон старинный приснился опять...»	—
53. «Я нынче сентиментален...»	81
54. «Я тихо еду лесом...» <i>Перевод В. Коломийцева</i>	—
55. «Во сне я горько плакал...»	82
56. «Что ночь, я вижу тебя во сне...» <i>Перевод В. Рожде- ственного</i>	—
57. «На улице ветрено, жутко...»	83
58. «Качает ветер деревья...» <i>Перевод В. Коломийцева</i>	—
59. «Звезда упала в бездну...» <i>Перевод В. Коломийцева</i>	84
60. «Гигантский снился мне чертог...»	—
61. «Холодной полночью глухой...»	85
62. «Самоубийц хоронят...»	—

63. «Путь мой мгла ночная метит...»	85
64. «Мне мгла сомкнула очи...»	86
65. «Былые злые песни...»	87

Опять на родине

1. «В жизнь мою, где мрак повсюду...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	89
2. «Не знаю, что за причина...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
3. «Печально, печально сердце...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	90
4. «Брожу в лесу, рыдая...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	91
5. «Сырая, бурная полночь...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
6. «Когда мне в пути случайно...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	92
7. «Присев у рыбацкого дома...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	93
8. «Красавица-рыбачка...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	94
9. «Луна над облаками...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
10. «Натягивает вихрь штаны...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	95
11. «Буря играет танец...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
12. «Вечернее зарево блещет...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
13. «Под окнами твоими...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	97
14. «Морская ширь издалека...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
15. «На той горе высокой...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	98
16. «На дальнем горизонте...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
17. «Привет тебе, огромный...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	99
18. «Бреду опять по тому же пути...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
19. «Вернулся я под своды...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	100
20. «Ночь. Тишина. Улицы стынут...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
21. «Как можешь ты спать спокойно...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
22. «Спит девушка в светелке...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	101
23. «Стоял я в неясных грезах...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
24. «Атлант я горемычный! Целый мир...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	102
25. «Идут, проходят годы...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
26. «Мне снилось: был грустен луны восход...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
27. «Что ей, слезе одинокой?...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	103
28. «Сквозит осенний месяц...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
29. «Сегодня плохая погода...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	105
30. «Все думают: я страдаю...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
31. «Этих пальцев — лилий белых...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	106
32. «Разве ей твоя влюбленность...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
33. «Любили они, но признанья...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
34. «Лишь только о муках я речь заводил...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	107
35. «Позвал я чорта к себе, и вот...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
36. «Смертный, не глумись над чортом...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—

37. «Три светлых царя от Востока шли...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	103
38. «Дитя, мы были дети...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
39. «Взгрустнется ль мне — в минуты эти...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	109
40. «Как просвечивает месяц...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	110
41. «Любимая мне приснилась...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
42. «Друг! ты всё одну стрекочешь...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	111
43. «Не досадуйте напрасно...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
44. «Довольно дурить, пора быть умней...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	112
45. «Владыку Висвамитру...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
46. «Сердце, будь неколебимо...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	113
47. «Ты — как цветок весенний...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
48. «Здесь, дитя, твоя погибель...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	113
49. «Когда я лежу закутан...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	114
50. «Девушка, чьи нежны губки...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
51. «Пусть себе метель кружится...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
52. «Тот Мадонне шлет моленья...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	115
53. «Так бледностью не выдал я...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
54. «Милый друг мой, ты влюблен...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
55. «Хотел я с тобой насладиться...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	116
56. «Сапфиры у тебя глаза...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
57. «Речью страстной я приглася...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	117
58. «Все фрагментарно в мире этом...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
59. «Я голову долго ломал напрасно...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
60. «У них сегодня гости...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	118
61. «О, если бы все мои скорби...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
62. «У тебя и брильянты и жемчуг...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	119
63. «Тот, кто любит в первый раз...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
64. «Читали мне лекцию поучительную...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
65. «Этот юноша любезный...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	120
66. «Я видел сон, что я господь...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
67. «Я с вами расстался в разгаре июля...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	122
68. «От милых губ отпрянуть, оторваться...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
69. «Одни мы ехали в темном...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	123
70. «Эта шалая девчонка...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
71. «Как темный ряд видений...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	124

72. «Моей законной став женой...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i> .	124
73. «К плечам твоим белоснежным...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	125
74. «Трубят голубые гусары...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i> . . .	—
75. «Сам я в молодые годы...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i> . . .	—
76. «Ты и впрямь со мной враждуешь?..» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	126
77. «Ах, сияют, как и прежде...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i> . .	—
78. «Вас я понимал превратно...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i> .	127
79. «Кастраты зароптали...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
80. «На валу, что в Саламанке...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i> . .	—
81. «Дон Энрикец, иль Красавчик...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	128
82. «При первой же встрече, по голосу, взглядам...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
83. «Солнце уже над горами, и звонюк...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	129
84. «На старом рынке в Галле...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i> .	129
85. «Летний вечер полусонно...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i> . .	—
86. «Ночь легла на путь безвестный...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	130
87. «Что смерть? Прохладной ночи тень...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	—
88. «Разве нет твоей любимой...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i> .	—
Сумерки богов. <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	131
Ратклиф. <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	133
Донна Клара. <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	136
Альмансор. <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	139
На богомолье в Кевлар. <i>Перевод В. Гиппиуса</i>	143

ИЗ «ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ГАРЦУ»

Пролог.	146
Горная идиллия (I—III).	147
Пастушок.	153
На Брокене.	154
Ильза.	—

СЕВЕРНОЕ МОРЕ

Цикл первый

1. Коронование. <i>Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда</i>	156
2. Сумерки. <i>Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда</i>	157
3. Закат солнца. <i>Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда</i>	158
4. Ночь на берегу. <i>Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда</i>	159
5. Посейдон. <i>Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда</i>	161

6. Признание. Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда	163
7. Ночь в каюте. Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда	164
8. Буря. Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда	166
9. Штиль. Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда	167
10. Морской призрак. Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда	168
11. Очищение. Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда	170
12. Мир. Перевод В. Блюменфельда	171

Цикл второй

1. Привет морю. Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда	173
2. Гроза. Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда	175
3. Крушение. Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда	—
4. На закате. Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда	177
5. Песнь океанид. Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда	178
6. Боги Греции. Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда	181
7. Вопросы. Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда	183
8. Феникс. Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда	184
9. В гавани. Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда	185
10. Эпилог. Перевод М. Михайлова, переработка В. Блюменфельда	187

ДОПОЛНЕНИЯ К «КНИГЕ ПЕСЕН»

К «Страданиям юности»

Песни

1. Любовный привет.	188
2. Любовная жалоба.	189
3. Томление.	190
4. Белый цветок.	191
5. Чаение.	—

Романсы

1. Посвящение.	192
2. Серенада мавра.	193

Сонеты и разные стихотворения

1. Венок сонетов А.-В. Шлегелю.	
I. «Гнуснейший червь — сомнения укоры...»	194
II. «Ты своему не верил достойно...»	195
2. Гофрату Георгу С. в Геттингене.	—
3. Ж.-Б. Р.	196
4. Фреско-сонет Христиану З.	—
5. Ночь на Драхенфельзе.	197
6. Фрицу Шт. в альбом.	—
7. Францу ф.-Ц.	198
8. Урок.	199
9. Сон и жизнь.	—
10. К ней.	200

К «Лирическому интермеццо»

1. «К устам моим устами...»	201
2. «Не верую я в небо...»	—
3. «Звезды в небе, протяните...»	—
4. «Мне мысль не дает покою...»	202
5. «Узы дружбы, пыл сердечный...»	—

К циклу «Опять на родине»

1. «В облаках лежит луна...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i> . . .	202
2. «В тучи кутаются боги...» <i>Перевод В. Гиппиуса</i> . . .	203
3. «Вас просит, о фрейлейн, питомец муз...»	—
4. «К вечно вялой и усталой...»	204
5. «Ты губы в кровь искусила мне...»	—
6. «Когда ты меня заключила в объятья...»	—
7. «Лгут уста, но ложь понятна...».	—
8. «Рад бывал я побороть...»	205
9. «Меня ты, крошка, не конфуз...»	—
10. «Превосходная хозяйка...»	—

К «Путешествию по Гарцу»

«Грезы старые, проснитесь!..»	206

К «Северному морю»

Морская болезнь. <i>Перевод В. Блюменфельда</i>	207

ТРАГЕДИИ

Вильям Ратклиф.	241
Альмансор.	250

СТИХОТВОРЕНИЯ 1816—1827

1816

«Когда в Оттэнзене я был...»	319
«Когда подступает волшебный миг...»	—

1819

«Будь безумцем и поэтом...»	319
«Равлуку я сносил с трудом...»	323
«Цветы к лучезарному солнцу...»	—
«Весь день о ней я помышлял...»	—
«Когда я с милою вдвоем...»	324
«Мне в лес бы зеленый! Как дивно там...»	—
«Если даже не добьешься...»	325

1820

«Взгромоздясь на Роландсек...»	325
Фрицу фон-Бейггему.	—
«За алтарем укрылся поп в тревоге...»	326
«Знай зубри, юнец, упорно...»	—

1821

«Чуждый скорби, чая нег...»	326
«Мужчины, девы, женщины, внимлите...»	327
Бамберг и Вюрцбург.	—
Картина. Трагедия барона Э. фон-Гувальда.	328
«Под Липами, друг, по чести...»	—

1822

Окассен и Николетта.	328
------------------------------	-----

1823

«Мне грезится, снова я мчусь на коне...»	329
«Боль и муку без границы...»	—
«Я отодвинул ржавые засовы...»	—
«Моим бы песням нежным...»	330
Дрезденская поэзия	—

1824

«Ты, лилия грез моих бельж...»	331
«Поля и леса зеленеют...»	—
«Дни и ночи сочиняя...»	332
«Что я люблю тебя, мопсик...»	—
«Вражда с любовью, любовь с враждою...»	—
Сонет-буфф.	—
Эдому.	333
«Излейся, сердце больное...»	—
Отщепенцу	334

1825

Отрывок.	334
------------------	-----

1826

«Я в мире любви блаженной искал...»	335
«Был месяц март, когда любовь...»	—
Воспоминание.	—

1827

Отрывок	337
Рамсгет (I —II).	338

ПРИЛОЖЕНИЯ

«КНИГА ПЕСЕН» В ПЕРЕВОДАХ РУССКИХ ПОЭТОВ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

А. Майков	
Гейне (Пролог)	341
М. Лермонтов	
«На севере диком стоит одиноко...»	342
«Они любили друг друга так долго и нежно...»	—
Ф. Тютчев	
«Друг, откройся предо мною...»	342
«На севере мрачном, на дикой скале...»	343
«Закралась в сердце грусть — и смутно...»	—
«Как порою светлый месяц...»	—
Кораблекрушение	344
Вопросы	345
К. Павлова	
Лорелея	346
А. п. Григорьев	
«Страдаешь ты, и молкнет ропот мой...»	347
«Ядовиты мои песни...»	—
«Они меня истерзали...»	348
«Пригрезился снова мне сон былой...»	—
«Не пора ль из души старый вымести сор...»	—

Л. Мей	
«Отравой полны мои песни...»	349
Лорелея	—
«Хотел бы в единое слово...»	350
М. Михайлов	
Гренадеры	351
Гонец	352
«Как из пены волн рожденная...»	—
«Я не ропщу, хоть в сердце стынет кровь...»	353
«Несчастлива ты, — и ропот мой молчит...»	—
А. К. Толстой	
«Довольно! Пора мне забыть этот вздор!..»	353
И. н. Анненский	
Двойник	354
Александр Блок	
«В этой жизни слишком темной...»	354
«Не знаю, что значит такое...»	355
«Сырая ночь и буря...»	356
«Красавица-рыбачка...»	—
«Играет буря танец...»	357
«Вечер пришел безмолвный...»	—
«Тихая ночь, на улицах дрема...»	358
«Ты знаешь, что живу я...»	359
«Три светлых царя из восточной страны...»	—

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Предисловие ко второму изданию «Книги песен».	360
Предисловие к пятому изданию «Книги песен».	365
Предисловие к французскому изданию стихотворений.	—
Предисловие к третьему изданию «Вильяма Ратклифа».	369
Комментарии Н. Берковского	371
Хронология стихотворений из «Книги песен» и дополнений к ней	404
Перечень иллюстраций	409

Редактор А. Семенова.

Сдано в набор 10/III 1937 г.

Тираж 15000. Уполномоч. Главлита № Б-42324. Печ. л. 2¹, У.-а. л. 24,25.

Бумага 82 × 110 в ¹/₃₂. Бум. л. 7,34. Заказ № 4022. Ц-на 8 руб. Переплет 2 руб.

Набрано в тип. „Печатный двор“. Отпечатано с готовых стернотипов во 2-й тип.

Трансжелдориздата им. Лоханкова. Ленинград, ул. Правды, 15.

Технический редактор А. Чалова.

Подписано к печати 20/VII 1938 г.

Г Е Й Н Е

Г Е Й Н Е

1

ГОСЛИТИЗАТ

